

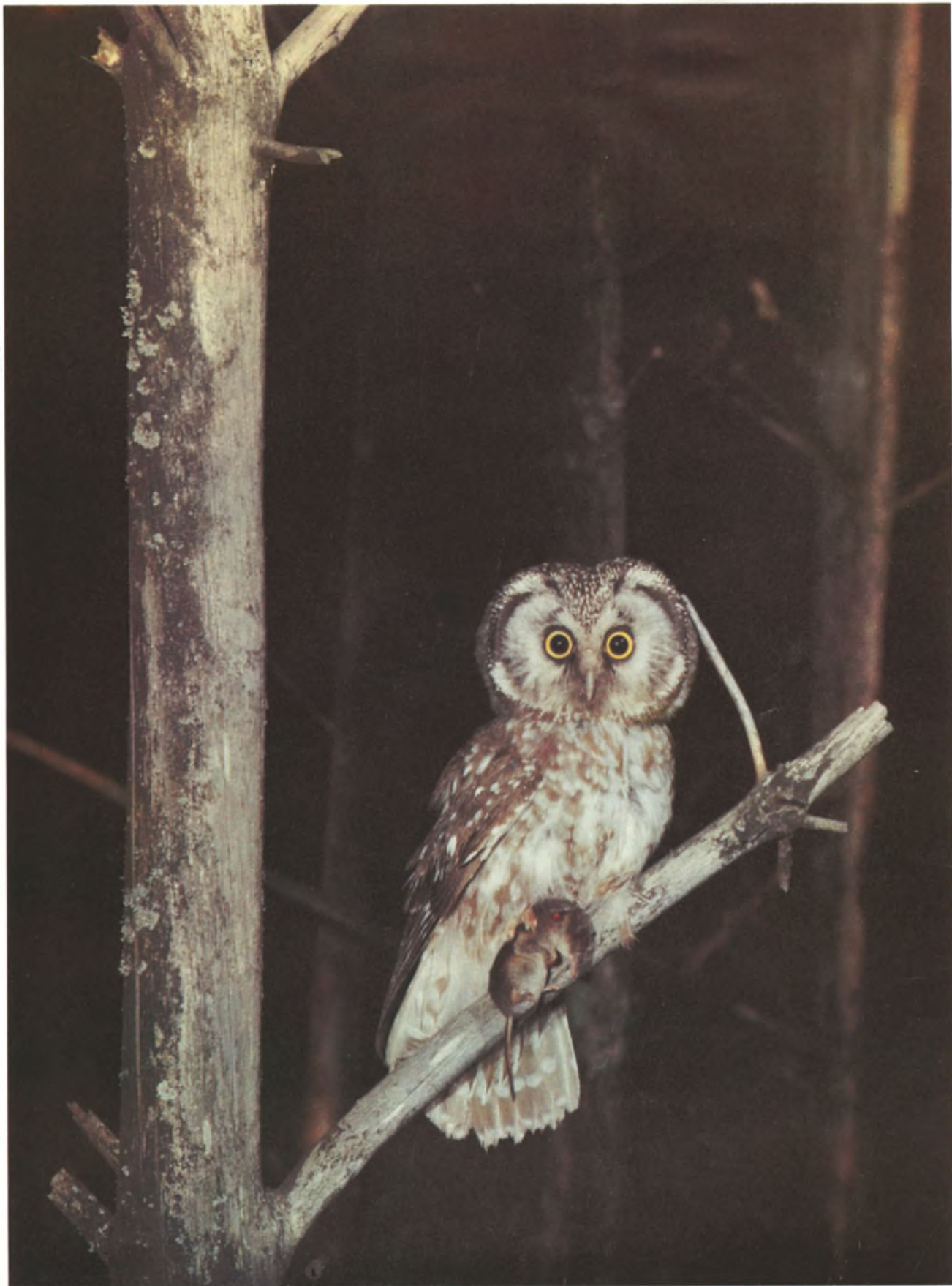
охота

и охотничье хозяйство

12

2000

ДАЛЕКО, ДА МНОГО

Охотничье хозяйство совета ВОО КТОФ «Илистое», если считать от Москвы, далеко-далеко. А если от Владивостока или Уссурийска, то близко. Всего каких-нибудь пара сотен километров. Для флотских охотников, рыболовов, туристов это не расстояние. Да и настоящих любителей природы оно не испугает. Не испугался и я, когда Александр Николаевич Кузнецов, председатель совета ВОО КТОФ, предложил мне в завершение командировки побывать в «Илистом», одном из лучших хозяйств совета: «Всего 200 км с гаком, на машине туда и обратно. Не пожалеете. Там увидите немало интересного». Кто бы отказался на моем месте, хотя срок командировки уже истек.

И вот мы с Владимиром Юрьевичем Васильевым, начальником отдела охоты совета, прибыли в усадьбу.

Встретил начальник хозяйства Анатолий Григорьевич Костельнюк. После взаимных приветствий, он с улыбкой пожурил нас: «Сообщили, что будете к пяти, а приехали в два часа. Уха еще не готова. Осмотрите пока усадьбу, а я пойду распоряжусь и кое-какие дела закончу».

На том и порешили. Тем более что Владимир Юрьевич хорошо знает хозяйство.

Еще при подъезде к усадьбе бросаются в глаза два красивых здания. Гостиница и баня, как объяснил Васильев. Хорошо смотрятся и ворота с морской символикой.

Осмотр подтвердил первое впечатление. И гостиница, и особенно великолепная, дворцовой постройки, баня удовлетворяют самые прихотливые запросы. В гостинице: люксы, полулюксы, номера на два-четыре человека, банкетный зал; кухни, электроплитки, холодильники, телевизоры, водопровод, канализация... Иначе говоря, в ином крупном городе такой не сыщешь.

Баня не уступает по благоустройству — просторные раздевалки, места для мытья, душ, парилка с сухим паром, комната отдыха с камином. По словам Владимира Юрьевича, об этой бане знает вся округа. Нередки гости из краевого центра. Приезжают также иностранные туристы, российские коммерсанты и просто состоятельные люди. Но основные посетители — члены ВОО.

Уже с первых шагов по усадьбе я понял, что председатель совета не зря порекомендовал побывать здесь.

Владимир Юрьевич поведал о том, как сооружались здания. Строили, говорит, всем миром. Помог в свое время финансами и Центральный совет. Но главная заслуга Костельнюка. Работает он уже более 20 лет. Принял захудалое хозяйство, и вот во что оно превратилось.

Сходили мы и на большое искусственное озеро с обводными каналами. Эти водоемы вырыты заботами Анатолия Григорьевича и зарыблены. 15 лет, по его словам, не клева рыба и только теперь разохотилась. Рыболовам есть что поймать: карась, щука, сом и другая рыба. Недавно два любителя вытащили сома весом 65 кг.

На расстоянии не более километра за озером протянулась дамба, спасающая усадьбу в период паводков. Васильев сказал, что это тоже дело рук начальника хозяйства. Конечно, большую помощь оказал совет. Раньше дома заливало по окна.

От озера пошли на хозяйственный двор. Там тоже было чему удивиться. Присоединившийся к нам Анатолий Григорьевич показал весомый «капитал»: стадо свиней порядка 40 голов. Держит хозяйство еще дойную корову и годовалую телку. Не счесть кур. Выращиваются и подсадные утки «Катки» — более трех десятков. Егерь Виктор Федорович Мельник рассказал, что есть среди них чемпионки. Весной одна крикуха улетела из утятника и долго не возвращалась, а к началу лета привела домой тринадцать утят. Жаль браконьеры ее подстрелили.

Порядок выдачи уток охотникам такой: плати 30 рублей, бери подсадную и стреляй с ней селезней хоть весь весенний период охоты. В это время к местам засидок доставляют вагончики, где можно проживать, не возвращаясь в гостиницу.

...На следующий день у нас с Анатолием Григорьевичем состоялась заключительная беседа. Он постарался обстоятельно ответить на мои вопросы, особенно на основные: как удовлетворяются запросы охотников, каков уровень рентабельности хозяйства?

— Наше хозяйство небольшое, всего 4,5 тыс. га. Однако есть где отвести душу, даже любителям охоты на копытных. Главный профиль — водоплавающие и фазаны. Есть немного коз, но бережем их. Охота разрешается только в исключительных случаях.

В последние годы лучше идет весенняя охота: гусь, селезень. Селезней на пролете держится в угодьях немало. Удачливые охотники добывают до десятка голов за срок отстрела. Желающим поохотиться не отказываем. Хватает и подсадных, и лодок. Некоторые пользуются своими надувными. Очень популярна охота на фазанов. К сожалению, палы значительно сузили угодья, где они водятся. Снизилось соот-

ветственно и поголовье. Но для наших охотников птиц хватает, а жадным не даем разгуляться. Подлинным любителям отказа нет.

Теперь о рентабельности. Хозяйство уже немало лет на хозрасчете. На этой взаимно благоприятной основе строятся отношения с советом. Согласитесь, что при всей весомости доходов от охоты и рыбной ловли расходов хозяйства они не окупают. Поэтому рентабельности мы стремимся достичь разного рода побочными промыслами. Приходилось и приходится крутиться. Когда была рыба в озере Ханко, ловили ее и с выгодой продавали.

Стабильный доход идет от продажи сена, которое заготавливаем в значительном количестве. Но главные источники прибыли: гостиница, баня и связанный с их эксплуатацией сервис. Свиней выращиваем не для продажи на базаре, а для подачи к столу охотников, рыболовов, иностранных и простых туристов, чиновников администрации всех уровней вплоть до краевой. Всей этой публике нужна пища. Вот и идет мясо наших свиней на шашлыки. К столу подаем рыбу, свои свежие овощи. А остальное — проблемы самих гостей. Кстати, цена за гостиницу, баню вполне доступная. Видимо, поэтому они не простаивают. Значит, и доход дают большой. Так и складывается рентабельность. Из года в год имеем прибыль. Смогли повысить зарплату персоналу, рассчитаться со всеми, кому были должны.

На мой традиционный вопрос о планах, новшествах, задумках, трудностях Анатолий Григорьевич ответил так:

— Все планы, задумки, новшества подрезает под корень цена на горючее. В хозяйстве много техники. Два ГАЗ-66, пять тракторов плюс комбайн, ГТС. Горючее — самая главная трудность. С остальными легче справиться.

Думаю продолжать строительные работы. Деньги совет дает. На очереди — «Бегущий кабан», площадка для стендовой стрельбы. Расширим работы на кормовых полях. Очень нужны зерно, соя. И еще одна мысль. Может быть, удастся организовать столовую для посетителей. Будем предлагать гостям набор недорогих блюд. Сколько забот спадет с плеч охотников, рыболовов, других гостей. Глядишь, и увеличится поток приезжающих в хозяйство.

...Да, подумалось мне, не назовешь привлекательным название «Илистое» (по имени реки), а едет туда народ. Знать, дело не в названии, а в умении коллектива работать, в гостеприимстве. Осталось пожелать персоналу и его начальнику крепкого здоровья и новых успехов в их праведном труде на пользу людям.

К. ОГЛОБЛИН

охота

и охотничье хозяйство

12 2000

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовая коллекция редакции журнала,
Союз общества охотников и рыболовов РФ.
Основан в октябре 1955 г.

ПРАВО ОХОТЫ

Н. КРАЕВ,
биолог-охотовед,
ведущий научный сотрудник,
зав. отделом «Хозяйство и Право»
ВНИИОЗ, кандидат юридических наук

Возрастной ценз на право охоты с огнестрельным оружием подразделяется на два элемента: с нарезным оружием — только с 18 лет, с гладкоствольным — может быть ниже. Ранее этот вопрос регулировался охотничьим законодательством и без такого деления. Принятый в 1993 г. Закон РФ «Об оружии» установил, что право на приобретение охотничьего оружия получают граждане Российской Федерации, достигшие 18-летнего возраста. Предусматривалось также, что возрастное ограничение на приобретение гладкоствольного оружия могло быть снижено решениями законодательных органов субъектов РФ, причем без установления границ этого снижения. Действующий ныне Федеральный закон «Об оружии» (1996 г.), предоставляя возможность законодателям субъектов РФ снижать возраст для приобретения охотничьего гладкоствольного оружия, ограничивает это право — можно снизить, но не более чем на два года. Несмотря на это, Закон «Об охоте и охотничьем хозяйстве Томской области» (1996 г.) устанавливает, что все «граждане, населяющие районы Крайнего Севера и приравненные к ним местности, пользующиеся правом охоты с охотничьим огнестрельным оружием с 14-летнего возраста» (стало быть, как с нарезным, так и с гладкоствольным). Закон «Об охоте и охотничьем хозяйстве в Тюменской области» (1997 г.) также снижает возрастной ценз на право охоты с огнестрельным охотничьим оружием, но только для охотников из числа коренного населения, принадлежащих к народам Севера. В Республике Коми в 1997 г. возраст снижен до 16 лет, но только по гладкоствольному охотничьему оружию и не для всех, а только для граждан, имеющих постоянное место жительства в сельских населенных пунктах, занимающихся промысловой охотой, а также для членов семей оленеводов.

Закон Республики Саха (Якутия) «Об охоте и охотничьем хозяйстве» (1998 г.) устанавливает возрастной ценз без деления охоты на виды — правом на охоту на территории Республики Саха (Якутия) пользуются граждане, достигшие 14-летнего возраста. Аналогичная норма содержится и в Законе «Об охоте и ведении охотничьего хо-

зяйства в Республике Башкортостан» (1994 г.) — «правом на охоту на территории Республики Башкортостан пользуются граждане, достигшие 16-летнего возраста». Закон Республики Калмыкии «Об охоте и охотничьем хозяйстве» (1995 г. с изменениями и дополнениями) оригинален следующим новшеством: «правом самостоятельной охоты с охотничьим огнестрельным оружием обладают граждане Республики Калмыкии, достигшие 18-летнего возраста, а в присутствии поручителя с 16 лет».

Правила охоты в Хабаровском крае, принятые малым Советом в 1993 г., устанавливают, что «охотники, заключившие договор с охотпользователем или получившие у него путевку, имеют право на охоту с гладкоствольным оружием, уплатив государственную пошлину, с 14-летнего возраста, под контролем родителей или попечителей».

Сдача испытаний по правилам охоты, технике безопасности на охоте и обращению с охотничьим оружием. Обоснована ли была замена содержавшихся ранее в пункте 14 Положения об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР словосочетаний: «испытания по охотничьему минимуму» на «испытания по правилам охоты, технике безопасности на охоте, обращению с охотничьим огнестрельным оружием» и меняет ли это что-нибудь? Да, меняет весьма существенно и не в лучшую сторону. Слишком все сужено. К примеру, границы испытаний, установленные словами «обращение с охотничьим огнестрельным оружием», не предполагают проверки знания правил безопасного обращения с охотничьими ножами, топорами. Травмы и ранения от этих орудий труда более часты, нежели от огнестрельного оружия.

Незарегимленность прежнего термина «охотничий минимум» позволяла охотхозяйственной практике наполнять экзамены оптимальным содержанием. Кроме осведомленности по правилам охоты, технике безопасности на охоте, обращению с охотничьим оружием, капканами, «Охотничий минимум» (названия книг, выдержавших несколько изданий) включал необходимые охотнику сведения по основам биологии зверей и птиц, биотехники, технике добывания животных, первичной обработке продукции, оказанию первой помощи пострадавшему на охоте, ориентировке на местности и другим разделам, которые теперь, согласно новой формулировке, стали необязательными и, стало быть, ненужными. С другой стороны, словосочетание «правила охоты» весьма неопределенно (особенно если обра-

титься к определению термина «охота») и часто вызывает различные толкования — то ли это только содержание брошюры с одноименным названием, то ли это большая совокупность документов, регулирующих все вопросы, связанные с охотой и ведением охотничьего хозяйства. От этого зависит не только выяснение объема знаний при сдаче испытаний (экзамена), но и правильное применение мер ответственности за какие-либо нарушения. Хотя сдача испытаний по правилам охоты, технике безопасности на охоте, обращению с охотничьим огнестрельным оружием законодательством предусмотрена с 1993 г., но до сих пор нет ни утвержденных государственных органами соответствующей программы, вопросов, ни одобренных ими пособий. Нам известна лишь одна брошюра (к сожалению, невысокого качества) — «Охотничий минимум» (минимальный объем знаний, необходимых охотнику), издательства МП «БРАТ» (1995 г.), имеющая пометку: «Материалы рекомендованы Охотдепартаментом в качестве пособия для подготовки к сдаче экзаменов вступающими в охотники».

В ряде субъектов РФ предусмотрено разграничение объема сдачи испытаний в зависимости от вида охот. Так, правилами охоты в Удмуртской Республике установлено, что «в Российской Федерации правом охоты пользуется каждый человек и гражданин, имеющий охотничий билет, сдавший испытания по правилам охоты, технике безопасности на охоте, уплативший государственную пошлину в установленном размере и достигший 14-летнего возраста. При этом право охоты с охотничьим огнестрельным оружием предоставляется лицам, сдавшим испытания по правилам обращения с охотничьим оружием и достигшим 18-летнего возраста».

В развитие постановлений Правительства РФ № 594 и 728 Минсельхозом России был издан приказ от 24 декабря 1993 г. № 315 «О предоставлении права на охоту». Начальникам государственных органов управления охотничьим хозяйством республик в составе Российской Федерации, краев, областей и автономных образований предписывалось создать специальные комиссии для проведения испытаний, в которые надлежало включать представителей разрешительных отделов органов милиции, комитетов по охране природы, а также решить вопрос об установлении платы за проведение испытаний по правилам охоты, технике безопасности на охоте, обращению с охотничьим оружием и выдачу охотничьих билетов.

Во многих субъектах РФ размер платы был установлен органами исполнительной власти в пределах от 0,2 до 1 размера минимальной месячной оплаты труда в Российской Федерации. Однако оказалось, что взимание данной платы незаконно. По иску Магаданского общества охотников и рыболовов при правовой поддержке и участии в деле ст. научного сотрудника отдела «Хозяйство и Право» ВНИИОЗ В. Б. Слободенюка, решением Верховного суда РФ от 16 сентября 1998 г., пункт 4 приказа Минсельхоза России, касающийся вопроса установления платы за сдачу испытаний и за выдачу охотбилетов, был признан недействительным (незаконным) и отменен. Поскольку решения исполнительных ор-

гического экскурса будет неполным и незавершенным. Дореволюционный закон об охоте устанавливал взимание сбора при выдаче охотничьих свидетельств в размере трех рублей за каждое свидетельство, но не уточнял, за что взимается плата: за действие по выдаче его или за право охоты. Декрет «Об охоте» от 20 июля 1920 года, подписанный В. И. Лениным, провозглашал, что «охотничьи билеты выдаются бесплатно и не подлежат оплате гербовым сбором, равно как самое право охоты не может облагаться никакими налогами». Декретом от 1 марта 1923 г. «Об охотничьем сборе» было установлено обложение государственным сбором охотников, имеющих право производства охоты. В Положении об охот-

сроков действия охотничьих билетов», то государственная пошлина взималась только при выдаче (продлении) лишь одного вида разрешительных документов — охотбилетов. Иными словами, Минфином СССР был сужен перечень документов, за выдачу которых полагалось брать плату в государственную казну (но к облагаемому действию «выдача» прибавилось облагаемое действие «продление»).

Законом РСФСР «О государственной пошлине» (1991 г.) установил, что плательщиками государственной пошлины являются юридические и физические лица, в интересах которых специально уполномоченные органы совершают действия и выдают документы, имеющие юридическое значение. В числе таковых действий была записана и «выдача разрешений на право охоты» (5 руб.). Новая (1995 г.) редакция этого Закона предусматривала взимание пошлины не за выдачу разрешений на право охоты, а «за выдачу лицензий на пользование животным миром» (однократный размер минимальной месячной оплаты труда). В 1997 г. действие, за которое взимается государственная пошлина, вновь было изменено и стало именоваться — «за выдачу удостоверений на право охоты» (для российских граждан — одна десятая минимального месячного размера оплаты труда; для иностранных граждан — двукратный размер минимальной оплаты труда). В настоящее время обязанность по уплате госпошлины при получении охотбилетов не возложена на граждан Российской Федерации, принадлежащих к коренным малочисленным народам и этническим общностям Крайнего Севера и приравненных к нему местностей, на территориях их традиционного проживания и хозяйственной деятельности, а также лиц, не принадлежащих к указанным народам и этническим общностям, но постоянно проживающих на территории Крайнего Севера и в приравненных к нему местностях.

В Инструкции Госналогслужбы России от 15 мая 1996 г. № 42 по применению Закона РФ «О государственной пошлине» написано, что, в соответствии с постановлением Совета Министров — Правительства Российской Федерации от 26 июля 1993 г. № 728 «О любительской и спортивной охоте в Российской Федерации», удостоверением на право осуществления охоты служат охотничьи билеты, выдаваемые государственными органами управления охотничьим хозяйством, или членские охотничьи билеты, выдаваемые общественными охотничьими организациями, с отметкой этих организаций об уплате государственной пошлины.

Если ранее пошлина выплачивалась при выдаче и при продлении сроков действия охотничьих билетов, то формулировка «за выдачу разрешений на право охоты» вызвала немало вопросов. Например, налоговые органы считали, что срок действия охотничьего билета один год и за его продление

Выезд на коллективную охоту

ганов в субъектах РФ по указанным элементам не отменены, то вполне вероятно, что некоторые охотуправления платят с охотников за указанные действия взимая незаконно до сих пор.

Исключения из установленного порядка предоставления права на охоту. Добывание крота, а также суслика, хомяка и других грызунов — вредителей сельскохозяйственных культур (кроме видов, занесенных в Красные книги) разрешено всем гражданам, независимо от возраста и без получения охотничьего билета и путевки (пункт 2 постановления Правительства СССР № 3, пункт 16 Положения об охоте). Кроме того, Типовые правила охоты в РСФСР устанавливают, что всем гражданам, независимо от возраста, без получения охотбилета и путевки разрешен круглогодичный отлов мелкими капканами и другими самоловами хорей и лисиц на территории сельских населенных пунктов (в хозяйственных постройках и на приусадебных участках). 5

Уплата государственной пошлины. Рассмотрение данного элемента без исто-

ничьем хозяйстве РСФСР 1930 г. было уже прямо записано, что «за право производства охоты взимается охотничий сбор».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1979 г. «О государственной пошлине» было установлено, что пошлина взимается «за выдачу разрешений на право охоты», то есть не за само право охоты, а за действие по выдаче документа. Причем в тот период разрешительными документами на право охоты являлись охотничий или охотничий членский билет, путевка на право охоты в конкретном приписанном охотхозяйстве, разрешение на право охоты в угодьях государственного резервного фонда, а также разрешение (лицензия) на отстрел (добычу) тех видов зверей, которые были в числе лицензионных (копытные, медведь, некоторые пушные). Но, поскольку в соответствующей инструкции Минфина СССР (1979) было записано, что «пошлина за выдачу разрешений на право охоты взимается в размере 1 рубля. Пошлина взимается при выдаче, а также ежегодно при продлении

следует снова взимать пошлину. Департаменту налоговой политики Минфина России пришлось неоднократно разъяснять, что Уставы Военно-охотничьего общества, ассоциации «Росохотрыболовсоюз» не предусматривают срока действия охотничьих членских билетов. Эти билеты являются постоянно действующими (действие прерывается только у лиц, выбывших из обществ за неуплату в установленный срок без уважительных причин членских взносов). Поэтому при выдаче таких билетов пошлина должна взиматься один раз при их выдаче.

Инструкция о порядке выдачи охотничьих билетов, утвержденная приказом Минсельхозпрода России от 25 мая 1998 г. № 302, устанавливает, что охотничьи билеты (не членские, билеты системы Охотдепартамента) выдаются по месту постоянного жительства граждан сроком на 5 лет. Как будет именоваться действие по истечении этого срока — то ли продление, то ли выдача нового билета — неизвестно. Стало быть, обязанность уплаты госпошлины или освобождение от нее гражданина снова осуществлены не законом, а значит — будут определяться мнением какого-то чиновника.

Удостоверение (подтверждение) права охоты. Пункт 15 Положения об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР (в редакции Постановления Правительства РФ от 23 июня 1993 г. № 594) гласит, что удостоверением на право охоты служит охотничий билет (без уточнения — какой и кем выдаваемый). Постановление Правительства РФ от 26 июля 1993 г. № 728 «О любительской и спортивной охоте в Российской Федерации» устанавливает, что удостоверением на право осуществления охоты служат охотничьи билеты, выдаваемые государственными органами управления охотничьим хозяйством, или членские охотничьи билеты, выдаваемые общественными охотничьими организациями, с отметкой этих организаций о сдаче испытаний по правилам охоты, технике безопасности на охоте, обращению с охотничьим оружием и об уплате государственной пошлины. Иными словами, в отличие от ранее действовавшего порядка, предусматривавшего получение права охоты только лишь через вступление в общество охотников, в настоящее время предусмотрен альтернативный порядок получения права на охоту — или через вступление в общество охотников, или без вступления, через государственные органы (управления по охране, контролю и регулированию использования охотничьих животных субъектов РФ, сокращенно именуемых охотуправлениями, и должностных лиц этих управлений в районах — райохотоведах). Соответственно и документ, подтверждающий право охоты, именуется или «членский охотничий («охотничье-рыболовный») билет» или просто «охотничий билет». Есть еще один вид документа, также свидетельствующий (подтверждающий) наличие у его вла-

дельца права на охоту, — охотничий билет, выдаваемый промысловыми и другими хозяйствами, именуемый иногда «билет промыслового охотника», «промысловый охотничий билет». Право выдачи и законность этих билетов иногда подвергаются сомнению. Так, несколько охотников, не имея государственных охотничьих билетов, выданных охотуправлениями, добыли и сдали продукцию ЗАО «Березовский КЗПХ». Госохотинспекция предъявила промхозу иск в возмещение ущерба, причиненного незаконной охотой. Дело было рассмотрено Арбитражным судом Ханты-Мансийского автономного округа. В отношении охотничьих билетов суд установил следующее: «Указанные в акте охотники имели охотничьи билеты, выписанные в установленном в момент их выдачи порядке Березовским КЗПХ. Инструкция от 25 мая 1998 г. № 302 установила, что выдачу охотничьих билетов осуществляют подразделения Департамента по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов. Однако ни эта Инструкция, ни другой нормативный акт не признает выданные ранее билеты недействительными, не устанавливает их замену и срок для этого. Суд поэтому не может согласиться с доводом истца, что охота с билетами, ранее выданными, считается незаконной». На этом основании в иске было отказано (решение от 16 ноября 1999 г. по делу № 1221-А/99).

Если два-три десятка лет назад лица, получившие право охоты (имеющие охотничьи билеты), реально могли его реализовать, то есть осуществлять добывание зверей и птиц, то в настоящее время надо иметь в большинстве случаев еще и другие разрешительные документы (путевку, лицензию, разрешение на право хранения и ношения огнестрельного оружия).

Технология получения документа, удостоверяющего право охоты. Для получения членских охотничьих билетов, выдаваемых общественными охотничьими организациями (не только Росохотрыболовсоюза, Военно-охотничьего общества, общества «Динамо», но и всех других, созданных в соответствии с Федеральным законом «Об общественных объединениях»), необходимо вступление в члены этих обществ. Порядок вступления регламентируется уставами и другими внутренними документами конкретных обществ. Обычно вступающий пишет заявление, прикладывает две фотокарточки, рекомендацию членов общества (не везде имеется такое требование), сдает испытания (экзамен), уплачивает вступительный и членские взносы, госпошлину. Пошлина уплачивается в рублях через кредитные учреждения (банки). Прием банками (их филиалами) государственной пошлины осуществляется во всех случаях с выдачей квитанций установленной формы. Государственная пошлина уплачивается до выдачи охотничьего билета. Квитанция об уплате государственной пошлины приобщается к соответствующим материалам о

выдаче удостоверения на право охоты и остается в делах этих органов.

После выполнения указанных действий заявителю выдается членский охотничий (охотничье-рыболовный) билет. При недостижении 18-летнего возраста у соискателя права на охоту в билете делается отметка «без права ружейной охоты».

Порядок получения охотбилета в органах системы Охотдепартамента (в охотуправлениях, у районных охотоведов) урегулирован упоминавшейся Инструкцией о порядке выдачи охотничьих билетов. Основанием для рассмотрения вопроса о выдаче охотничьего билета служит заявление гражданина РФ (с просьбой допустить к сдаче испытаний по правилам охоты, технике безопасности на охоте, обращению с охотничьим оружием для получения охотничьего билета) и документ, подтверждающий российское гражданство (паспорт, свидетельство о рождении). Требуется также представление фотографий. Билет должен быть выдан в течение 30 дней со дня подачи заявления при условии успешной сдачи экзамена и уплаты госпошлины. Проблемными (нерегулированными, непрописанными) в Инструкции остались вопросы выдачи охотбилетов на право безружейной охоты. Стало быть, при обращении с заявлениями о выдаче охотничьих билетов на право безружейной охоты, в случае успешной сдачи соответствующих испытаний и уплаты госпошлины, билеты должны выдаваться гражданам России без каких-либо возрастных ограничений.

Выдача охотничьих билетов промысловыми хозяйствами, заготовительными организациями, колхозами и совхозами районов Крайнего Севера, преобразованными в различные организационно-правовые формы хозяйствующих субъектов, осуществляется при приеме граждан на работу штатными охотниками или при заключении с ними договоров на добычу и сдачу охотпродукции.

Право охоты для лиц, не являющихся гражданами России. В постановлении союзного Правительства № 3 было записано, что «право осуществления любительской и спортивной охоты может быть предоставлено в исключительных случаях лицам, не являющимся гражданами СССР, по путевкам, выдаваемым в установленном порядке». Постановление Правительства РФ от 26 июля 1993 г. № 728 «О любительской и спортивной охоте в Российской Федерации» фактически воспроизвело союзную норму. «Право осуществления любительской и спортивной охоты может быть предоставлено лицам, не являющимся гражданами Российской Федерации, по путевкам, выдаваемым в установленном порядке». Однако ни формы путевок, ни специальный порядок их выдачи для этой категории охотников установлено не было. Поэтому подтверждением их права на охоту служили такие же путевки, выдаваемые в таком же порядке, как и российским охотникам. В отличие от российских

граждан, не было предусмотрено не только возрастных ограничений на право ружейной или безружейной охоты, но и сдачи каких-либо испытаний, возложения обязанности уплаты государственной пошлины. Лишь в 1997 г. федеральным законом на иностранных граждан была возложена обязанность уплаты госпошлины при получении удостоверений на право охоты на территории Российской Федерации в размере двух минимальных месячных оплат труда.

Инструкция о порядке выдачи охотничьих билетов и учета охотников на территории Российской Федерации, утвержденная приказом Минсельхозпрода России от 25 мая 1998 г. № 302, также ввела некоторые новшества. Установлено, что для иностранных граждан удостоверением на право охоты является охотничий билет иностранного охотника по прилагаемой к инструкции форме. Билет выдается по месту проведения охоты на срок действия контракта или приглашения на охоту, после сдачи испытаний по правилам охоты, технике безопасности на охоте и обращению с охотничьим оружием. Выдача охотничьих билетов иностранного охотника возложена на Департамент по охране и рациональному использованию охотничьих ресурсов Минсельхозпрода России и его территориальные подразделения. Чуть позже письмом Охотдепартамента Минсельхозпрода России была «разъяснена» не только процедура и технология сдачи испытаний — «сдача испытаний по правилам охоты, технике безопасности на охоте и обращению с охотничьим оружием для иностранных охотников осуществляется путем ознакомления его (охотника) с необходимыми нормами, изложенными письменно на владеющем иностранным охотником языке, под роспись», но расширен и перечень органов, имеющих право выдачи охотничьих билетов (билеты дозволено выдавать не только территориальным органам Охотдепартамента в субъектах РФ (охотуправлениям), но и районным отделам и районным охотоведам).

Предложения по совершенствованию законодательства. Изложенное, по нашему мнению, свидетельствует, что в правовом регулировании юридического института «право охоты» не прослеживается стройной логики, системности, комплексности и обоснованности. Массив актов, регулирующих охоту, огромен, — пишет С. П. Матвейчук, — но нет ни одного, в котором был бы нормативно закреплён ее статус как неотъемлемого права человека, которое он волен реализовывать по мере возникновения внутренней потребности. В любой охоте любого человека нераздельно сочетаются страсть и навыв, искусство и ремесло, труд и отдых (рекреация), поэтому реализация потребности в охоте — естественное право человека, ощутившего в себе такую потребность или пытающегося в себе ее разбудить. Субъективно охотник может чувствовать себя в конкретной

ситуации только добытчиком или только спортсменом, но это его личное, частное, неподконтрольное государству дело. Человек, работающий охотником по найму, подлежит трудовому законодательству (так же, как работающий по подряду — гражданскому), охотник, использующий оружие, — законодательству об оружии, лесятник — нормам актов о добыче диких копытных животных и так далее, но он не обязан отчитываться перед кем бы то ни было о своих личных мотивах и целях.

Утверждение такого подхода к охоте имеет ряд принципиальных практических последствий. Так, лишается опоры институт «удостоверения права на охоту» выдачей охотничьих билетов. Право людей на сбор грибов, ягод или рыбную ловлю ничем не удостоверяется. Для реализации этого права в некоторых случаях надо получить специальные разрешения, но само право удостоверению не подлежит — оно подразумевается как несомненное. Власть может различным образом ограничивать охотничью активность из экономических или экологических соображений, но только доказывая всякий раз, в чем тут общественный ин-

терес (именно интерес, а не эмоция) и почему таким, а не иным образом оно решило его соблюсти — ведь речь идет об ограничении естественного права человека, права неотъемлемого и немалого (Матвейчук, 2000). Последовательная реализация в законодательстве этой точки зрения означает упразднение специального подтверждения права гражданина на охоту и, следовательно, взимания пошлины за выдачу удостоверений в этом праве. В необходимых случаях охотник может регистрировать свою деятельность в соответствии с законодательством о предпринимательстве, решать вопросы пользования оружием, охотничьим фондом, свидетельствования квалификации и т. д. в соответствующих органах, но это будут проблемы реализации конституционного правомочия, а не его подтверждения. Необходимы предложения по системному преобразованию охотничьего законодательства, имея в виду недопустимость ограничения конституционных прав граждан, максимальное упрощение и унификацию порядка реализации этих прав.

Фото А. Севастьянова

На охране угодий

ЕСТЬ СЛЕД -

А. СЕВАСТЬЯНОВ.

Фото автора

ЕСТЬ ЗВЕРЬ

Всем понятно: в конце каждого звериного следа есть тот, кто его оставил. Однако иногда находишься по зимнему лесу и не встретишь никого живого. Устанешь так, что и не верится — где-то в конце этой цепочки какой-то зверь... И все же вот они, осторожные и не очень обитатели зимнего леса: лисица, енотка, кабан, рысь, белка, волк, пятнистые олени. Есть след — есть зверь.

Взрослый самец

В. ПРИХОДЬКО,
кандидат биологических наук,
старший научный сотрудник
Института проблем экологии
и эволюции им. А. Н. Северцова РАН
Фото автора

Кабарга обитает на Дальнем Востоке с плейстоцена. Ее остатки обнаружены в отложениях, датированных неолитом (Верещагин, 1966). В эпоху ледников вид был широко распространен в регионе, заселил о. Сахалин, который неоднократно примыкал к материке в четвертичный период.

Дальневосточная кабарга описана в 1945 г. известным исследователем ди-

Молодая самка

ких копытных В. И. Цалкиным и из-за морфологических различий была выделена в отдельный подвид *Moschus moschiferus turowi*. По размерам тела и черепа эти животные, обитающие на Дальнем Востоке, занимают промежуточное положение между кабарга-

ми Сибири, о. Сахалина и Корейского п-ова.

Дальневосточный подвид кабарги распространен на территории Амурской области, Хабаровского и Приморского краев, заселяет восточные и западные макросклоны Сихотэ-Алиня, горно-таежные леса, расположенные в бассейнах рек Амгунь, Бурея, Селемджа и Уда. Западная граница ареала подвида проходит по р. Зея, а северная — по Становому и Джугджурскому хребтам вплоть до Охотского побережья. Юго-западная граница берет свое начало на хребте Джугдыр и от Зейского водохранилища идет к верхнему течению р. Селемджа, далее спускается к югу, включая хребты Турана, Буреинский, и, не достигая государственной границы России, поворачивает на северо-восток. На широте 51 параллели граница вновь идет на юг по западным макросклонам Сихотэ-Алиня и доходит до верховьев рек Арсеньевка и Партизанская.

В границах ареала кабарга распрос-

Дальневосточная кабарга в опасности!

транена неравномерно, заселяет лишь отдельные территории, образуя мозаичную структуру поселений. Очаги обитания представлены четырьмя основными географическими популяциями: сихотэ-алинской, амурской, ульбанской и селемджино-буреинской. Небольшая локальная популяция дальневосточной кабарги расположена в западной части ее ареала по отрогам хребта Соктахан. В конце 70-х годов небольшие по численности группировки подвида имелись на территориях Хинганского, Большехицирского заповедников и «Кедровая Падь», а также по притокам р. Комиссаровка и в подножье Черной горы (Кучеренко, 1983).

Места обитания дальневосточной кабарги тесно связаны с темнохвойными лесами. На Южном и Среднем Сихотэ-Алине кабарга заселяет средний пояс гор, где в древостое преобладает кедр с примесью ели и пихты. Животные здесь держатся преимущественно на крутых склонах, захламленных ветровальными деревьями, нередко встречаются на участках с густым подросом пихты или кустарников. В низовье Амура и в бассейнах рек Амгунь и Уда места обитания кабарги приурочены к нижнему и, в меньшей степени, к среднему поясам гор. Кабарга заселяет в этих районах пихтово-еловые и лиственничные леса по северным гор-

ным склонам и надпойменным террасам. На Становом хребте и отрогах хребта Джугдур животные держатся в смешанных высокоствольных лесах из ели, лиственницы, чозения, произрастающих на склонах и вершинах увалов или на речных поймах с крутыми берегами. Заболоченные, а также равнинные участки леса кабарга не заселяет. Избегает она и лиственных леса, которые не отвечают экологическим требованиям для обитания животных в зимний критический период. Эти и вторичные пиროгенные леса на ранней стадии сукцессии заселяются лишь временно, как правило в бесснежный период, где нередко можно встретить молодых особей. Размещение дальневосточной кабарги на горной местности в меньшей мере связано с наличием в местах ее обитания скальных обнажений — отстоев, часто используемых животными в других частях ареала в качестве укрытий: это особенность оборонительного поведения кабарги. Распространение и характер пространственного размещения животных в регионе в большей мере зависят от обилия и доступности лишайникового корма, высоты снежного покрова, а в ряде районов — от пресса хищников.

Качество местообитаний во многом определяет экологическую и среднюю плотность населения кабарги. По материалам охотустройства за 1965—70 гг. ее средняя плотность в различных географических районах колебалась от 0,9 до 3,2 особи на 1000 га. Наиболее высокая плотность была отмечена на Сихотэ-Алине: 2,2—3,2 особи на 1000 га. В левобережье Приамурья — составляла 0,9—2,1 особи на 1000 га. В районе побережья Охотского моря наблюдалась тенденция снижения как доли угодий, заселенных кабаргой, так и ее плотности в направлении с юга на север. В настоящее время средняя плотность кабарги на Дальнем Востоке не превышает 0,5 особи на 1000 га.

Популяции дальневосточной кабарги характеризуются относительно низкими темпами воспроизводства. Годовой прирост численности составляет 17—29 %. Рост численности сдерживается высоким уровнем ювенильной смертности, наличием в группировках значительной доли яловых самок (до 33 %), практически 100 %-ной зараженностью взрослых животных эндо- и эктопаразитами, а также деятельностью хищников. В отдельные годы хищники изымают от 8—12 (Матюшкин, 1974) до 25—30 % (Зайцев, 1982; Кучеренко, 1983) ресурсов кабарги в регионе. Харза, например, специализируется преимущественно на добыче самок (до 81 %), что приводит к нарушению соотношения полов и дальнейшему снижению репродуктивного потенциала метапопуляций дальневосточного подвида. В годы наложения негативных климатических факторов и деятельности хищников урон популяций нередко сопоставим с годовым приростом, в результате чего на протяжении ряда лет не происходит роста их численности. Несмотря на пе-

риодические ее флуктуации, в регионе наблюдалась общая тенденция медленного, но неуклонного роста ресурсов подвида. К концу 70-х годов запасы кабарги на юге Дальнего Востока оценивались в 52—56 тыс. особей (Кучеренко, 1983) и включали частично ресурсы сибирского и верховьянского подвидов, обитающих на территории Амурской области и Хабаровского края.

В конце прошлого столетия на Дальнем Востоке заметно усилились глобальные изменения окружающей среды, которые отразились на состоянии природных популяций кабарги. Негативные процессы, связанные с хозяйственной деятельностью человека, привели к разрушению в регионе значительных территорий в местах обитания животных, а вследствие этого — к сокращению численности дальневосточного подвида. В 50-е гг. из-за рубок коренных хвойных лесов общая площадь мест обитания кабарги сократилась на 40 %. Рубкам подвергаются в первую очередь спелые и перестойные ельники, т. е. разрушаются наиболее оптимальные местообитания подвида, где сосредоточены пространственные группировки с высоким репродуктивным потенциалом: в период с 60-х до середины 80-х гг. впервые была отмечена в регионе глубокая депрессия численности дальневосточной кабарги.

Сушественное влияние на современные популяции этого подвида оказывают лесные пожары. Полевые обследования, проведенные автором в 1979 г., показали, что на западном макросклоне Сихотэ-Алиня имеются территории протяженностью 40—60 км, на которых полностью уничтожены пожарами темновойные массивы леса, где идет усиленное возобновление вторичных, в основном лиственных, лесов. Только за последние два года (1998—1999) на Дальнем Востоке лесными пожарами было дополнительно разрушено свыше 2,5 млн га коренных лесов, в том числе и в местах обитания кабарги.

Зейское водохранилище (Ильяшенко, 1984; Подольский, 1996), как фактор, негативно влияет на состояние популяций кабарги в регионе. В настоящее время гидростроительство отрицательно сказывается на пограничных популяциях этого подвида в отрогах хребта Соктахан. Под затопление ушли значительные территории долинных ельников и горных террас, где были рассредоточены основные метапопуляции кабарги. Большинство из них оказались раздроблены и изолированы искусственной водной сетью. Здесь резко возросла частота гибели животных на льду и в воде при преодолении водно-ледовых преград в весеннее время. Зимой ледяной покров создает также особо благоприятные условия для добычи животных хищниками. Таким образом, в границах ареала дальневосточного подвида к концу столетия образовались огромные территории, непригодные для обитания кабар-

ги. В начале 80-х гг. общая площадь угодий в регионе достигала 36,4 млн га (Бромлей, Кучеренко, 1983). Как полагают наши исследования, даже в благополучных районах кабарга заселяет лишь лучшие местообитания, доля которых колеблется от 37 до 75 % (в среднем 51 %). Высокая избирательность и требовательность животных к местам обитания не учитывается при проведении учетных работ. Общая площадь, заселенная дальневосточной кабаргой, в настоящее время составляет 17—18 млн га. Ежегодно частично разрушается или уничтожается около 0,7 % ее местообитаний. По нашей оценке, тенденция роста темпов деградации угодий в ближайшие годы сохранится, а в случае начала строительства Гилуйской ГЭС и при освоении полезных ископаемых в зоне БАМа, а также на восточном макросклоне Сихотэ-Алиня может возрасти в 2—3 раза. В течение ближайших 10 лет Россия может потерять от 15 до 30 % местообитаний дальневосточной кабарги.

Общая численность дальневосточного подвида кабарги на 1989 г. составляла 24—28 тыс. особей (Приходько, 1997). Однако уже в начале 90-х гг. ее ресурсы резко снизились до критически низкого уровня. Одним из главных факторов негативного воздействия на популяции кабарги стали неконтролируемый промысел и массовое браконьерство. В период с 1989 по 1993 г. только одной фирмой «Продинтерн» было закуплено у охотников 31 кг кабаржьих струй, полученных от 2000 самцов, добытых петлями. Официально разрешенный петельный способ добычи животных привел к гибели дополнительно 6 тыс. самок и их телат. В 1993 г. Приморскому краевому Управлению охотничьего хозяйства была выделена квота на добычу 1400 особей кабарги, включая квоту на отстрел 400 голов для Ассоциации коренных малочисленных народов. За этот период только в результате лицензионного промысла в регионе было уничтожено около 10 тыс. кабарги.

Незаконная добыча животных — основной фактор снижения численности кабарги на Дальнем Востоке. Общий урон, наносимый браконьерством, в отдельные годы достигает 60 % ее запасов. Истребление животных ради получения мускуса наблюдается круглый год, что ведет к сокращению границ ареала, снижению плотности населения, а также утрате генетического разнообразия и нарушению стабильности структуры метапопуляций дальневосточного подвида. Наиболее серьезный ущерб популяциям нанесли корейские лесозаготовители, которые организовали круглогодичный отлов кабарги петлями, уничтожив ее на огромных территориях (в Верхнебуреинском и Зейском горно-промышленных районах до сих пор КНДР ведет промышленные лесозаготовки). Доля незаконно добытых ими животных составляет не менее 55 % ресурсов кабарги в регионе. В результате неумеренного охотни-

чьего пресса и массового браконьерства на Дальнем Востоке было изъято более 70 % запасов дальневосточной кабарги, или 17—20 тыс. особей. В последующие годы численность ее популяций неуклонно сокращалась. Истребление кабарги стимулируется высоким коммерческим спросом на мускус, основную массу которого вывозили и продолжают вывозить контрабандным путем. Мускус, добытый в Дальневосточном регионе, экспортируют в Сингапур (31 кг), Северную и Южную Корею, а частично — в США. Северная Корея нелегально реэкспортировала в Южную Корею 230 кг сырого мускуса, значительная часть которого была незаконно добыта на территории Дальнего Востока.

В настоящее время численность дальневосточной кабарги не превышает 5—6 тыс. особей, а состояние ее популяций вызывает серьезные опасения за их будущее. Результаты анкетирования, проведенного в 1995 г. Российским отделением Traffic среди сотрудников Лазовского и Сихотэ-Алинского заповедников, подтвердили существенное снижение ресурсов дальневосточного подвида, в том числе на 30—50 % на заповедных территориях. Однако общие ресурсы кабарги в Хабаровском и Приморском краях, куда включены частично запасы сибирского и верхоянского подвидов, оценены Госкомприродой РФ в размере 45,04 тыс. особей и выдана квота крайохотуправления на добычу 23,625 кг кабаржьих струй, что составляет более 30 % от планируемых общих заготовок по России в охотничий сезон 1999/2000 г. Подобные рекомендации с завышенными нормами изъятия животных основаны на недостоверных учетных данных и неминуемо приведут к невосполнимым потерям уникального подвида, как это имело место с кабаргой на Алтае в конце 90-х гг.

Практика суммарной оценки ресурсов кабарги в целом по России без определения численности каждого подвида маскирует критическое состояние как дальневосточной, так и верхоянской кабарги. Есть основания полагать, что Дальний Восток, где отработаны нелегальные каналы сбыта дериватов диких животных, — это регион по отмыванию мускуса, незаконно добытого в других частях ареала вида. Необоснованно завышенная численность кабарги на Дальнем Востоке дает возможность чиновникам крайохотуправлений беспрепятственно оформлять документы на завозимый нелегальный мускус и тем самым делать его легальным. Последнее подтверждается низкой результативностью промысла, например на территории Приморского края (добыча за сезон около 75—200 особей), в течение последних пяти лет. Чрезмерный промысел в прошлые годы привел здесь к истреблению животных в легкодоступных для человека угодьях и сохранению их на отдаленных северных территориях. Указанные низкие объемы добычи животных также не

Взрослая самка

согласуются с высокой, по официальной статистике крайохотуправлений, численностью кабарги, удерживаемой в эти годы на уровнях 17,2—22,96 тыс. особей. Видимо, по этой причине остаются закрытыми всероссийские учетные данные даже для специалистов. Подобные ограничения исключают оперативное вмешательство экологов и других исследователей в работу по выработке стратегии управления популяциями кабарги. Эффективное управление ее ресурсами возможно только при наличии достоверной информации всей базы данных по виду.

Критически низкая численность кабарги и высокий объем ежегодного экспорта мускуса, вывозимого из России, вызывают серьезное беспокойство за судьбу этого вида у международных природоохранных организаций. Международный Союз Охраны Природы (IUCN) в 1996 г. внес все подвиды кабарги России в Красные Списки, как коммерчески уязвимые таксоны. Специальная комиссия СИТЕС, осуществляющая контроль за торговлей редкими видами дикой фауны и флоры, на конференции в Найроби (Кения) рассмотрела в апреле 2000 г. вопрос о перенесении всех подвидов (видов) кабарги мировой фауны из Приложения 2 в Приложение 1. Эта мера позволит устранить негативное влияние международной торговли мускусом на природные популяции, что, в свою очередь, положит конец массовому истреблению диких животных. Россия, где размещена значительная часть ареала вида, должна предпринять шаги для восстановления численности дальневосточной кабарги и содержания мест ее обитания. В качестве срочной меры охраны предполагается включить дальневосточный подвид в Красную книгу России. Наше предложение отвечает всем требованиям МСОП (1994) для уг-

рожаемых видов (подвидов), у которых численность за последние 10 лет сократилась на 50 %, а ареал и заселенная территория претерпели существенные сокращения. Согласно критериям МСОП дальневосточная кабарга имеет статус Endangered (Alacd) охраняемого таксона, находящегося под угрозой исчезновения и имеющего высокий риск вымирания в природе в ближайшее время.

В такой качественно новой ситуации подлежат пересмотру уже принятые меры, а также необходима разработка новых основополагающих принципов организации природоохранных мер на Дальнем Востоке. Предлагаемые меры должны носить долговременный характер и формировать систему ограничений, напрямую связанных с природопользованием в регионе. Из-за низкой численности введен запрет на добычу животных на территории Амурской области. В настоящее время в Дальневосточном регионе имеется 10 заповедников общей площадью 2161,5 тыс. га, что составляет лишь 10—12 % от заселенных кабаргой угодий. Принятые меры и особо охраняемые территории не обеспечили защиту подвида и его отдельных популяций от массового истребления. Для эффективной охраны дальневосточной кабарги необходимо создать дополнительно сеть резерватов различного статуса — национальных и природных парков, заповедников и заказников федерального уровня. Система природных резерватов должна включать как можно большее число особо охраняемых, но разобщенных территорий, каждая из которых соответствовала бы, как минимум, площади метапопуляции кабарги.

Все географические популяции дальневосточной кабарги, слагающиеся из метапопуляций, которые характеризуются частичной или полной простран-

Взрослый самец

ственной разобщенностью, подлежат охране. Минимальная численность, обеспечивающая выживание метапопуляций в современных условиях, составляет 100—120 особей. Для поддержания жизнедеятельности расчетного количества животных необходима территория площадью 450—500 кв. км, которая должна быть положена в основу размеров резерватов дальневосточной кабарги.

Эффективность программы спасения дальневосточного подвида будет во многом определяться возможностями сохранения его местообитаний. Основные местообитания кабарги в регионе сосредоточены в пихтово-еловых и кедровых лесах, которые поддерживают пищевые связи и создают защитные условия для животных. Для сохранения системы сопряженной козволюции между кабаргой и ее местообитаниями необходимо существенно изменить режим лесопользования. В области разумного ограничения лесопользования такими мерами, направленными на сохранение среды обитания кабарги, могли бы быть:

а) выделение вдоль границ заказников обширных буферных зон в хвойных лесных массивах, где запрещается всякая деятельность, связанная с лесопользованием;

б) тесная координация лесного хозяйства и органов в области охраны животного мира при определении объемов, способов рубок, площадей лесосек и размещении их на местности;

в) запрещение сплошных рубок леса хвойных пород и введение в практику лесопользования мозаичных рубок с шириной лесосека «пятна» или «коридора» до 0,3 км;

г) ужесточение контроля за доступом местных жителей в местообитания кабарги в районах и в сезоны с повышенной пожароопасностью.

Первостепенной задачей в области сохранения дальневосточной кабарги остается борьба с браконьерством, принимающим в последние годы организованный характер. Эффективная борьба с браконьерством в значительной мере зависит от поддержки государства и активных действий общественности. Приоритетное значение в решении этой опасной для общества и животных проблемы принадлежит экономическим санкциям (наказаниям) вплоть до привлечения к уголовной ответственности за нарушения законов и браконьерство.

Для своевременного выявления неблагоприятных тенденций в популяциях и местообитаниях дальневосточной кабарги необходима система длительного слежения за их состоянием, т. е. мониторинг. Мониторинг местообитаний кабарги подразумевает не только фиксирование экологических факторов, но и предполагает прогнозирование будущих изменений на уровне экосистем и локальных преобразований в регионе. Эти изменения необходимо отслеживать по двум направлениям: 1) регистрация флуктуаций, глобально преобразующих местообитания кабарги (лесные пожары, промышленные рубки леса), и 2) регистрация изменений, затрагивающих только трофические условия местообитаний. Мониторинг должен также включать контроль сукцессионных стадий в хвойных лесах.

Трудности сохранения дальневосточного подвида связаны не с биологическими особенностями кабарги, а с экономическими и организационными проблемами, возникшими в России в последние 10 лет. Решение природоохранных проблем потребует значительных усилий прежде всего в области повышения благосостояния народа, в том числе и охотников, а также рационального планирования и ограничения сырьевых форм природопользования.

КОНСУЛЬТАЦИИ ОРУЖИЕВЕДА М.БЛЮМА

Охотник из города Бодайбо Иркутской области Н. В. Кривошанов, имея оружие под охотничий патрон 7,62x54R (комбинированное ружье ИЖ-94 «Тайга» и карабин «Беркут-2М»), хочет узнать о возможности использования спортивных патронов с латунной гильзой 7,62x54R «Экстра».

Имеющееся у вас оружие рассчитано на применение охотничьего патрона с полуболочечной экспансивной пулей весом 13 г со скоростью в 25 м от дульного среза в пределах 735—750 м/с при максимальном давлении пороховых газов в момент выстрела не более 3100 кг/см². Спортивный патрон «Экстра» с латунной гильзой снаряжается оболочечной неэкспансивной пулей весом 13 г, которая имеет такую же скорость, как и полуболочечная пуля охотничьего патрона, и такое же максимальное давление пороховых газов. Это значит, что нагрузки на узел запирающего оружия будут одинаковые при стрельбе обоими вышеуказанными патронами. В технической документации на патрон «Экстра» указано, что разброс пуль при стрельбе на 300 м не превышает 90 мм, а охотничий дает разброс пуль примерно в три раза больше. Поэтому с точки зрения точности попадания на любую дистанцию патрон «Экстра» предпочтительнее охотничьего, но он обладает малой способностью к деформации при попадании в животного, а значит, его убойное и останавливающее действие значительно меньше охотничьего варианта патрона. Его можно рекомендовать для отстрела не очень крупных животных. Однако если охотник хороший стрелок и может положить пулю в нужное место при любых охотничьих ситуациях, учитывая ее прекрасную кучность, то лучшего патрона не придумаешь для стрельбы в спокойной обстановке и на большие расстояния. Но падать надо только в убойные места. А пристреливать оружие следует обоими типами патронов, чтобы знать, как прицеливаться при использовании патронов «Экстра» и охотничьих, если при изменившейся охотничьей ситуации это придется сделать.

Охотник В. П. Печенегов из Перми спрашивает, что за патроны 7,62x51, в обозначении которых присутствует буква «Б».

Когда началась разработка патронов 7,62x51, патроны с буквой «А» имели полуболочечную экспансивную пулю, а патроны с буквой «Б» имели полностью оболочечную неэкспансивную пулю. Отсюда и различное применение этих патронов. Патроны с буквой «Б» следует применять при стрельбе по относительно более мелким животным, чем патроны с буквой «А».

Как я стал охотником и охотоведом

М. ПАВЛОВ

Фото О. Гусева

По получении соответствующего диплома, удостоверяющего ученую степень, стараниями профессора кафедры биотехники А. М. Колосова я был зачислен на должность старшего научного сотрудника в лабораторию акклиматизации охотничье-промысловых животных Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего промысла (ВНИО). В этой лаборатории, возглавляемой в ту пору доктором наук Н. П. Лавровым, мне было поручено продолжить исследования с целью воплощения в практику идеи Б. М. Житкова об акклиматизации нутрии в водно-болотных угодьях юга страны. Поэтому 13 последующих лет я всецело занимался внедрением в нашу фауну этого ценного южноамериканского грызуна, прозванного еще и болотным бобром. Для решения такого рода задач мне пришлось излазить многие причерноморские топи Колхиды, характерные для прибрежных ольшаников в полосе от р. Гагры в Абхазии до низовий р. Риони с грузинским озером Палеостомы у г. Поти. В Азербайджане — поплавать по водоемам бассейна р. Куры и Ширванской и Мильской степи, включая прикаспийское Ленкоранское морццо с Дивичинским лиманом, отличавшимся обширными тростниковыми зарослями. На Кубани обследовать такие же приазовские лиманы, простирающиеся от Таманского по-

луострова до г. Приморска-Ахтарска в Краснодарском крае. Следом осмотреть и обширные искусственные водохранилища в зоне Волго-Донского канала в Ростовской и Волгоградской областях. В те же годы побывать в Таджикистане, где оценить пригодность для нутриеводства тростниково-рогозовых зарослей на водоемах в долине р. Вахш, а в числе их и находившихся в заповеднике «Тигровая балка». К сожалению, все это успешно начатое дело оказалось напрасным. Развернувшиеся с 50-х годов грандиозные мелиоративные работы на всех названных территориях предрешили невозможность сохранения нутрии как охотничье-промыслового зверя. С этого времени управление дикими его популяциями, разработанными биотехническими способами, стало либо невозможным, либо невыгодным. В результате функционирования на этой основе нутриеводческие хозяйства вскоре самоликвидировались.

В конце тех же 50-х годов в соответствии с начавшимся по решению Правительства «приближением науки к производству» институт, переименованный в то время во ВНИИ животного сырья и пушнины, был переведен из Москвы в г. Киров. В составе очень небольшой группы научных сотрудников, решивших продолжить в нем свою работу, я с семьей тоже переехал в этот город, где при возрождении институтских лабораторий возложил лабораторию биотехники. В этой лаборатории в должности ее руководителя я прорабо-

тал 25 лет. В ту пору основная деятельность нового контингента ее сотрудников заключалась в решении проблем интенсификации ондатроводства, в активизации работ по расширению ареала и использованию ресурсов речного бобра, в постановке опытов по интродукции очередного экзотического вида — шиншиллы, а также в изучении результативности акклиматизации всех видов охотничьих животных с начала охотхозяйственной деятельности, осуществлявшейся на территории бывших республик Советского Союза. Очерченные задачи, вкупе с обязанностью руководителя исследовательских работ, в означенной лаборатории предопределили необходимость моего личного участия в экспедиционных исследованиях охотхозяйственной деятельности в природных условиях многих регионов страны. Естественно, в г. Кирове мне представлялась хорошая возможность ознакомиться с этой деятельностью на просторах Волжско-Камского междуречья, притом особенно полно на своеобразной вятской земле и в достаточной мере в прилегающих к ней областях Приуралья.

В 60-х годах обозначившееся депрессивное состояние в сфере ондатроводства потребовало выяснения причин этого явления, и в первую очередь на водных системах Западной и Восточной Сибири, а также Казахстана и Узбекистана, где в предшествующий период успешно акклиматизированная ондатра быстро вошла в состав основных промысловых зверей. Так начались

* Окончание. Начало см. в № 11.

экспедиционные обследования, при участии в которых в Западной Сибири я побывал в Барабинской степи, где на левобережье Оби объездил обширнейшее озеро Чаны и многие так называемые блюдцевые озера в Венгеровском, Куйбышевском, Убинском и других районах Новосибирской области; в Томской области — озера в окрестностях Каргасока, расположенные в поймах рек Тым и Васюган, где походил и по окраинам неоглядного мохового Васюганского пространства. А в Алтайском крае оценил возможности существования ондатры на заповедном Телецком озере, где этот расселяющийся в крае акклиматизант обнаружился в устьях рек Самыш, Камча, Чулышман. В Восточной Сибири помимо выяснения состояния ондатроводства в госпромхозах Иркутской области, расположенных в долине р. Верхней Ангары, а в Бурятии — в дельте Селенги, мне удалось достаточно полно познакомиться с прославленным озером Байкал, включая и прибайкальские таежные леса Баргузинского заповедника. В Якутии мои познания особенностей ондатроводства в природных условиях северо-востока страны ограничились тем, что я мог увидеть при плавании по р. Лене на участке от г. Якутска до устья р. Алдан. Здесь я был буквально потрясен ее шириной, а затем и очень большими островами, изрезанными узкими протоками с зарослями мощных ивняков, где, как мне подумалось, могли бы благоустраивать и речные бобры. В пойме же Лены в окрестностях поселка Кобяй мне показали, где и как на тундровых речках и аласных (термокарстовых) озерах осваиваются якутские ресурсы ондатры.

В Казахстане с конца 60-х и все 70-е годы много дней мне пришлось провести на водоемах Балхашско-Алакульской котловины, хотя больше в тростниковых займищах дельты р. Или и на побережье оз. Балхаш, известных и тем, что до сооружения Капчагайской ГЭС, обусловившей создание крупного водохранилища, с Балхаша в госзакупки поступали сотни тысяч ондатровых шкурок. В Узбекистане мои познания природы этой республики, начатые еще в студенческие годы, пополнились результатами экспедиционных работ в дельте Аму-Дарьи, притом и такой, что породила обширные плавни Аральского моря, которые, будучи заселенными ондатрой, в те же годы обеспечивали охотничье-промысловое богатство Каракалпакской земли. В этой связи уместно будет отметить, что последующая потеря этого каракалпакского богатства, вызванная отводом большей части вод Аму-Дарьи в возводившийся грандиозный Каракумский канал, послужила поводом и для моего приезда в Туркмению. Здесь в зоне Келифского Узбоя были сооружены крупные приканальные водохранилища, образовавшие обширную сеть межбарханых озер, ставшие в начале 80-х годов местом опытных работ лаборатории биотехники по акклиматизации черной он-

датры. В этот же период я был приглашен для оценки акклиматизационных возможностей в охотугодах Чуйской долины и в приозерной Иссык-Кульской котловине, включая заповедные участки оз. Иссык-Куль близ г. Пржевальска в Киргизии. Тогда же меня свозили в пределы Западного Тянь-Шаня, хотя только в горные леса Сары-Челекского заповедника, где с 60-х годов предпринималась попытка акклиматизации зубра. Завершились мои странствия по Среднеазиатским республикам в Таджикистане, где в отрогах Западно-Памирских хребтов, что в Каллай-Хумбском районе, впервые были начаты опыты по акклиматизации обитателя южно-американских Анд — шиншиллы.

Далее возникла необходимость выяснения причин охотхозяйственной бесполезности выпусков на Дальнем Востоке речных бобров. Поэтому в 80-х годах мне пришлось основательно ознакомиться с особенностями речной сети южной части Камчатского п-ва, где одни реки текут здесь в Тихий океан, другие — в Охотское море. Побывал я и в камчатских лесах, где безуспешной оказалась интродукция рябчиков и тетеревов. Другой мой дальневосточный вояж состоялся в Хабаровский и Приморский края, где в бассейне нижнего течения Амура пришлось обследовать разные лесные реки, заселенные с конца 60-х годов белорусскими и канадскими бобрами. В тот вояж удался мне поход и в горы Сихотэ-Алиня.

Вот такое столь широкое путешествие по просторам Союза советских республик предопределялось не только необходимостью полевых исследований, обусловленных моей акклима-

тизационной деятельностью во ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства. Оно также стало и результатом участия во многих семинарах, конференциях, съездах териологов, зоологов, охотоведов, во время которых устраивались экскурсионные поездки в какие-либо обустроенные охотхозяйства или неизвестные заповедные территории, а то и просто примечательные чем-либо места. Благодаря такого рода традиции мне лично довелось ознакомиться с природой и охотой в Эстонии и Литве, в Белоруссии побывать в угодах Вилейского лесотехнического хозяйства в Минской области, а затем поводить леса заповедно-охотничьего хозяйства «Беловежская пуща».

В качестве эксперта-кинолога меня приглашали для оценки полевых достоинств легавых собак. В частности, при работе в составе экспертов Всесоюзных состязаний легавых собак (1978 г.) я получил возможность оценить богатство для охоты поймы р. Сож и пойменных пространств Днепро-Березинского охотхозяйства в Гомельской области. В Новгородской области, при устройстве испытаний собак питерскими охотниками, поводил охотничьи угоды в бассейне р. Волхов возле г. Чудово. Причем после этого охотники свозили меня и на охоту по тетеревам в лесных урочищах, прилежащих к южной части Псковского озера, где я впервые познал подлинные достоинства немецких жесткошерстных легавых и одновременно по-настоящему уразумел, почему в свое время именно в этих лесах приобрели славу псковские умельцы облавных охот на предельно осторожных зверей.

В 80-е годы, оценивая полевые достоинства легавых при охоте на перепе-

М. П. Павлов (справа) после удачной охоты весной 1955 г. с подсадной уткой и на пролете гусей в пойме рек Шоша и Лама (Тверская обл.)

лов, мне удалось познать современные охотничьи угодья Приазовья.

Странствия по разнообразным регионам страны увеличивали мои охотоведческие познания, включая и самобитные способы охоты. Сама охота способствовала улучшению исполнения служебных заданий, составлявших специфику научно-исследовательской работы в лаборатории биотехнии, в которой главным было познание жизни диких охотничьих животных в конкретной природной обстановке. Именно охота понуждала терпеливо выслеживать, где и как живут местные звери и птицы, и ради этого проникать в такие дебри, в которые неохотники лезть не стремились. В Азербайджане, на Кубани и в Каракалпакии я не упускал возможности ночного подкарауливания кабанов, перемещавшихся по тропам в зарослях тростника к местам кормежки. Эти подкарауливания, позволявшие слышать ночную жизнь обитателей плавней, не обходились, конечно, без разных охотничьих приключений. В горах Памира при всем старании не удавалось мне добыть хотя бы одного улару, а из пернатой дичи я отстрелял здесь всего лишь семь кекликов. Правда, в числе моих памирских трофеев значился еще и медведь, несколько дикобразов и высокогорных сурков. Ну а в Грузии и в Абхазии я в полной мере познал коронную охоту в местах осеннего скопления перепелов и вальдшнепов. На разные виды водоплавающих птиц я охотился ежегодно.

Переезд на работу и жительство в г. Киров позволил мне куда больше, чем в Подмоскowie, заниматься охотой на лесо-таежной и малообжитой вятской земле. С 1958 года и до сих пор я каждый сезон охоты брожу с ружьем по этой земле. Причем первые полтора десятка лет большим моим увлечением стали охоты на волков, определившие и крепкую дружбу с прославленными здесь охотниками-волчатниками. Лично я за годы охоты на этих хищных зверей застрелил 13 и одного волка непростительно промазал. То был ушлый волк, который уже два дня находился в крепком окладе. На третий, когда я сидел в глубоком снегу у линии флажков, он неожиданно показался возле нее, где, двигаясь по лыжне, остановился на фоне толстой сосны, явно выслушивая передвижения загонщиков. И вот после выстрелов этот волк на широких махах, но не быстро ринулся в чащу оклада... Когда же после выстрелов вскоре к той же сосне вышел загонщик, то он, осмотрев волчьи следы, всем своим поведением дал мне понять, что по такому-то волку я промазал нарочно. Ведь до него, открыто стоящего у сосны, им с места выстрелов было насчитано всего 28 шагов... И видно, к моему тогда счастью, хотя и под вечер этот волк был все же добыт.

Другое мое постоянное занятие в вятских лесах заключалось в охоте на лосей, притом изредка троплением, а преимущественно нагоном на стрелковую линию. Помимо охоты на волков и

лосей на вятской земле мне предоставлялась возможность принимать участие в охотах с гончими на зайца-беляка. Охота на этого зверька в условиях вятских лесов с местными фанатичными гончатниками и с, мало сказать, замечательными русскими гончими — это такое действо, которое способен понять только настоящий российский охотник.

С послевоенных лет моими питомцами было шесть классных английских сеттеров, а с 60-х годов при них же два черно-пегих пойнтера и три великолепных дратхаар. Не менее привлекательной была здесь короткая десятидневная охота весной, притом как на обычных для вятских лесов глухариных и тетеревиных токах, так и во время массовых пролетов гусей, многих видов уток, а также на тяге вальдшнепов.

Конечным результатом всей моей научной и активной охотничьей деятельности можно считать публикацию 195 научных, научно-популярных статей и книг, посвященных развитию отечественного охотоведения и использованию ресурсов охотничьих животных. Среди этих публикаций заслуживает, пожалуй, упоминания первая книга о нутрии, увидевшая свет в 1951 г., а впоследствии подаренная мне переведенной на китайский язык. Затем следует назвать и ставшую известной книгу о волке, первое издание которой появилось в 1982 году, а второе, дополненное, — в 1990 году. Вместе с тем, несомненно, главным итогом более чем 50-летней моей деятельности в коллективе ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства им. проф. Б. М. Житкова надо считать публикацию институтом четырех томов сведе-

ний, содержащих анализ и оценку результатов акклиматизации пушных и копытных зверей, а также охотничье-промысловых птиц, томов, в которых впервые обнародованы и масштабы этой работы за Советский период. В составе многих публикаций в родном журнале «Охота и охотничье хозяйство» к числу нужных я бы отнес статьи: «Запреты весенней охоты — большая беда» (1970 г., № 7), «Агрессивность бурого медведя» (1972 г., № 6), «Нашествие кабанов» (1978 г., № 12), «Проблемы и задачи акклиматизации» (1986 г., № 9), «Кому быть арендодателем» (1991 г., № 12), «Волк — чудо и бедствие русской природы» (1999 г., № 11, 12), «Чутье» (2000 г., № 5). Среди подготовленных к публикации и обсужденных на Ученых советах остались доклады на тему: «Практика и теория использования ресурсов охотничьих животных» (библиотека ВНИИОЗ, 1979 г.) и «Размышления — по поводу судьбы охотоведения, погибающего на Вятской земле» (1999 г.).

Вспоминая теперь на склоне прожитых лет о тех усилиях, которые составляли мою охотоведческую деятельность, я должен поведать еще и о том, что все, что в ней было полезным, есть результат многолетней опеки профессором П. А. Мантейфелем, направлявшим любые мои устремления к процветанию неистребимой охоты на Российской земле. Немалую роль в этом сыграло и то, что 60 лет на научном поприще меня как охотника оберегала жена, осчастливившая к тому же двумя достойными дочерьми и сыном-охотником, а они, в свою очередь, шестью внуками и правнуком, в 6 лет признавшимся мне, что он уже тоже охотник.

Взят медведь (М. П. Павлов слева)

Новости

из США

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РЫБОЛОВСТВА, ОХОТЫ И НАБЛЮДЕНИЙ НА ПРИРОДЕ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛЕСАХ

В конце прошлого века в США существовали Лесные резерваты, правовой режим которых предусматривал в первую очередь сохранение лесов и минимальные заготовки древесины. Они относились к категории охраняемых природных территорий. В 1897 г. в законодательном порядке резерваты были заменены национальными лесами, которые должны были «непрерывно обеспечивать страну древесиной» при сохранении лесных экосистем. Закон от 1960 г. поставил перед национальными лесами задачу комплексного использования лесных ресурсов. Параграф 103 Закона о многоцелевом использовании лесов и поддержании их продуктивности предусматривает «управление государственным землями и их ресурсами, принимая во внимание долгосрочные интересы будущих поколений в возобновимых и невозобновимых ресурсах, для сбалансированных и разнообразных целей, которые включают использование земель для рекреации, выпас скота, разработку древесины, добычу полезных ископаемых, охрану водосборов, сохранение популяций рыбы и наземных диких животных, природно-эстетических, научных и исторических ценностей» (Краснова, 1992).

Национальные леса потеряли свой чисто природоохранный статус, но реализация принципа *multiply use* (интегрированного природопользования) позволяет эксплуатировать различные ресурсы леса при сохранении лесной среды.

В настоящее время имеется 115 национальных лесов, которые занимают площадь около 80 млн. га, примерно четвертую часть всех федеральных земель. Они находятся в ведении Службы леса Департамента сельского хозяйства США...

Около 70 млн. жителей США в возрасте 16 лет и старше увлекаются рыбной ловлей, любительской охотой и наблюдениями за дикими животными в естественных условиях. Экономическая оценка этих видов рекреации в масштабах страны составляет 106 млрд. долл. В 1996 г. затраты американцев на различные виды рекреации только в на-

циональных лесах характеризовались следующими показателями.

Рыболовство. Общие затраты 2 904 560 516 долл., в том числе на экспедиционное снаряжение 1 236 958 254 долл., рыболовецкое оснащение 444 042 246 долл., вспомогательное оснащение 74 875 136 долл., специальное оснащение 1 076 418 385 долл., на прочие цели 72 266 495 долл.

Наблюдения за дикими животными. Общие затраты 2 135 445 261 долл., из них на экспедиционное снаряжение 1 107 995 823 долл., на «зрительное оборудование» (бинокли, подзорные трубы и др.) 109 657 290 долл., на вспомогательное оснащение 146 841 787 долл., специальное оборудование 675 851 662 долл., для других целей 95 098 699 долл.

Охота. Общие затраты 2 111 387 487 долл., в том числе на экспедиционное снаряжение 556 334 578 долл., охотничье оснащение 772 725 721 долл., вспомогательное снаряжение 115 031 813 долл., специальное снаряжение 159 266 324 долл., прочие 508 029 051 долл.

У охотников была очень популярной охота на крупную дичь, на нее потрачено 16,2 млн. человеко-дней и израсходовано 1,26 млрд. долл.

Под «экспедиционным снаряжением», затраты на которое преобладают при занятиях рыбной ловлей и наблюдениях в природе, имеются в виду прежде всего расходы на питание, транспорт, горючее, путевки и т. д. У охотников преобладают затраты на ружья, винтовки, телескопы (подзорные трубы), на приобретение и содержание собак и др. «Специальное снаряжение» определяется спецификой рекреации.

Вложения средств в перечисленные формы рекреации небезразличны для государства. Штатные налоги от затрат на рыболовство составили 128,2 и 33,5 млн долл. федеральный 241,6 млн. долл., от наблюдений за дикими животными соответственно 98,8 и 22,5 млн. долл. и 177,6 млн. долл., от охотничьих затрат бюджеты штатов получили 105,7 и 32,6 млн долл., федеральный бюджет 181,7 млн долл.

ОХОТА НА КРУПНУЮ ДИЧЬ

К «крупной дичи» американцы относят: американских оленей (чернохвостого и белохвостого), вапити (форма

благородного оленя), лося, карибу, вилорогую антилопу, снежного барана, медведей, дику индейку. Эта группа животных всегда пользовалась предпочтением у американских охотников. Но статистика последних лет вызывает настоящее потрясение.

В 1996 году общее число охотников на крупную дичь составило 11 288 000 человек (из общего числа американских охотников, равного 15,7 млн.). По сравнению с 1955 годом количество охотников этой категории увеличилось на 615 процентов (исходная численность 1 579 704 человека), в то время как рост всего населения США за этот период составил 49 процентов. Следует отметить рост числа лучников, их было 3,2 млн. человек (удвоение за последние 10 лет), и числа охотников, предпочитающих старинное огнестрельное оружие, что свидетельствует о повышении спортивных стимулов у добытчиков крупной дичи.

Охотники совершили 114 млн. выездов и затратили 154 млн. охото-дней, что на 26 млн. больше, чем в 1991 году. Расходы на выезды и приобретение охотничьего снаряжения составили 9,7 млрд. долл. (рост по сравнению с 1991 г. на 5,1 млрд.). Общий экономический эффект от охоты, преимущественно на крупную дичь, определяется в США колоссальной суммой в 61 млрд. долл. Опять-таки в сравнении с 1991 годом увеличилось число охотников: на дику индейку — на 1,7 млн., на оленей — на 0,4 млн., на вапити — на 300,0 тыс. Интересно, что за анализируемый период затраты времени на охоту на мелкую дичь снизились на 2 млн., на мигрирующую дичь увеличилось на 5 млн. человеко-дней.

«Секрет» описываемых изменений кроется прежде всего в огромном росте численности некоторых видов охотничьих животных. Популяции чернохвостого и белохвостого оленей достигли небывалого для США уровня: 33 млн. голов! Вапити насчитывается 1,2 млн. голов (в конце XIX века их число не превышало 100,0 тыс.). Наконец, диких индеек стало 5,2 млн., в то время как в 1975 году их было 1,3 млн. Это вполне объясняет небывалый рост числа охотников на крупную дичь.

В. ДЕЖКИН,
Е. КУЗНЕЦОВ

ИМПЕРАТОРСКАЯ ОХОТА

ПЕРВОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧЕБНО-ПОКАЗАТЕЛЬНОЕ
ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО

Р. БОБРОВ,
кандидат сельскохозяйственных наук

Самым большим собственником до-революционной России был, как известно, Император. Точнее, даже не Император, а Императорский дом, в который входили ближайшие члены Императорской семьи: его дети, братья, дяди, племянники, кузены. До Петра I многие из них сами изыскивали средства существования, затрачивая на это немало времени, отрывая его от забот государственных, а порою пускаясь в неподобающие для столь именитых людей свары. Петр I положил этому конец. Он отделил царскую собственность от государственной, и доходы от собственности Императорского дома начали делить, сообразуясь с интересами империи и государя. Собственность Императорского дома была столь значительной, что для управления ею пришлось учредить особые «экспедиции», «экономии», преобразовавшиеся впоследствии в особый Департамент уделов, а еще позднее — в Министерство Императорского двора и уделов. Хозяйство Императорского дома состояло из десятков тысяч крепостных, 8 млн. десятин земли, 6 млн десятин леса, 2 млн. голов скота (в том числе более полумиллиона лошадей), а также промыслов и других доходных учреждений. Общий доход от Императорского имущества превышал 7 млн. рублей. Фактически Министерство Императорского двора и уделов было государством в государстве: со своей организационной службой на местах — «удельными» конторами в 36 губерниях, которые на местах никому не подчинялись. Оно имело свои школы, профессиональные училища, образцовые поля и скотные дворы, опытные заводы и прочие производства, что делало Императорский дом материально независимым и показательным по части современной организации хозяйства. Одним из подразделений Министерства была Императорская охота.

Охота на огромных российских просторах в стародавние времена была

делом весьма прибыльным. Михалон Литвин, автор сочинения «О нравах татар, литовцев и москвитян» (1550), писал, что в Западной Руси зверей в лесах было такое множество, что диких быков, ослов и оленей убивали только ради кожи, а на берегах водоемов водилось множество бобров, диких гусей, журавлей и лебедей. По тем временам это было большое богатство, определявшее в значительной мере материальный достаток князей и иноземную торговлю страны. Самые богатые охотники и рыбацкие угодья оказались в числе княжеских «ловищ» и «заказников», тщательно оберегаемых княжеской стражей. Охота на протяжении многих веков была надежным средством пополнения княжеской казны. И не только! Охота считалась изысканной, поистине царской престижной забавой, на которую не жаль было потратиться даже без надежной уверенности восполнить понесенные затраты. Интересна в этом отношении запись из оброчной Новгородской книги XVI столетия: «На моху (Вяжецком) ловить им соколы (соколами) себе, а за сокол давать на год оброку 5 гривен новгородских».

Чтобы представить весомость такого оброка, напомним: новгородская гривна тех лет составляла 42 деньги (московская — 21). Оброк за право пользования «обжей» — земельным участком в 9—12 десятин, посильных для ее обработки крестьянской семьей с лошадей, составлял 66 денег. Пуд ржи стоил 1 деньгу, сотня яиц — 3 деньга, а барашек — 4.

Сколько же надо было «наохотить» зверя и птицы в Вяжецком муху, чтобы только рассчитаться за оброк, причитающийся к уплате за сокола! Так что дело было не только в охотничьем трофее, но и в удовольствии, полученном во время охоты. Состоятельные царствующие охотники тратили на нее огромные деньги. В свите Алексея Михайловича, отца Петра I, бывало до 1,5 тысяч охотников.

Управление охотой поручалось, после утверждения Петром I «Табели о

рангах», высшим придворным сановникам. Перед революцией Императорской охотой управлял светлейший князь Дмитрий Борисович Голицин — генерал-адъютант, обер-егермейстер и генерал-лейтенант кавалерии (кстати, брат известного ученого и председателя Ученого комитета Министерства земледелия Б. Б. Голицина). Заведовал хозяйством Императорской охоты генерал-майор Николай Иванович Кутепов. Царским ловчим был действительный статский советник Владимир Романович (Робертович) Диц. Люди эти были известные и своего дела специалисты высшего класса. Как и все в Императорском доме, охота должна была быть образцово-показательной. Это непросто! Только малосведущему в охотничьих делах человеку охота может показаться занятием простым и забавным. Хотя без должных навыков добычу не только взять, но и найти трудно. Охотнику же приходится еще издать уметь отличать зверя и птицу по едва заметным признакам, узнавать в них особей, дозволенных или запретных к добыче. Признаками такими могли быть пол зверя, генетические дефекты строения его тела, посадка рогов, особенности окраски, время размножения и многое другое.

Охота к тому же занятие и небезопасное, особенно когда идет речь об охоте на медведя или волков. Да и на, казалось бы, самой безобидной охоте на мелкого зверя и птицу — стреляют, а при стрельбе всякое может случиться. На охоте нельзя без строгих распорядков и правил. Тем более касалось это охоты Императорской. Членов Императорской охоты и их гостей от несчастных случаев берегли как зеницу ока. Хрестоматийный случай, когда Николай I, окончательно удостоверившись в тщетности своих намерений огрadyть сына Александра от охотничьих увлечений, приставил к нему лучшего охотника — унтер-егерь Иванова с наказом не спускать с сына глаз во время охоты, оберегая его от опасности. Так и простоял унтер-егерь Иванов 25 лет за плечом Александра II, не сни-

мая в самую лютую стужу голого пальца с ружейного курка, готовый в любую секунду защитить отчаянного своего хозяина от любой неожиданной опасности. От охотничьего несчастья Иванов Александра уберег. Страшнее зверя оказались для Императора террористы с бомбами.

Штаты Императорской охоты укомплектованы были лучшими егерями и нарядчиками, строго следившими за регламентом охоты. Охота, как и всякое другое направление хозяйственной деятельности, нуждалась в специалистах. Готовили их не столько теоретически, сколько практически. Да и сама Императорская охота была учреждением не столько чиновничьим, сколько практическим. Располагалась она в окрестностях Санкт-Петербурга, в городе Гатчине. Егерская слобода (так называлась главная усадьба Императорской охоты) была отлично обустроена. В ней имелось 19 зданий, в число которых входили служебные и жилые помещения: караулки, пожарное депо, цейхгаузы, склады оружия и различного инвентаря. Рядом со слободой с одной стороны был устроен ремиз для

серых куропаток, фазанов и других птиц. По другую сторону — зверинец, в котором содержались специально подготовленные к отстрелу звери. Зверинец был оборудован по образцу лучших мировых охотничьих хозяйств такого рода. Звери в нем были и свои, и завезенные из других губерний. Кабанов, например, присылали из Беловежской пуши, северных оленей — из Архангельской губернии. Паслись в зверинце 9 зубров. Устроены были в зверинце укрытия для охотников, вышки для отстрела, места кормления животных. Отстрел велся по тщательно проводимому учету. В лесах, приписанных к Императорской охоте, имелись «чайные» домики для временного отдыха охотников. Тратили на охоту в канун революции из личных денег Императора почти 350 тыс. рублей золотом. При Императорской охоте, кроме того, имелась образцовая молочная ферма на 29 коров, 4 теленка и 1 бык. В конюшне содержались 23 лошади, а в специальных вольерах — 58 собак.

Штат Императорской охоты включал в себя практически всех специалистов охотничьего дела: обер-егерей и ун-

тер-егерей, окладчиков, псарей, тетечников, выжлятников, доезжачих, стрелянных, вабельщиков, зверовщиков, лисятников, корытников, наварщиков, каретников и других. Был при Императорской охоте даже свой хор певчих, «складно исполнявших любые произведения» на охотничьих трапезах гостей.

Славился музей охотничьих трофеев и орудий охоты при Егерской слободе. Для служащих Императорской охоты при слободе имелись школа, собственная врачебная амбулатория, церковь и образцовая ветеринарная служба.

В канун революции, особенно с началом мировой войны, члены Императорского дома в охотах участвовали редко. Однако внимание к охотничьей службе в Министерстве Императорского дома и уделов не ослабевало, поскольку из царской забавы она уже переросла в отрасль хозяйства, нуждающуюся в научном и практическом обеспечении. Появились охотничьи хозяйства у многих особо состоятельных людей, да и простонародье никогда не теряло интереса к охоте. Охотничье хозяйство, как подтверждал опыт за-

В. Васнецов, 1895 г. Отдых Владимира Мономаха после охоты

рубежных стран, в перспективе могло составить весомую добавку к государственному бюджету. Специалист Департамента земледелия Д. К. Соловьев оценивал потенциальную охотничью прибыль страны в 100 млн. золотых рублей.

Охота, следует заметить, в то время уже начала получать научное обоснование. В научном понимании она трактовалась как «получение добычи диких животных, птицы и зверя». Однако исключительное представление об охоте как о добыче зверя существенно расширялось, поскольку сама сущность ее вышла за границы этих представлений. Энтузиасты охотничьего дела не сомневались в бесспорных эстетических и практических составляющих охотничьего интереса, заставляющих людей забывать удобства жизни и комфорт ради того, чтобы побродить по лесам и полям, пренебрегая холодом и непогодой, недоедая, недосыпая и подвергая зачастую свое здоровье, или даже жизнь, опасности. Справедливы слова поговорки: «Охота пуще неволи». Сущность охоты заключена в сущности самих человеческих потребностей, особенности человеческой психики, побуждающей людей заниматься охотой. Не считаться с этим — значит пустить дело на самотек, со всеми вытекающими из того негативными последствиями. Это противоречило принципам европейского государства, тем более что охотников в стране становилось больше. В канун революции их насчитывалось более 800 тысяч. Реализовывать естественные устремления такой огромной армии охотников без ущерба для Природы в целом и охотничьей фауны в частности можно только в условиях высокого профессионализма в охотничьем деле, организованном на научной основе.

Для успешной организации современной охоты требовалось приступать к специальному охотустройству, начинать строить дороги внутри лесных дач, оборудовать проезды и подходы к местам охоты, позаботиться об обеспечении и сохранении, где следует, болот, заняться плановым благоустройством глухариных токов и ремизов, расчисткой участков для создания вальдшнепиных тяг, вводить ограничения рубок в местах лежки медведей и кормежки лося, заниматься подкормками зверя и птицы. Обо всем этом писали охотничьи журналы и газеты, говорили егеря-профессионалы и простые любители охоты. Уже появилась в России отечественная школа охотоведов во главе с А. А. Силантьевым, Г. Г. Доппельмайром, Н. Ф. Томкевичем, В. П. Горынским, В. Р. Троицким и другими известными охотоведами.

Научный и практический опыт Императорской охоты мог во многом облегчить развитие отечественного охотного охотоведения. Министерство Императорского двора и уделов, кстати, всячески поддерживало эту идею, а Императорская охота по сути своей уже готова была стать своеобразным на-

учным центром охотничьего дела страны.

Однако этому не суждено было случиться. Министерство оказалось первым из числа учреждений бывшей государственной администрации, ликвидированных уже после Февральской революции 1917 г. С материальными ценностями Министерства на местах: Императорскими землями, лесами, движимостью и недвижимостью, скотом и инвентарем удельных имений — управились быстро. Их экспроприировали, разделили, растащили, сожгли. Где как получалось! Та же участь ожидала и Императорскую охоту в Гатчине. На ее собственность уже претендовали местные жители. Кое-что, как, например, Ящерский охотничий дом, уже экспроприировали. Гатчинский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов понимал, что и с охотой в Егерской слободе случится то же самое, и предложил создать в Императорской охоте что-то вроде коммуны для инвалидов войны. Только не успели! 13 сентября 1917 г. в повестку дня Совещания Товарищей Министров Временного Правительства был внесен вопрос о преобразовании Императорской охоты в Гатчинское государственное охотничье хозяйство. Совещание единодушно поддержало это намерение. Управление Императорской охотой, как и лесами бывшего Министерства Императорского дома и уделов, передали Лесному департаменту Министерства земледелия.

Для организации приема-сдачи Императорской охоты Лесному департаменту и составления сметы по его содержанию учреждена была должность комиссара по охоте Министерства земледелия, в которой утвердили известного охотоведа и преподавателя Лесного института А. А. Силантьева, в помощники ему определили Г. Г. Доппельмайра.

На протяжении трех месяцев А. А. Силантьев и Г. Г. Доппельмайр добросовестнейшим образом обследовали Егерскую слободу с ее движимым и недвижимым имуществом и составили смету практически для создания на базе Императорской охоты научно-производственного показательного охотничьего учреждения, в котором должны были «сосредоточиваться научно-показательные работы в области правильного охотничьего хозяйства и подготовки технического персонала, необходимого для обслуживания охотничьих учреждений России». Это был бы первый в стране научно-исследовательский центр охоты.

К сожалению, и этой мечте А. А. Силантьева осуществиться в полной мере не удалось. После Октябрьской революции от комиссарской должности по охоте он был отстранен. Комиссаром по охоте стал И. Козарь. Заведование хозяйством временно возложили на Н. И. Фисанова — бывшего делопроизводителя Императорской охоты. Начались перебои с выдачей жалования служащим. Кто-то из старослужащих

Императорской охоты стал уезжать, звери — разбегаться и пропадать. Начались новые совещания и заседания о судьбе Императорской охоты. Появилось мнение о создании в Егерской слободе показательного, «на новых истинно-демократических началах», племенного сельскохозяйственного заведения по животноводству с питомником и курсами инструкторов племенного дела. Императорской охоте определяли место уже не в Лесном департаменте, а в Департаменте земледелия. При окончательном решении Комиссариата имуществ Императорская охота тем не менее была оставлена за Лесным департаментом и с 1 января 1918 г. переходит в распоряжение Наркомата земледелия. Этим же решением она преобразована в Гатчинское государственное учебно-показательное охотничье хозяйство Лесного департамента. Научно-показательным учебным центром, как это предлагал А. А. Силантьев, Гатчинское охотничье хозяйство, однако, не стало. Музейные его экспонаты и архивы перевезли в Лесной институт. Само же управление охотничьим хозяйством в феврале (2—19) 1918 г. определили за Отделом охоты при Лесном департаменте.

Задачи и планы Центрохоты, как стал именоваться Отдел охоты, были обширные. Он намеревался сохранять охотничьи богатства страны, регулировать запасы зверя и птицы, принять на себя надзор за соблюдением правил охоты, следить за сбором охотничьего налога, учредить не менее 52 заповедников, создать сеть показательных охотничьих хозяйств, в которых «организовать дело по германскому образцу», бороться с расплодившимися волками, устроить питомник племенного собаководства. Вместе с тем Центрохота рассматривала себя, наряду с местными исполкомами Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, скорее контролером, чем организатором охотничьего дела. Практической работой по реализации всех упомянутых планов должны были заняться Охотсоюзы, деятельность которых должна была вестись под руководством местных исполкомов, согласуемых с Центрохотой.

На местах же дело шло своим чередом. Почувствовав свободу, «охотники-любители» стреляли, «сообразуясь со своим пониманием проблемы». Оружие было почти в каждой избе, а начальства так много, что его можно уже и не остерегаться. От имевшихся в довоенные годы зверей и птиц в российских лесах мало что осталось. Потом стали наводить порядок, и многое удалось восстановить. Только не бывшую Императорскую охоту Егерской слободы в Гатчине. Жаль! На базе ее могло бы получиться, как и рассчитывал А. А. Силантьев, действительно образцово-показательное охотничье хозяйство, с отличной научной и учебной базой.

Памяти друга

Р. Л. Беме (слева) и В. Е. Флинт отдыхают во время охоты

Ушел из жизни Рюрик Львович Беме, и эта скорбная весть никого из знавших его не оставила равнодушным. Я же потерял лучшего друга и товарища по охоте и горе ощущаю вдвойне.

Р. Л. Беме родился 25 августа 1927 г. во Владикавказе, в семье известного орнитолога и исследователя Кавказа — Льва Борисовича Беме. Детство прошло в большой семье, где равноправными членами всегда были собаки и птицы, десятки птиц. Лев Борисович рано начал брать Рюрика на охоту в горы, и именно тогда зародились у него и стремление к изучению животных, и страсть к охоте.

Беда пришла неожиданно: в 1938 г. Л. Б. Беме был арестован и заключен в концлагерь, а Рюрика постигла судьба изгоя, которым становились все дети «врагов народа». В 1941 г., с началом войны, вся семья из-за немецкой фамилии была выслана в Казахстан, в Павлодарскую область. Здесь она хватала и голода и холода. Рюрик, тогда еще подросток, работал сначала пастухом, затем трактористом, а позже забойщиком на Карагандинском металлургическом комбинате.

В 1946 г. семья вернулась во Владикавказ, где к ней присоединился Лев Борисович, досрочно освобожденный по болезни. Вскоре затем семья переехала в Новозыбков (Брянская область), где Л. Б. Беме получил место доцента в пединституте. В 1948 г. Рюрик Львович поступил на биолого-почвенный факультет МГУ и переехал в Москву. В первый же день занятий мы случайно встретились в вестибюле Зоологического музея, где тогда размещался биофак, и с тех пор наши жизни шли параллельно и очень близко друг к другу.

После окончания Университета Р. Л. Беме поступил в Зоологический му-

зей МГУ, занимался систематикой оленей. Но главной его любовью оставались птицы, и вскоре он перешел в Орнитологическую лабораторию биологического факультета МГУ, где работал под руководством Г. П. Деметьева. В положенные сроки он защитил кандидатскую, а затем и докторскую диссертации, стал профессором, читал на биофаке курсы зоогеографии и систематики птиц. Перу Рюрика Львовича принадлежат десятки научных статей и ряд монографий, преимущественно о птицах гор. Он был настоящим полевиком, изучал птиц в Вологодских лесах и горах Таджикистана, в тайге Дальнего Востока и Приамурья, в тундрах низовьев Индигирки и острова Врангеля. Собрал ценнейшую коллекцию тушек птиц, был прекрасным таксидермистом и профессионально делал чучела. В числе его ближайших друзей были такие замечательные люди, как Е. П. Спангенберг, С. С. Туров, А. М. Чельцов-Бабуты и многие другие.

Охота была для него не развлечением, не отдыхом, она была для него необходимой потребностью, его мировоззрением.

Еще студентами мы вместе ездили на тягу, стреляли из-под его пойнтера Фрама тетеревов в Брянской области, а позже, уже с начала семидесятых годов, Рюрик Львович стал моим постоянным спутником на весенней охоте. Он равно любил все виды весенней охоты, но, как и я, особое место отводил глухариным токам. Быть с ним в весеннем лесу было истинным наслаждением. Он прекрасно знал и тонко понимал нашу русскую природу, безошибочно определял по голосам птиц, и каждое возвращение с глухариного тока превращалось у нас в увлекательную орнитологическую экскурсию.

Охотником Рюрик Львович был исключительно деликатным и «прикладистым». Он не был жаден до дичи, искренне радовался успехам товарищей, всегда был готов уступить право первого выстрела на глухарином току или удачное место на тяге. Ровный, спокойный и какой-то невозмутимый характер делал его удивительным компаньоном по охоте, лучше которого нельзя было пожелать.

Да и во всех отношениях Рюрик Львович был особым человеком. Мягкость, доброта и доброжелательность гармонично сливались с его какой-то необыкновенной духовной чистотой, с искренней верой в человека, с неистребимым желанием помочь каждому, кто приходил к нему за помощью. Он глубоко верил в то, что мир должен строиться на любви и уважении друг к другу, и поэтому в повседневной жизни был каким-то беззащитным, казалось несколько наивным и чудачковатым. Но именно поэтому он был так нужен всем. Он как бы излучал тепло и свет, столь важные в людских отношениях и которых нам так не хватает в наше жестокое время. Я никогда и ни от кого не слышал о Рюрике Львовиче дурного слова, и сейчас это большая редкость!

Рюрик Львович был удивительно скромным человеком. Он не стремился к высоким званиям и должностям, не запрашивал зарубежных грантов, жил на жалкую зарплату педагога. Но он прожил счастливую жизнь, окруженный любящими его людьми, любимыми собаками и бесчисленными птицами. Ощущение того, что жизнь его была радостной и полной, утешает нас, его друзей, в эти дни скорби.

Прощай, Рюр! Никогда уже не стоять нам на тяге, не смотреть в огонь ночного костра, не встречать восход солнца на моховом болоте, на глухарином току! Но пока мы живы, мы будем помнить тебя!

В. ФЛИНТ

Дорогие читатели, друзья!

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

«ОХОТА И ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО»

продолжается

Если вы не успели подписаться на весь 2001 г., или на полгода, то до 20-го, а в некоторых районах до 15-го декабря можно оформить подписку начиная с февраля и до окончания полугодия

Наш индекс 70673 по каталогу Роспечати

Накануне и в начале Великой Отечественной войны

Н. ВЕРЕЦАГИН

В Ленкорани мы подружились с директором Противочумной станции доктором Мамедом Мурватовым — питомцем Саратовского противочумного института. Мы оба сознавали свою огромную ответственность за микробиологическое благополучие трансиранской автомагистрали. Эпидемическая и эпизоотическая обстановка в районе была попросту тревожна. Ленкоранская низменность с ее грунтовыми водами на глубине всего в один метр и заболоченности, Ленкоранское морцо, рисовые поля и водохранилища, кишащие крупнокалиберными комарами рода Анофелес — переносчиками малярии, обильные черные и рыжие крысы, водяные полевки — все это был горючий материал для чумы и туляремии. Вспомнилась странная вспышка бубонной чумы в соседнем Нагорном Карабахе, возможно устроенная знаменитым английским разведчиком Лоуренсом в 1925 г. Сейчас по скверной щебенной дороге, через Дагестан—Азербайджан и Иранское плоскогорье тянулась пыльная ниточка скверной автодороги, связывающая устье Евфрата и гавани Персидского залива с нашим югом Каспия — Ленкоранской низменностью. Здесь находилось несколько пограничных застав: Белясувар на равнинной Мугани, Астара у берега Каспия; Кельвяз и Келаханы в нагорном — горно-степном Талыше. Всюду надо побывать, наладить отлов местных грызунов, вовремя засечь возникновение природно-очаговой эпизоотии, не дать ей шанс перекинуться на людей, то есть превратиться в эпидемию. Здесь и в Иране мы вовсе не были застрахованы от микробных диверсий немцев. Мое ежедневное дежурство в противочумке было довольно тягостным. Два наших ловца поставляли в день по 20—30 грызунов: черных и серых крыс, домашних и диких мышей, серых хомячков, землероек-кроцидур. Их надо было вскрыть, исследовать, собрать и определить блох и клещей, записать результаты в журнал. Все это

при температуре в 25—30°, в двух халатах, очках, маске, резиновых сапогах и перчатках...

Мои обязанности как начальника санэпидстанции, в свою очередь, состояли в поддержании на должном санитарном уровне зернохранилищ, в контроле за состоянием водных источников, торговых помещений и открытого базара. Трое рабочих-санитаров и весьма хозяйственная дама-бухгалтер — весь штат этого милого учреждения. Небольшой запас хлорной извести, ДДТ и карболки, элементарный набор инструментов в виде баков-распылителей, кистей, ведер, лопат, домик в одну комнату и склад-сарай — вот и все немудреное хозяйство, которым я был волен распоряжаться. Все было бы ничего, но над моими работягами нависла беда. Двое из них оказались иранцами, бежавшими в Азербайджан от режима Реза шаха Пехлеви, в числе 40 тысяч прокоммунистически настроенных иранских подданных, так называемых «демократов». Значительная часть таких беженцев осела у границы, перебиваясь случайными заработками. И тут поступило распоряжение отправить их на север, подальше от границы. Один из моих подчиненных — тридцатилетний иранец, только что женившийся на местной талышинке, не выдержал новой моральной встряски и повесился. Усилия доктора Мурватова, пытавшегося спасти бедолагу искусственным дыханием, оказались напрасными. Ленкоранская милиция пыталась даже свалить этот прискорбный случай на меня, полагая, что это я запугал работягу. Я видел на следующий день этих иранских беженцев. Они сидели на мешках, одеялах, каких-то тюках у берега моря, ожидая погрузки на пароход; их отправляли куда-то на север. Я им крайне сочувствовал, будучи и сам в «чуждом» состоянии.

Мой пищевой рацион пока был жалок. Одну из зарплат я посылал целиком в Баку жене и сыну-малолетке, другой хватало на чашку-пиалушку местной простокваши («каттых») и пресную пшеничную лепешку («лаваш»).

Вся надежда была на осенних утей и кабанов, но сейчас был «мертвый» сезон.

Для поездок на горный Талыш в пограничную зону — за 30—40 км от Ленкорани — требовался пропуск, и я отправился в ленкоранский отдел НКВД. Там оказался вполне контактный капитан. Он выписал мне пропуск, а потом неожиданно предложил мне свою верховую лошадь, которую ему надо было отправить к смежному начальнику Кельвязского отделения на прокорм. Ехать верхом в горы было гораздо приятнее, чем трястись в рейсовом грузовике, и я, разумеется, согласился. Конь оказался добрый — серый в яблоках, под английским седлом, и я отлично прокатился, не торопясь, через всю лесную зону Талыша, любясь на мягкие краски крон столетних буков, грабов, каштанов.

Выше лесной зоны — на высоте 1800 м — была уже нагорная степь (вместо альпийского луга), и сейчас она быстро выгорала под жгучим солнцем. На боковой тропке из-под копыт моего коня разлетались темными брызгами кобылки нестадных саранчовых. Среди них были и кургузые, величиной с полевку, массивные бурые создания, которые, неуклюже переваливаясь, пробирались в сухой низенькой травке. Еще более странными были для меня огромные саги — зеленые кузнечики, довольно нагло грозившие мне и коню своими колючими лапами и совсем неохотно уступавшие дорогу. В райцентре Кельвяз за оградой отдела милиции меня любезно встретил здешний начальник, принял коня, угостил отличным завтраком с жареным молодым барашком и устроил на ночлег.

На другой день я отправился уже пешком в Келаханы за шесть километров на погранзаставу. Начальник небольшого погранотряда принял меня на постой и иждивение по распоряжению Главмедчасти Закавказского военного округа, которым я запасся еще в Баку через профессора П. П. Попова. Здесь было уже типичное иранское Нагорье с его холмистым релье-

Окончание. Начало см. в № 11.

фом, рассыпая вулканических тешенитовых скал, напоминавших базальты. Километрах в 30 к югу, в Иране, сквозь пыльную дымку маячил вулканический конус горы Савалан-дага. Всего сотню лет тому назад на ближних скальных горушках водились козери и муфлоны, как о том свидетельствуют записки Густава Ивановича Радде — создателя Кавказского музея в Тбилиси.

Пользуясь запасом механических ловушек, я быстро организовал поиск и отлов местных грызунов. На чердаках казарм, под нагретым до 60° шифером крыш, легко ловились крупные серые хомячки, устраивающие жуткую ночную возню, а на маленьких полях люцерны в понижениях-ложбинках так же безотказно ловились в крошечные горные слепушонки. Порадовала меня и новая зоогеографическая находка. На здешней Келакханской сопке, недалеко от заставы, я поймал снеговую полевку, которая, вероятно, обитает и южнее по скальным горушкам здешнего плоскогорья. Я бережно снимал и солил шкурки и черепа своей добычи для коллекции.

Келакханский погранотряд состоял из украинцев, спокойных, загорелых ребят, содержавших пару мощных кавказских овчарок — «Демократа» и «Демократку». Солдатский рацион был скромен: вермишелевый или гороховый суп, или борщ с тушенкой, перловая или пшенная каша, тоже сдобренная тушенкой или салом, компот из сухофруктов.

В первую же ночевку на заставе я был дважды разбужен среди ночи необычными происшествиями: из-за фанерной перегородки доносятся какие-то разговоры с дежурным, а между тем уже полночь.

— Товарищ сержант, вот мы тут двух тушканов в обходе пымали. Передайте их научнику, что он скажет.

— Ладно, но он сейчас спит. Оставьте вот тут в сетке до утра, не ускачут.

Голоса затихают, и я проваливаюсь в глубокий сон, но ненадолго. Отчетливо слышу что-то несуразное, как отзвук голодного бреда.

— ...Котлет отбивных бараньих 30, пирожков с мясом 30, с рисом 30.

Хм, недурно, хоть бы мне по парочке такой благодати.

— Бисквитных пирожных 60, пирожных эклер 60, мороженого сливочного, крем-брюле 60 порций, печенья лимонного 30 пачек, минералки 40 бутылок, коньяку один ящик...

Тогда неплохо. Хорошо бы приобрести к такому припасу, давно ведь не пробовал. Догадываюсь: диктует заказ высланный вперед шеф-повар, заказ идет в ленкоранский отряд для какого-то генерала и его свиты. Есть еще порох в пороховницах у наших войск. Снова засыпаю и наутро узнаю: низу едет генерал Соколов — командующий Закавказским военным округом со свитой из каких-то партийных боссов. Чем занимался генерал в своей инспекционной поездке, я так и не

узнал. К моим проблемам он не проявил интереса, хотя рукопожатиями мы обменялись.

Вернувшись через несколько дней в Ленкорань и разделавшись с очередными порциями выловленных грызунов и блох, я задумал совершить небольшой выезд в глубь лесного ущелья Вилля-чая, к горячим источникам Истису. По слухам, там было полно зверья, рыбы, крабов; еще недавно водились дикиобразы, барсы и тигры.

Ленкоранское военное начальство порекомендовало мне пристроиться — поставить свою палатку у лесного погранпоста, где кантовалось трое молодых новобранцев: казанский татарин, узбек и русак. Я так и сделал. С молодыми вояками я быстро подружился, в своей палатке поставил раскладушку со спальным мешком. В окружавшем нас буковом лесу дичи не оказалось, и поэтому мы попытались отыгаться на рыбе — усаках и храмулях, обильных в омутах небольших речек. Не отказывали мы себе и в периодическом купании в горячих источниках. Здесь были когда-то устроены кабинки с ванными, но в связи с войной все пришло в запустение. В некоторых источниках вода была нестерпимо горячей, что-то порядка 55°. Земноводные крабы, которые жили в подстилке и под камнями, лазали по дну ручейков, но, попав в горячую струю, быстро погибали, краснея. У источников оказалась и свежая нора барсука, что дало мне повод поймать его капканчиком первого номера. В результате зверь был сварен в четырех молодых желудках, разумеется, в хорошо прожаренном виде. В соседнем глухом распадке с рыбным ручьем я обнаружил тропку выдр, кормящихся у порядочного омута с эффектным водопадиком, и поставил на нее два капкана третьего номера. Наутро меня ждало горькое разочарование. Гениальное творение наших мастерских — мощные капканы оказались в полуспусчными пружинами и полустычными дужками. По тарелочкам благополучно прошагали выдры-рыболовы. Зато в мышеловки-хлопушки безотказно ловились лесные мыши и землеройки-белозубки.

Как-то ночью я проснулся от странных постукиваний в натянутую стенку палатки. Начался бледный рассвет, и я решил, что это стучит кто-то из ребят, и поэтому крикнул: «Войдите!» В ответ — молчание и легкий хрип соседей. Выглянул наружу — никого. Лес тоже молчит. Забрался снова в мешок, и снова раздалось какие-то щелчки, постукивания. Осмотрел пол палатки и обнаружил краба величиной с ладонь, который, забравшись через щель входа, начал искать выход, постукивая клешней об стенку. В капкане недалеко от палаток в ту ночь попался здоровенный лесной кот, что также явилось зоогеографической новостью. При моем отъезде и прощании с ребятами я обнаружил под снятым днищем палатки великолепного цитомордника тем-

но-багровой окраски и законсервировал его в формалине.

В Ленкорани уже начался сентябрь, над берегом и морем со стороны Кызыл-Агачского залива потянули на юг одиночки и небольшие партии кроншнепов. Они покинули далекую северную родину, ее моховые и луговые болота среди темно-зеленой тайги, до будущего брачного сезона. Вслед за кроншнепами полетели огромные стаи чирков и вихляющие группки чибисов и, наконец, кряквы. Стаи чирков, скорее всего трескунков и мраморных, достигали 400—500, крякв 100—150 штук. Летели они днем, не присаживаясь на море и рисовые поля, на высоте 100—150 м, куда-то в болота Гиляна, а может быть, и прямо в болота Междуречья. Мне они были недоступны. Зато начиналась охота на кабанов. На чалтыках поспел рис, и туда устремились чушки, не боясь ни криков, ни шума дежурных бабаев, залезавших на специальные помосты, где можно было вздремнуть хоть часть ночи, укутавшись в ватное одеяло.

После ночного дежурства в противочумке и в своем профотряде, я, бывало, брал заветную двадцатку и отправлялся за околицу городка в джунгли. Мне нравилось бесшумно передвигаться в легких резиновых туфлях и бязевом комбинезоне по буйволиным тропам, проложенным в лесной чаще из железного дерева, акации, граба, оплетенных на опушках колючими лианами смилакс и плетями ежевики. Было занятно прислушиваться к таинственному звуку джунглей: хрусту косточек какой-то жертвы на зубах шакала, бурчанию газов в брюхе нажравшегося сечка, топотку выводка поросят, ведомых по смежной тропинке дородной хрюшкой. Стрелять здесь, в бархатной темноте, было трудно. Важно было заставить хрюшек на рисовых чалтыках или на баках — на окраине джунглей. При неверном свете ущербной луны мне дважды удалось подстрелить из двадцатки вполне приличных подосвинок пуда по три весом и подкормить себя и коллег по работе.

Вскоре и совсем полегало в связи с прилетом зимующих уток. Они распределялись днем по прибрежной зоне Каспия и, особенно, в его Кызыл-Агачском заливе, а на ночь летели кормиться с моря на чалтыки, водохранилища и Ленкоранское морццо. Охоты здесь были превосходны, были бы только заряды. За одну только вечерку у берега Малого Кызыл-Агача мы с директором Никитского Ботанического сада (Крым) А. С. Ковергой (эвакуированном в Ленкорань) ухлопали в декабре 42-го года 40 отличных уток и гусей.

Летом 43-го года академическое начальство отозвало меня обратно в Бак, и я сложил свои обязанности по Ленкорани. В Великой войне произошел перелом, немцы стремительно откатывались с Северного Кавказа после разгрома их армий на Волге под Сталинградом.

К закону об оружии

Г. КОЛЕСОВ

В последнее время после принятия Закона «Об оружии» участились жалобы охотников на изъятие оружия под надуманными предлогами органами внутренних дел. В связи с этим я предлагаю развернуть на страницах журнала «Охота и охотничье хозяйство» дискуссию насчет Закона «Об оружии», нужно определить, насколько он соответствует жизни, какие поправки следует внести. В порядке обсуждения предлагаю внести в Закон «Об оружии» следующие дополнения.

Вначале следует ввести понятие «охотничье оружие», иначе охотники растворятся среди массы охранников, вооруженных боевым оружием. В амбуле записать, что Закон «Об оружии» должен способствовать удовлетворению прав граждан на охоту, занятия стрелковым спортом, охранять права и свободы охотников. Право на покупку охотничьего оружия имеют лица, достигшие 17 лет. Не имеют права на приобретение оружия: не достигшие указанного возраста, имеющие судимость за умышленные преступления против личности, отбывающие наказание, не имеющие постоянного места жительства, с хроническими психическими расстройствами, больные хроническим алкоголизмом, наркоманы, лишенные оружия по решению суда. Все остальные граждане имеют законное право на покупку оружия. Охотничье оружие продается на основании лицензии, выдаваемой лицензионно-разрешительной системой, включенной в систему органов внутренних дел. Для получения лицензии необходимо написать заявление и приложить 2 фотографии. Лицензионно-разрешительная система по своим каналам проверяет, нет ли запретов на получение лицензии. Лицензия выдается через

5 дней. Никаких других справок и документов органы внутренних дел не имеют права требовать. То есть если ты не псих и не преступник, лицензия выдается автоматически после подачи заявления. Через 5 дней после покупки ружье должно быть зарегистрировано в лицензионно-разрешительной системе. Если, получив лицензию, охотник совершил преступление, не связанное с применением охотничьего оружия, то ружье остается на временном хранении у родственников (без права охоты) на все время содержания под стражей. Лицензия выдается один раз на всю жизнь. Периодические подтверждения лицензии не требуются. Количество охотничьих ружей у охотника не ограничивается. Владелец ружья имеет право передавать его во время охоты своим детям или родственникам (жена, брат). Эта статья отражает жизнь. Если охотник имеет сына, то с 10 лет берет его на охоту, а в 15 лет покупает ему ружье. Вместе с лицензией охотнику выдается брошюра с правилами техники безопасности на охоте при обращении с огнестрельным оружием. Ружье перевозится к месту охоты в разобранном виде, а при переезде с места на место во время охоты в разряженном состоянии. Владелец ружья хранит оружие там, где найдет нужным. В случае длительного отсутствия (например, учеба) оружие хранится у ближайших родственников без права охоты. Органы внутренних дел, работники лицензионно-разрешительной системы не имеют права контролировать правила хранения, перевозки, использования охотничьего оружия. Контролирует использование оружия общество охотников, этого достаточно. Милиция пусть занимается своими прямыми обязанностями: охраняет общественный порядок, ловит преступников. Не надо честных граждан, охотников, превращать в потенциальных

преступников, каждый шаг которых должна контролировать милиция. Пока преступление не совершено, милиция не имеет права считать охотников преступниками.

Оружие изымается: если оно не зарегистрировано, в случае хулиганства с применением охотничьего оружия, преступления, связанного с применением охотничьего оружия, браконьерства. Изымается то оружие, с помощью которого совершено правонарушение. Оно хранится в органах внутренних дел до суда. Суд решает оставить ружье у владельца или возмездно изъять данное оружие или все, имеющееся у охотника. Лицензия на новое оружие в этом случае не выдается. В случае прекращения охоты временно или постоянно (по болезни, по старости) оружие остается у охотника. В случае смерти владельца оружие продают родственники тем, кто имеет лицензию, или оставляют себе, оформляя лицензию.

Уголовный кодекс следует дополнить рядом статей. Конституция РФ гарантирует неприкосновенность жилища. Эта мера должна быть дополнена соответствующей статьей Уголовного кодекса. Нарушение неприкосновенности жилища, незаконное вторжение в жилище (против воли хозяина), тайное или явное, совершенное обманом, хитростью, силой, насилием, с применением оружия, совершенное в одиночку или группой лиц, карается тюремным заключением сроком на 5 лет каждому.

Незаконное завладение (против воли хозяина) охотничьим оружием, совершенное тайно или явно, хитростью, обманом, силой, угрозой силы, с применением оружия в одиночку или группой лиц, карается тюремным заключением сроком на 7 лет каждому.

При определении окончательной меры наказания суд суммирует все наказания в одно.

Отвечает за преступление, связанное с применением охотничьего оружия, тот, кто нажал на курок или держал его во время преступления, угрожая его применением. Отвечать за преступления должен преступник, а не владелец ружья.

Владелец ружья несет юридическую ответственность как соучастник преступления в том случае, если он добровольно передал свое оружие для совершения преступления или браконьерства.

Данные поправки приведут к тому, что Закон «Об оружии» будет отвечать жизни, будет охранять права и свободы охотника.

Фото Т. Баженова

Охотник с ружьем в самолете

М. САВЕЛИЙ,
доцент Академии управления
МВД России,
кандидат юридических наук

В целях организации безопасной перевозки (транспортировки) воздушными судами гражданской авиации оружия, боеприпасов и патронов к нему, специальных средств (оружия) и исключения возможности их использования для совершения актов незаконного вмешательства в деятельность гражданской авиации, а также пресечения незаконного оборота оружия Приказом Федеральной службы воздушного транспорта РФ и МВД РФ от 30 ноября 1999 г. была утверждена инструкция о порядке перевозки воздушными судами гражданской авиации оружия, боеприпасов и патронов к нему, специальных средств, переданных пассажирами для временного хранения на период полета (Инструкция).

Инструкцией регламентируется порядок оформления документов на перевозку оружия, доставку его на борт воздушного судна, порядок выдачи оружия пассажирам в аэропорту назначения. Наряду с этим в приложении Инструкции приводится бланк акта приемки оружия на период полета воздушного судна.

Прием оружия к перевозке, оформление соответствующих документов, доставку на борт воздушного судна гражданской авиации (воздушное судно) в аэропорту отправления и выдачи оружия в аэропорту назначения осуществляют уполномоченные сотрудники службы авиационной безопасности (уполномоченное лицо) аэропорта.

Контроль за соблюдением порядка перевозки оружия воздушными судами осуществляют сотрудники органов внутренних дел и служб авиационной безопасности аэропортов в соответствии с нормативными актами указанных ведомств.

При посадке (высадке) в самолет пассажиров на посадочных площадках и аэропортах (аэродромах), где отсутствуют службы авиационной безопасности, прием оружия к перевозке, оформление соответствующих документов, доставку на борт воздушного судна и выдачу оружия осуществляет член экипажа воздушного судна, назначенный командиром воздушного

судна ответственным за сохранность и перевозку оружия.

Оружие пассажиров, имеющих право на его хранение и ношение, в обязательном порядке передается уполномоченному лицу для временного хранения на период полета в аэропорту отправления и выдается владельцам по окончании полета в аэропорту назначения. Как это делается, рассмотрим более подробно.

Порядок оформления документов на перевозку оружия и доставки его на борт воздушного судна

При предъявлении охотником или при обнаружении у него оружия в ходе предполетного досмотра уполномоченное лицо ставит об этом в известность сотрудника органа внутренних дел на транспорте, который обязан проверить наличие у пассажира документов на право хранения и ношения оружия, а в необходимых случаях соответствующего разрешения на его ввоз на территорию Российской Федерации и вывоз из Российской Федерации, а также произвести тщательный осмотр оружия, о чем делается отметка в актах приемки оружия на период полета воздушного судна (приложение к Инструкции). Оружие при предъявлении его должно находиться в разряженном состоянии отдельно от боеприпасов.

В аэропортах, где нет органов внутренних дел на транспорте, проверка документов и осмотр оружия осуществляются уполномоченными лицами.

Осмотр оружия и оформление документов на его перевозку производятся в специально отведенных помещениях аэропорта, оборудованных в соответствии с требованиями нормативных актов МВД России.

Акт приемки оружия на период полета воздушного судна составляется в 3-х экземплярах, которые подписываются уполномоченным лицом и владельцем оружия. Первый экземпляр акта приобщается к багажной ведомости службы организации пассажирских перевозок после подписания членом экипажа, ответственным за сохранность и перевозку оружия, о принятии оружия на борт воздушного судна и хранится в указанной службе в течение одного года. Второй экземпляр акта в качестве сопроводительного документа передается экипажу. В аэропорту назначения уполномоченное лицо рас-

писывается в нем о получении оружия у члена экипажа, ответственного за сохранность и перевозку оружия. Второй экземпляр акта приобщается к полетной документации. Третий экземпляр акта выдается пассажиру в аэропорту отправления. Данный экземпляр является основанием для получения оружия, переданного пассажиром для временного хранения на период полета.

При оформлении акта уполномоченное лицо обязано разъяснить пассажиру порядок его получения в аэропорту назначения.

Оружие, переданное его владельцем на временное хранение на период полета, упаковывается уполномоченным лицом в оберточную бумагу, бумажный или пластиковый пакет. На упаковке проставляются номера рейса и акта, фамилия, имя, отчество владельца оружия. На борт воздушного судна доставляет оружие уполномоченное лицо.

Порядок выдачи оружия пассажирам в аэропорту назначения

При прибытии самолета в пункт назначения уполномоченное лицо доставляет оружие в специально оборудованное помещение аэропорта, где по предъявлению пассажиром врученного ему в аэропорту отправления третьего экземпляра акта и документа, удостоверяющего его личность, документа на право ношения и хранения оружия, а в необходимых случаях соответствующего разрешения на его ввоз на территорию Российской Федерации и вывоз из Российской Федерации оно выдается владельцу после росписи в третьем экземпляре акта.

Третий экземпляр акта передается уполномоченным лицом в службу авиационной безопасности аэропорта, где хранится в течение одного года.

Невостребованное пассажиром оружие в аэропорту назначения сдается уполномоченным лицом в орган внутренних дел.

В аэропорту иностранного государства представитель авиакомпании Российской Федерации осуществляет встречу воздушного судна, на котором перевозится оружие, доставку и выдачу оружия их владельцам в соответствии с требованиями Инструкции в порядке, согласованном с администрацией аэропорта.

О ПАТРОНАХ и ПОРОХЕ

Э. ГУСЕВ

Я охотник. Выписываю наш журнал с 1981 г. До этого журнал выписывал мой дед, Жуков Василий Павлович, который и приобщил меня к охоте и ко всему, что с ней связано, в том числе благодаря ему я открыл для себя интересное издание — журнал «Охота и охотничье хозяйство». До сих пор живо ощущение погружения в особый мир, когда я перелистывал страницы журнала. Все тут было: голоса гончих, сумрак и прохлада ельников, аромат полей, взлеты птиц, запах сгоревшего пороха и... ружья! Такое западает в душу навсегда. Все журналы я бережно храню, так как давно убедился, что это настоящая охотничья энциклопедия. Сейчас появилось много изданий, очень красочных. Одно время я проявлял к ним интерес, но вскоре убедился, что информация в них зачастую поверхностная и все необходимое, что мне нужно знать об охоте, я могу почерпнуть из одного издания: «Охоты и охотничьего хозяйства». Удручает только, что тираж журнала падает. Может, стоит ввести постоянную рубрику, подробно знакомящую с оружием и снаряжением, производимыми в мире. Появились ведь и существуют издания, пишущие только об этом, например журналы «Ружье», «Магnum», кстати, информация в них зачастую очень поверхностная, я бы сказал, рекламного характера. Выглядят они броско, но не все так замечательно в оружии, которое преподносят на глянцево-страницах. Недавно купил патроны «Тайга». О них я впервые узнал из журнала «Ружье», но интересующую меня информацию почерпнул только из статьи М. Блюма в вашем журнале.

О патронах. Это вторая покупка патронов за все время моей охотничьей жизни, а это почти 20 лет. Почему так? Дело в том, что свои патроны выходили и дешевле и, главное, качественнее заводских. Даже больше — заводские патроны не выдерживали никакой критики. Первая покупка доказала это быстро и убедительно. Несколько улетевших после выстрела с «ручной» дистанции рябчиков и уток заставили «копнуть» патроны поглубже. Выяснилось, что в одной пачке с приблизительно одинаковой навеской пороха в патронах разные пыжи: то древесноволокнистые, то войлочные. Войлочные точно такие, как продаются для самостоятельного снаряжения патронов, т. е. полная дрянь: то чуть осаленные, то просаленные насквозь (такой пыж не мягче свинца и, как известно, может стать причиной раздутия чока), разной высоты. Попутно так и хочется спросить, уж так наболело за все годы, кто, как утвердил такой ГОСТ, по которому в коробке с надписью «Пыжи войлоч-

ные осаленные основные» лежат пыжи от 4 до 19 мм высоты, причем самые высокие обычно просалены насквозь?! Дивное разнообразие — двух одинаковых не найти. И на всем этом безобразии стоит штамп ОТК. И дробь в заводских патронах оказалась такая же дрянь, что продается в развес: сплошь и рядом заваленная, а некоторые дробины еще и с вмятинами. Помню, разговаривал однажды в охотничьем магазине на Литейной с чехом. Он посмотрел на нашу дробь, покатав в пальцах и просто резюмировал: «Нет, это не дробь!» Честно признаться, надеялся, покупая патроны, что в них все будет «на уровне», ведь эти патроны, сделанные на заводе! А в этих патронах оказались, в довершение всего, еще и прокладки на порох менее 1,5 мм толщиной, свободно болтающиеся в гильзе. Какого боя ждать от таких патронов?! Поэтому как до этой покупки, так и после я продолжал снаряжать патроны сам, хотя приходилось очень регулярно обходить магазины, чтобы иметь все необходимое. Все было дефицит. Но зато был уверен в каждом патроне. Сам процесс снаряжения времени занимает немало. И все из-за сортировки. Из описанной выше дряни надо отобрать одинаковые по высоте, хотя бы для одной партии патронов, нормально осаленные пыжи из войлока одинаковой плотности, чересчур осаленные размягчить ударами молотка, нарубить нужных по толщине прокладок, подобрать гильзы с одинаковой высотой донной набивки так, чтобы они согласовывались с высотой отобранных пыжей, иначе может не остаться свободного места для завальцовки или, наоборот, останется слиш-

ком много, так как столбик свободного места в отечественных гильзах тоже «плавает». Тут надо сказать, что я отдаю предпочтение дымному пороху по ряду причин, а он занимает большой объем, поэтому в бумажной или полиэтиленовой гильзе нет возможности ставить дополнительный пыж, который компенсировал бы разброс высоты пыжей и свободного места в гильзе, тем более что такой пыж изменит и общий вес снаряда. Дробь тоже приходится перебирать, удаляя явные «яйца», сдвойки и пр. Ну а еще надо сделать для дальнобойных патронов обтюраторы и стаканчики для дроби. Приличные обтюраторы у полиэтиленовых пыжей с контейнерами, от которых я их и отрезаю, так как в контейнеры входит мало дроби, да и полиэтиленовые пыжи работают хуже войлочных, а при минусовых температурах отечественные вообще не годятся.

Почему предпочитают дымный порох? Во-первых, у меня старенький «Зауэр». Ствольная сталь «3 кольца» Круппа. Всем хорошо ружье, но влаги боится страшно. Даже в сухую погоду в стволах появляется ржавый налет. А вот нагар дымного пороха на время останавливает ржавление. Стволу, из которого сделан выстрел дымным порохом, ничего не делается, даже если в него попадет влага. А вот если капли дождя или росы попадут в чистый ствол, то в нем сразу появляются темные пятна, даже если воду сразу вытереть. Причем эти пятна очистить не удастся, они исчезают только после нескольких выстрелов. И чистить «отсыревшие» стволы легко, тем более что с влагой нагар дымного пороха образует щелочную среду, отъедающую оловянную, надо

только тщательно удалить сам нагар. Вторая причина в том, что дымный порох не слабеет на морозе, что очень важно весной и осенью, когда температура днем и на зорях может различаться очень сильно. «Сокол» же, к примеру, горит ощутимо слабее уже при нуле градусов. Третья причина в том, что неиспользованные патроны можно хранить очень долго. Пороху вообще ничего не делается, а капсюля «Жевело» в патронах даже по прошествии 15 лет не дают осечек. И последняя причина прозаическая — люблю бахнуть! Дымным ударишь так ударишь! И грохот, и дым. Но есть у дымного пороха еще один серьезный плюс. Им можно снаряжать патроны с полужарядами. Например, при охоте на рябчиков на манок. Мне не раз удавалось подманивать рябков на 3—4 м. Зачем тут сильный патрон? Дымным порохом можно снарядить патроны с навеской дробы 10—15 г (для 16 калибра). Приходилось читать рекомендации о снаряжении полужарядов с «Соколом». Скажу, что это возможно чисто теоретически. На практике будет «плевком», так как «Сокол» даже с уменьшенным снарядом дробы до 26—25 г в 16 калибре уже дает слабый бой: дистанция верного выстрела снижается, а в гильзах и стволах появляются несгоревшие порошинки. И это при тщательном утрясании пороха, сжатию до 8—10 кг и заделке дульца гильзы «звездочкой». Я тут вовсе не призываю переходить на дымный порох, но думаю, что в определенных случаях даже у поклонников «бездымки» он может найти достойное применение.

Здесь хочу задать вопрос о дымном порохе. Может кто прояснить ситуацию? Раньше были разные марки: «Медведь», «Белый медведь», «Олень». Причем выпускались они разных номеров: от №2 (крупный) до №4 (мелкий),

был еще №4 отборный. Его в продаже я уже не встречал, мне досталась половина пачки от деда. К слову сказать, действительно был порох! Я с ним брал глухарей «четверкой» за сорок метров, дробь прошивала их насквозь, редкая дробина застревала под самой кожей с обратной стороны.

Сейчас встречается порох безликий. Просто «порох охотничий обыкновенный» ГОСТ 1028—79. Размер зерен, как и в случае с пыжами, — порох всеразмерный. Или безразмерный? Чем это вызвано, где старые марки? Не конкуренты же заели, эта замена произошла, когда в нашей стране еще не было никаких конкурентов и порох любой был в дефиците, впрочем, в дефиците он и остался.

О моем последнем приобретении фирмы «Селена» ничего пока сказать не могу, но то, что узнал о патронах, обнадеживает, что это будет достойная замена домашним «мытарствам». (Пишу в кавычках, так как, несмотря ни на что, снаряжение патронов всегда было для меня частью охоты.) Особенно подкупает, что дробь «имеет идеальную шаровидную форму, блестящую графитовую поверхность и стабильные контролируемые размеры, соответствующие номеру дробы».

В последнем номере вашего журнала сообщается о появлении новых патронов «Сибирь-7». Это отрадно, но должен заметить, что патроны «Тайга» с дробью №7 16 калибра, которые я купил, мне пришлось «отлавливать» в магазинах больше года.

В заключение хочу сказать огромное спасибо вам, уважаемая редакция, за то, что есть и продолжает оставаться журнал «Охота и охотничье хозяйство» — издание, очень нужное всем настоящим охотникам.

Фото Т. Баженова

К. А. ЯСТРЕБОВ (1908—2000)

10 сентября 2000 года в возрасте 92 лет умер Константин Алексеевич Ястребов — охотовед, охотник от бога, хороший, добрый человек.

В 60-е и 70-е годы он был широко известен читателям нашего журнала и, следовательно, почти всем охотникам нашей страны. После ликвидации Кроноцкого заповедника на Камчатке, где К. А. Ястребов был заместителем директора заповедника, он пришел в наш журнал и в продолжение 28 лет, до ухода на пенсию, работал в должности заместителя главного редактора, а до этого ему пришлось побывать начальником сектора Всесоюзного военно-охотничьего общества в Свердловске, главным охотоведом Заповедного охотничьего хозяйства, преподавателем зоотехникума, научным сотрудником ВНИИ охотничьего промысла. Наиболее же значимым и плодотворным этапом его жизнедеятельности была, несомненно, работа в журнале «Охота и охотничье хозяйство».

Охота, охотоведение, тяга к природе — совсем не случайные увлечения всей его жизни. К. Я. Ястребов родился в селе Алексеевском Вышне-Волоцкого района Тверской области. К охоте его приобщил отец, а его дед даже служил вгере у знаменитого охотника — медвежатника князя А. А. Ширинского-Шихматова.

В 1943 году в битве на Курской дуге он получил страшное ранение и только чудом остался в живых: пуля попала ему в правый глаз. Спустя десятилетия он совсем лишился зрения и только благодаря поистине материнской заботе дочери Ксении Константиновны, он продолжал вести активную жизнь, диктовал свои охотничьи воспоминания для журналов и газет.

В нашей редакции К. А. Ястребова всегда ценили и глубоко уважали.

Констанина Алексеевича похоронили на родине, на деревенском погосте, не-далеке от могилы отца.

Президент корпорации «Селена» М. С. Войцеховский вручает 1-й приз, автомашину «Нива», победителю соревнований по стендовой стрельбе на приз патронов «Тайга» Заслуженному тренеру России В. П. Коньшину

А. ШАРАФУТДИНОВ,
эксперт Всероссийской
категории по гончим,
заместитель председателя ТО РФОС,
член совета Приуральско-Волжского
региона

В 1995 г. в системе ассоциации «Росохотрыболовсоюз» были введены новые правила испытаний охотничьих качеств гончих собак и их бонитировки на выставках, введены келейно, без какого-либо обсуждения охотниками и экспертами.

«Перестройка» в новых правилах коснулась, естественно, в отношении к

и вязкость, то это абсурд. Ибо гончая на охоте должна гонять с утра и до вечера, то есть в осенне-зимнее время 6 часов и более.

Если это означает, что 40- и 50-минутная работа слишком коротки для проверки экспертами всех рабочих качеств собаки, эксперты не успевают отследить эти качества за указанное время, или были помехи, в этом случае правила позволяют продлить время работы собаки. Наконец, экспертная комиссия может дать собаке (единице) вторую и даже третью работу.

Авторам новых правил полезно было бы подумать: когда проводятся полевые испытания гончих?

А проводятся они весной, после 4-месячного зимне-весеннего «засида», и осенью, после 4-месячного летнего «засида».

Считаю нелишним напомнить, что 10-минутный гон гончей полными ногами и в полный голос по энергоотдаче эквивалентен: у взрослых и осенистых собак — 2-часовой вольной (без гоньбы) скачке, а у молодых собак — 4-часовой скачке.

Итак, по новым правилам эксперты по гончим поработали пять лет. Вот некоторые выводы:

1. Гончие, в том числе и русские, были выведены (созданы) для комплектных и парфорсных охот, где глав-

Же загубить бы гончих

зайцу, лисице и шакалу как к основным объектам охоты с гончими и их испытаний по этим зверям.

По новым правилам диапазон присвоения дипломов по лисице расширился: вместо только единственного диплома третьей степени, присуждаемого по старым правилам, стало возможным присвоение дипломов всех трех степеней. Вроде бы наметился прогресс. Но по новым правилам бонитировки гончих на выставках, введенным в действие одновременно с новыми правилами испытаний, дипломы по лисице засчитываются только как дополнительные. То есть, если ваша гончая имеет хотя пять дипломов любой степени в одиночку по лисице, но не имеет диплома по зайцу, она не может быть отнесена даже к третьему племенному классу! Таким образом, по правилам действующей бонитировки остался единственный «полноценный» зверь — заяц, а красногону вновь подвергнуты дискриминации. И здесь полезно будет напомнить, что правила испытаний охотничьих собак — это инструмент для измерения «профессиональной» пригодности их, а бонитировка — инструмент управления породой. И непродуманно расставленными акцентами в правилах и бонитировке мы можем не только изменить направление развития породы, но и погубить ее полностью. Вопрос должен стоять так: не хочешь гонять лисицу — ради бога! — заводи харрьера, бигля, эстонку. Но русскую и англо-русскую гончую — не замай! Или выбирай щенка, чьи предки красного зверя боялись.

И каковы же теперь правила испытаний по зайцу?

Если раньше получение собакой диплома рассматривалось при общей продолжительности работы на гону в течение 40—60 минут, то по новым правилам получение диплома стало возможным при продолжительности гона только не менее 60 минут. Спрашивается: из каких соображений?

Если из тех, что 60-минутной гоньбой гончая доказывает свою нестомчивость

Возрождение охоты со стаями гончих

Фото А. Севастьянова

ным объектом охоты был красный зверь. А потому искусственное принижение «статуса» лисицы при бонитировке противоестественно.

2. За счет выброшенных чистых лисогонов мы сократили племенной состав гончих в среднем на 20 процентов.

3. Из-за упряднения дипломов при 40–50-минутных работах мы выбросили из племенного состава в среднем еще 50 процентов гончих, уравнив их с действительно нерабочими собаками. Таким образом, урезали племенной генотип гончих на 70 процентов. Эти выводы подтверждаются статистическими данными испытаний и состязаний во многих регионах России. Аналитические данные, приведенные экспертом Ю. Г. Слесаревым в статье «Гончие Свердловской области» (журн. «Охота и охотничьи собаки» № 7–8, 1997 г.), являются еще одной иллюстрацией сделанных выводов.

4. Большую часть охотников мы лишили интереса к участию в полевых испытаниях гончих и тем самым отстранили их от племенной работы.

5. О необходимости изменений пунктов правил испытаний эстонских гончих в части, касающейся полаза, силы голоса и музыкальности, достаточно полно изложено в статье «Эстонские гончие на состязаниях» в журнале «Охота и охотничьи собаки» № 7–8, 1997 г.

6. В связи с возрождением в России охоты со стаями гончих, в том числе и по волку, считаю необходимым дополнить правила испытаний разделом правил испытаний по волку.

Помимо всего сказанного есть еще два важнейших аспекта этического плана. Это, во-первых, уважение к истории и традициям. Ведь по правилам испытаний, действовавшим до 1995 г., в России судили гончих около 100 лет. Они были написаны умнейшими и образованными людьми и вошли в классику охотничьих традиций русского народа. Придет ли в голову англичанину

покуситься на правила парфорсной охоты, написанные около 300 лет назад?!

Во-вторых, охота с гончими и их испытания — это форма активного отдыха. Спрашивается, как отдохнули те охотники-горемыки, собаки которых лишены дипломов на состязаниях только потому, что несколько минут не доработали до часа.

В марте 1998 г. в Твери прошло заседание кинологического совета РОРСа, на котором состоялся обмен мнениями по многим аспектам действующих с 1995 г. правил испытаний и бонитировки гончих. Выступавшие были практически единодушны во мнении, что не признание лисицы полноценным зверем на испытаниях и дипломов по ней при бонитировке совершенно беспочвенно. Были признаны несостоятельными и некоторые положения действующих с 1995 г. правил испытаний по зайцу. На заключительном заседании совета было решено подготовить новый проект правил испытаний. Поскольку подготовка проекта не была поручена кому-либо персонально, татарское отделение РФОС проявило инициативу. В основу предложенного проекта положены правила испытаний, действовавшие до 1995 г.

Изменения касаются в основном части правил испытаний по лисице и шакалу и бонитировки собак красногоносов. Предложен также проект правил испытаний волкогонных стай и их бонитировки. Экземпляр проектов в январе 1999 г. выслан президенту РФОС А. А. Улитину. В марте 1999 г. документы обсуждены и с поправками одобрены на совете Приуральско-Волжского региона.

Однако широкое обсуждение проектов до сих пор не организовано. Промедление с их обсуждением и принятием ничего, кроме вреда состоянию пород гончих собак в России, не приносит.

ВОПРОСЫ — ОТВЕТЫ

Вопрос. Кто и когда начал производить патроны 12 калибра с гильзой длиной 89 мм?

Ответ. В 1987 г. американская патронная фирма Федерал начала изготавливать гильзы для ружей 12 калибра длиной 89 мм специально для снаряжения патронов стальной дробью. Вначале американская фирма Моссберг, а затем и другие фирмы, изготавливающие магазинное гладкоствольное оружие с болтовым затвором, стали производить охотничье оружие под патроны с гильзой длиной 89 мм, которые имели некоторое преимущество при стрельбе по водоплавающей дичи на большие расстояния по сравнению с патронами, имеющими гильзы длиной 76 мм. Позже многие фирмы начали модернизировать оружие, которое до этого изготавливалось под патроны магнум с гильзой длиной 76 мм. Тем более что давление в новых патронах не превышало давления в патронах магнум с гильзами длиной 76 мм.

Вопрос. Каков максимальное давление развивается в патронах 12 калибра, имеющих гильзы длиной 89 мм?

Ответ. Максимальное давление пороховых газов в момент выстрела не должно превышать давления в патронах магнум 12 калибра с гильзой длиной 76 мм. Это давление равно 900 бар при крешерном методе замера, а при пьезоэлектрическом — 1050 бар. Для сравнения патроны с длиной гильзы 70 мм должны иметь соответственно 650 бар и 740 бар. Обратите внимание на то, что в проспекте фирмы «Селена», обычные патроны 12 калибра имеют давление 740 бар. Это значит, что замеры производятся на оборудовании, которое имеет пьезоэлектрические датчики, то есть самое современное оборудование.

Вопрос. Можно ли снарядить патрон магнум самостоятельно?

Ответ. Снарядить патрон магнум в домашних условиях можно, только используя порох «Сунар-Магнум» с навеской дробы не больше 42 г. Это по сути дела патрон полумагнум. Рекомендации по снаряжению таких патронов приведены в статье Ю. Алексеева «Сунар-магнум» в пулевом патроне» (наш журнал № 6 — 1998 г.) и статье А. Азарова «Патроны с порохом «Сунар-Магнум» (№ 12 — 1998 г.). Однако лучше самому такие патроны не снаряжать, так как партии пороха отличаются своими характеристиками друг от друга и точно подобрать навеску пороха можно только на баллистическом оружии. В связи с этим следует покупать готовые патроны. Они уже изготавливаются отечественными заводами. Примером тому могут служить патроны марки «Тайга» с весом дробы 38–42 г и начальной скоростью 400–410 м/с.

М. БЛЮМ

Фото В. Животченко

Паладин¹ охоты

Модест КАЛИНИН

Я о нем вспоминаю все чаще,
Все печальнее с каждым днем.
И теперь я пишу балладу
Для него и о нем.

Ирина ОДОВЕЦЕВА

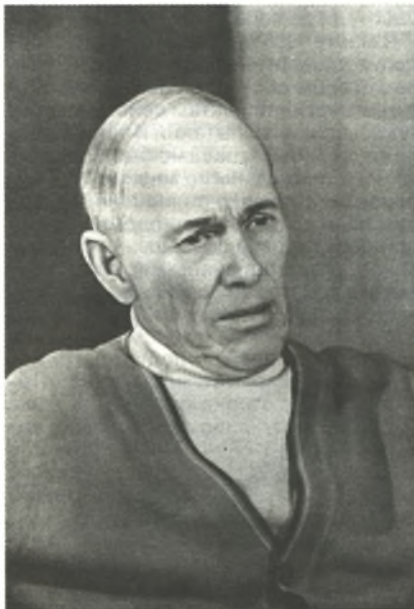
В мою жизнь он вошел с праздничного стола... В далеком 1934 году в нашей большой квартире, в доме Родз², коллектив авторов праздновал окончание работы над монографией «Химия древесины». Моя мама, Орлова Ирина Михайловна, доцент Лесотехнической академии, входила в этот авторский коллектив, который возглавлял член-корреспондент Николай Игнатьевич Никитин. Отметить знаменательное событие решено было у нас. Мама, как и все в нашей семье, очень любила историю и сделала необычный абакжур. На его боковые стенки она поместила вырезанные из черной плотной бумаги силуэты из древнегреческой и египетской истории. Красивый оригинальный абакжур всегда привлекал внимание гостей. Коллектив авторов не поспешил. В торгсин³ были снесены золотые вещи (зачастую последние), и праздничный стол ломился от яств.

И вот в разгар торжества на стол вскочил бойкий светловолосый мужчина невысокого роста и стал декламировать экспромтом сочиненные шуточные стихи. На меня, маленького мальчишку, это произвело неизгладимое впечатление. Одну строфу помню до сих пор:

*Под лампой с изображением Гомера
Мы пили портвейн неизвестного
номера...*

Это был Алексей Алексеевич Ливеровский. В тот бесконечно далекий день он не просто вскочил на стол — он вошел в мою жизнь, в мою душу, вошел навсегда. Поэтому я решился написать о нем. Это мой долг. Перед ним, перед Русской Охотой, перед всеми, кому она дорога.

Алексей Алексеевич Ливеровский родился 20 декабря 1903 года (хотя по паспорту в 1904 году) в семье флотского врача Алексея Васильевича Ливеровского. Почти все мужчины в семье были охотники. Как тогда было заведено, более или

Алексей Алексеевич Ливеровский

менее обеспеченные интеллигентные семьи на летнее время снимали дачи в пригородных живописных местах под Петербургом. У Ливеровских был свой дом в шкиперском поселке Лебяжье на южном берегу Финского залива. Рядом снимал дачу хранитель коллекций Зоологического музея Валентин Львович Бианки. Неподалеку жила семья настоятеля собора Смоленского кладбища — священника Рахманина. В этих семьях было много сыновей, и почти все они увлекались охотой. Валентин Львович вел постоянные наблюдения в природе и занимался охотой, главным образом в научных целях, ведя при этом самые тщательные записи.

Молодежь взяла для себя это правило. Вел дневники и младший участник лебяжской компании — Леся Ливеровский. Будущим писателям Григорию и Сергею Рахманиным и Алексею Ливеровскому эта привычка сослужила добрую службу. Как бесценную летопись читаю я охотничьи дневники А. А. Ливеровского, в которых записаны все его охоты, начиная с 1916 года.

Неповторима природа Лебяжьего, лежащего на Великом Беломоро-Балтийском пролетном пути птиц. Недаром поселок получил свое название: весной и осенью тысячи и тысячи птиц пролетали над ним, а море покрывалось несметными стаями водоплавающей дичи. Леса вокруг Лебяжьего изобиловали косулями, плотность населения которых была одной из самых высоких в Европе, лосями, ли-

сами, зайцами и другими четверногими обитателями.

Совокупность двух обстоятельств — охотничья среда и богатство окружающей природы раздули охотничью искру, которая тлеет в душе каждого мальчишки.

Алексей Алексеевич Ливеровский был яркой, привлекающей к себе личностью. Он был хорошим спортсменом, прекрасно плавал, ходил на лыжах, занимался пулевой и стендовой стрельбой. Выходя из высших кругов петербургской интеллигенции, он получил прекрасное образование, был широко эрудированным человеком, обладал острым аналитическим умом, редкостной наблюдательностью, оригинальными, иногда весьма резкими суждениями, искренней, глубокой любовью к родной русской природе. Эти личные качества ярко проявились в его литературном творчестве и в охоте.

Литературная деятельность А. А. Ливеровского началась с еженедельных фенологических заметок в газете «Вечерний Ленинград». Точные в природном отношении, красочные по изложению, они привлекли внимание тогда уже маститого писателя Виталия Бианки, который предложил старому другу, лебяженцу Ливеровскому, принять участие в организованной им всесоюзной радиопередаче «Вести из леса». Надо отметить, что Виталию Валентиновичу удалось сплотить вокруг новой радиопередачи сильный авторский коллектив писателей: Н. И. Сладкова, Э. Шима, К. В. Гарновского, А. Павкову. «Вести» имели большой успех. Широкий отклик на природные зарисовки А. А. Ливеровского побудил его принять участие в журнале «Костер» («Припрыжки на охоте», 1958; «Птичий лейтенант», 1978), в ленинградском альманахе «Наша охота» («Мечта», «Чужой», «Тимофей», «Золотые слова», «По суворовским местам», 1959; «Записки гончатника», 1962; «Жалоба друга», 1975; «Выбор», «Охота, которой не было», «Патроны от Чижова», 1979). В журнале «Охота и охотничье хозяйство» Алексей Алексеевич опубликовал большое количество рассказов и статей, в том числе проблемную «Славлю охоту» (1968), появившуюся в разгар антиохотничьей кампании, развернутой в массовой печати, и давшую обоснованный ответ на несправедливые нападки на охотников и охоту. Его повести и рассказы печатались в журналах «Аврора» и «Нева», в газете «Новгородская правда». Одновременно выходили в свет первые книги А. А. Ливеровского «Журавлиная родина» (1966) и «Радоль» (1973). За ними последовали «Озеро Тихое» (1980), «Корень девясила» (1986) и наконец изданная, к сожалению уже после смерти автора, «Охотничье братство» (1990). В 1976 году А. А. Ливеровский стал членом Союза советских писателей.

¹ Паладин — беззаветно преданный.

² Мы жили в Лесном на севере Выборгской стороны, в частном доме, принадлежавшем семье Родз. В 1937 году, если не ошибаюсь, глава семьи — профессор-почвовед А. А. Родз — перешел на работу в Московский университет и переехал в столицу.

³ Торгсин — расширявается как торговля с иностранцами. Сеть государственных магазинов, в которых за сданные драгоценности выдавались особые чеки — бонны, на них можно было в этих же магазинах приобрести дефицитные продукты: икру, деликатесные колбасы, кондитерские изделия и т. д.

На большаке охотничьей литературы: XX век

Жизнь Алексея Алексеевича была построена по «охотничьему графику». Хотя Ливеровский был известным химиком-исследователем — в 1947 году ему за новый способ получения уксусной кислоты была присуждена сталинская премия, а позже разрабатывал способ холодного копчения мяса и рыбы с помощью вахтоля (особой копильной жидкости, получаемой при сухой перегонке древесины), — сколько помню, после окончания войны в 1945 году он без пропусков все свободные и праздничные дни проводил на охоте. Химия была профессией, охота — самым любимым делом жизни. Алексей Алексеевич был высокоорганизованным, четким человеком, требовавшим такой же четкости и организованности от других. Эти качества нашли прямое отражение и в его охотничьей практике. Как разносторонний человек он и в охоте равносителен был во всех ее многочисленных видах. Согласитесь, как редко человек, даже считающий себя настоящим охотником, может натаскать легавую, вытратить кунцу, найти глухариный ток, метко стрелять на утином перелете. И все это в традициях и канонах Правильной охоты. Как много у нас утятников, гончатников, лаечников, лосятников — охотников, в конечном итоге обкрадывающих себя, так как русская охота и славна своим бесконечным разнообразием.

Алексей Алексеевич, опять-таки в традициях русской охоты, считал охоту с собакой охотой самого высокого уровня, как по продуктивности, так и по эмоциональности. Он умел восхищаться красивой стойкой рыжего ирландца на зелени отавы и музыкой гончих по чернотропу. Его знание собак было практически подтверждено воспитанными и поставленными им собаками (лайкой Ошкой, сеттерами — английским Эрной и ирландским Яной, чемпионом Искрой, Уверью, англо-русскими гончими — Чудиком, Радолью, Шелонью), а также проблемными статьями об охотничьих собаках: «Рыжий обрыш» (1977), «Стойка — основной признак легавой собаки» (1984), написанной совместно с И. В. Тиме.

Его жгучий интерес к окружающей природе не угасал до конца жизни. Вспоминается забавный случай. Сразу после войны Ливеровский, получив путевку, поехал в августе на уток в Войсковичское охотничье хозяйство Военно-охотничьего общества. Бродя по болоту, он обратил внимание на молодого человека с ружьем, тоже бродившего по болоту, но больше смотревшего себе под ноги, чем на вылетающих уток. Алексей Алексеевич подошел к нему и потребовал охотничьи документы. Он всю жизнь по мере сил боролся с браконьерством. У молодого человека документов не было. Он сказал, что охотой не занимается, а ловит черепах (?). Алексей Алексеевич заявил, что вроде того, что нечего лапшу на уши вешать, какие, мол, черепахи в Ленинг-

радской области?¹ В результате неловкого разговора выяснилось, что молодой человек — аспирант-биолог из университета А. С. Мальчевский. В дальнейшем мы часто устраивали совместные не охотничьи, а чисто орнитологические экскурсии. Риску утверждать, что хорошим знанием птиц и Алексей Алексеевич и я обязаны именно Мальчевскому.

Как образованный человек, кончивший Лесотехническую академию, к тому же возглавлявший кружок научного охотоведения, Ливеровский хорошо знал биологию лесных зверей и птиц. У него даже была работа «О расположении глухариных токов», написанная совместно с В. И. Деметьевым. Знание биологии охотничьих животных — их стациального и сезонного размещения, питания и других особенностей жизненного цикла, — конечно, способствовало успеху охоты. Успех и удовольствие от охоты во многом зависят от меткой стрельбы. И здесь Алексей Алексеевич был выше рядового охотника. До войны он входил в сборную команду Лесотехнической академии по пулевой стрельбе, подкрепляя стрельбу в тире стрельбой на охоте из своего тройника прибалтийского мастера Пуссёпа. Имел спортивный разряд и по стендовой стрельбе.

Как я писал выше, А. А. Ливеровский был личностью, притягивающей к себе людей. Более того, почти каждый, кто попадал в орбиту его влияния, рано или поздно становился охотником. Он пригла-

шал разных людей на совместные охоты, но редко кто утомлялся этой чести во второй раз. Отбор был строгим и по личным, и по чисто охотничьим качествам. Так за долгие годы откristаллизовалась компания людей, на которых можно было положиться при любых жизненных обстоятельствах. Особенно выпукло это описано в повести «Пятый в машине». Алексей Алексеевич за свою долгую охотничью жизнь охотился с артистом Николаем Черкасовым, писателями: И. Соколовым-Микитовым, В. Бианки, Н. Сладковым, Глебом Горышиным (который считал себя в этом отношении прямым учеником А. Ливеровского, о чем написал в своей повести «Весенняя охота на боровую дичь»), профессорами: А. С. Мальчевским, А. В. Гавеманом, Д. В. Тищенко, В. В. Померанцевым и многими, многими другими.

Припоминаю забавный случай. Шел осенний пролет вальдшнепов. Мы охотились в верховьях реки Тосно. Поезда по новгородской линии ходили очень редко. Отохотившись день, мы пришли на станцию Радофинниково, где в тесном зале нужно было дожидаться утреннего поезда. Неугомонный Алексей Алексеевич вышел подышать вечерней прохладой, но скоро вернулся: «Ребята, на запасном пути стоит пустой товарняк. Машинист сказал, что скоро их пустят на Ленинград. Я посмотрел, вагоны открыты. Чем сидеть ночь, лучше к ночи быть дома». Мы быстро забрались в пустой товарный вагон и, положив под головы рюкзаки, под стук колес скоро уснули. Проснулись от яркого света в лицо и грозного милицейского окрика: «Выходи!». Оказалось, что мы уже приехали в Ленинград на товарную стан-

¹ В Ленинградской области, действительно, есть одно болото, где живет болотная черепаха.

Братья Ливеровские — Юрий Алексеевич и Алексей Алексеевич (справа)

Фото О. Гусева

цию, и железнодорожная милиция проверяет вагоны. Мы вылезли из мрака вагона на свет божий и пришли в ужас. Оказалось, что в вагоне перед этим был уголь, и мы являли собой нечто среднее между неграми и трубочистами. Но самое интересное началось в отделении дорожной милиции. Сержант браво отрапортовал начальнику, что задержана вооруженная банда каких-то оборванцев в резиновых сапогах. Наиболее представительным и высоким среди нас был профессор С. Я. Коротов. На бесцеремонный вопрос начальника: «Кто ты? Документы?» — Сергей Яковлевич попросил его не тыкать, а обращаться вежливо, так как он профессор. Это вызвало большое оживление среди милиционеров. Документов, кроме охотничьих билетов, у нас не было. Когда оказалось, что четверо других «мазуриков» тоже — профессора, а трое еще и лауреаты сталинской премии, хохот сотрудиников милиции не было конца. Один я честно заявил, что студент, за что и был сразу отпущен. Велико же было удивление милиционеров, когда они по телефону убедились в правдивости показаний задержанных. Забавных, а порой и забавно-трагических случаев можно вспомнить много.

Вскоре мне удалось через свой институт, Ленинградский НИИ Лесного хозяйства, достать УАЗ (полноприводной автомобиль), о котором мечтал Алексей Алексеевич, хорошо знавший родные новгородские «автострады». С присущим ему остроумием, он сразу же прозвал его слонном Хатти, за большие размеры и грязно-зеленый цвет. С тех пор место за рулем, как правило, представлялось мне. Обычно после охоты и легкого возлияния «на крови» Алексей Алексеевич говорил: «Ну вот и хорошо, можно выпить. Модесть не пьет, он и поведет машину». Трудно подсчитать, сколько ночных километров, часто по обледенелым, а порой и по непроезжим дорогам «непьющему Модесту» пришлось гнать Хатти под мерный храп уставших охотников. Судьба миловала меня, и я ни разу не подверг друзей опасности. А ведь мы, как написал Алексей Алексеевич в «Охотничьем братстве», последние (!) сорок лет охотились вместе.

Как у настоящего охотника у Алексея Алексеевича был весь необходимый инвентарь: садовое Лебо, пользовавшееся в нашей компании большим авторитетом за прекрасный бой, как дробью, так и пулей; комплект разнообразных лыж (от узеньких беговых, до широких охотничьих), ну и все остальное, частично перешедшее по наследству от отца. И главное — собаки. Алексей Алексеевич не мыслил свой дом без собак. Уже со студенческих лет и экспедиций появились лайки. Старший брат — Юрий Ливеровский даже написал книгу о лайках, а профиль головы его зырянской суки Хессу послужил образцом для создания печати общества «Кровного собаководства». Алексей Алексеевич привез с севера могучего кобеля Ошкуня, с которым промышлял пушнину. Позже появились гончие. Его смычок русских гончих Листопад и Пороша под весьма

придирчивым судейством известного эксперта Эмке получил диплом II степени только потому, что сгонял беляка раньше положенного времени. В эти же годы у него была прекрасная англичанка Эрна, с которой Алексей Алексеевич добывал богатые трофеи. Далее — война, блокада. А сразу после ее окончания брат Юрий привез за пазухой из Москвы англо-русского кобеля Чудика. Алексей Алексеевич работал с ним по выходным дням, поручая мне гонять по будням. Скоро Чудик сделался надежной рабочей собакой, а так как англо-русов в то время в Ленинграде было мало, то он довольно широко вошел в родословные ленинградских англо-русов. Когда жизнь стала получше, Алексей Алексеевич взял щенка любимой своей породы — английского сеттера. Аста выросла в чудесную, высокоэкстерьерную собаку. К шести месяцам Алексей Алексеевич уже дал ей полный дрессир и даже пробовал в поле, где она тоже проявила себя хорошо. Но собаководы знают, как трудно поднять собаку. Ливеровского ждал удар: красивая серо-крапчатая Аста погибла от чумы. Алексей Алексеевич со свойственным ему упрямством взял очередную англичанку, потом еще одну — все погибли от чумы. Это так подействовало на него, что он зарекся брать легавую. Но... приехал брат Юрий и привез за пазухой ирландку Яну. Собака оказалась трудной, не становилась на стойку. По этому поводу даже родились стихи на тему: кому что снится. Дяде Леше снится «поляна, а на ней на дивной стойке Яна». Мастерство Ливеровского-натаскича проявилось и здесь, он и из Яны сделал хорошую работницу. Следует отметить, что все это давалось с великим трудом. Его жена говорила: «Леша ходит с собакой, как на работу. В 6 часов он уже на болоте, к 10 вернется, покормит собаку, поспит, а потом опять на болото, и так без пропусков весь отпуск». Он умел не только работать, но и преодолевать трудности. После шестидесяти лет Алексей Алексеевич начал терять слух. Охотнику, больше всего ценящему глухариный ток и охоту с гончими, легко понять, какой удар нанесла безжалостная судьба. Тем не менее в сопровождении друзей он продолжал заниматься и гончими, и глухарями. Но, как гласит русская пословица, — беда не приходит одна. Вскоре перестал видеть правый глаз. Но и это не превратило охотника-Ливеровского в Ливеровского-пенсионера. Пришлось только у старенькой двадцатки переделать ложу под левый глаз.

Годы брали свое. Алексею Алексеевичу шел восьмой десяток. Силы падали, но ясность ума сохранялась. Колоссальный жизненный и охотничий опыт давал богатый материал для литературных трудов. Возможно, поэтому лучшие его произведения пришлились на конец жизненного пути: «Озеро Тихое», «Корень девясила» и особенно «Охотничье братство» были, пожалуй, венцом его творчества. Среди многочисленных охотничьих публикаций необходимо отметить рассказ «Звонь-звонь», достойный пера Джека Лондона,

недаром он был перепечатан даже за границей. Всю жизнь Алексей Алексеевич в литературе уделял огромное внимание двум вопросам: пропаганде Правильной охоты и вопросам охраны природы. К великому сожалению, до сих пор не издан сборник рассказов о собаках «Лары». Не успел Алексей Алексеевич написать книгу о натаске легавой собаки, хотя материал у него был собран огромный. Особенно стоит отметить А. А. Ливеровского в области экологии. Именно ему принадлежит идея написания так называемого «письма четырех», подписанного академиком Дмитрием Лихачевым и писателем Даниилом Граниным, по поводу строительства дамбы. Самый активным образом участвовал Алексей Алексеевич и в работе общественной экологической организации «Дельта». Широка и многогранна была деятельность Ливеровского как писателя. Он руководствовался заветом своего друга В. В. Бианки — писать о природе художественно, но правдиво. В его рассказах не найдешь обычной «развесистой клюквы». Только один раз мы уличили маститого «природоведа» в нечестности, когда он написал, что его лыжную пересек когтистый след рыси, но это скорее была просто описка, а не сознательное утверждение. Живейший интерес проявлял А. А. Ливеровский к местным речениям и красочным, точным народным словечкам. Он досконально знал жизнь северной деревни. На этих ипостасях построено все его литературное творчество.

И все это базировалось на высокой личной культуре, острейшей наблюдательности, профессиональном писательском мастерстве и любви к своему народу. Алексей Алексеевич Ливеровский был, пожалуй, последним после Псковича охотничьим писателем-психологом, знавшим русскую охоту, почти как Н. А. Зворыкин, натаску легавых, как М. М. Пришвин, и писавший художественно, как его друг и учитель В. В. Бианки.

Умер Алексей Алексеевич в ясном уме и твердой памяти, полный творческих планов, с папками незаконченных работ. Произошло это 28 ноября 1989 года на 86 году жизни. В тот памятный вечер мы, как обычно, пили вечерний чай вместе. Оба были страстные любители крепкого чая. Алексей Алексеевич даже смеялся: «Вот у Модеста чутье на диплом I степени. Стоит мне заварить крепкий чай, как он тут как тут». В тот вечер мы, как и всегда, обсуждали какой-то охотничий вопрос. Как всегда, спорили. Около полуночи разошлись. Алексей Алексеевич был весел, спокоен. А в пятом часу утра зазвонил телефон: взволнованная Елена Витальевна Бианки, супруга Алексея Алексеевича, попросила на улице встретить «неотложку». Я встретил, но было уже поздно.

С тех пор 28 ноября — в день его смерти — мы, все родные и близкие, собираемся на Богословском кладбище, где похоронен Алексей Алексеевич, его брат Юрий и отец, и пьем скорбную чарку за нашего незабвенного друга и учителя — Алексея Алексеевича Ливеровского.

Охота, которой не было

А. ЛИВЕРОВСКИЙ

Памяти друга-охотника Виталия Бианки

Мы вышли из дома в час, когда солнце заметно опустилось с полуденной высоты. В это время тетерева начинают выбираться из гушарок на чистое и собаке легче взять след.

Сошли с крыльца, по-деревенски крутого, узкоступенчатого, и, придерживая ружья, чтобы не стукнуть прикладом о калитку, вышли на улицу. Улица зеленая, покрытая неистребимой гусиной травкой. За околицей у гравийного карьера мы свернули с каменной дороги на логовую, малоезженую и пошли к Черному болоту.

Я один... В эти места попал после смерти Виталия и только воображаю, что в погожий августовский день мы с ним вместе идем на охоту в час, когда тетерева выходят из гушарок на чистое.

Приехал накануне, ночевал в избе, где несколько лет жили Бианки. Хозяин дома рассказал про их житье-бытье в Михееве. Рассказывал так любовно и подробно, будто вчера было. Сказал еще, что в эту пору Виталий Валентинович ходил на охоту каждый день и с пустыми руками не возвращался. Посоветовал и мне взять вечернее поле, благо ружье и собака с собой. Он направит меня куда надо, хорошо помнит, где охотился Виталий Валентинович.

И верно — после логовой дороги я знал, куда идти, стоял на тропе Виталия и к тому же был охотником той же веры, привычек и толка.

За небольшим ольховым перелеском открылись светлые полянки, разделенные узкими лядинками молодых березняков.

Остановился у придорожного камня, чтобы ружье зарядить и оглядеться. Глянул и заволновался. Хороши места! Самые подходящие для выводков: полуткрытые, много некоси, и в ней иван-да-марья — тетеревиная травка, укромные уголки на маленьких нечищенных вырубках, бурно поросших кипреем.

Конечно, и Виталий здесь стоял, любовался, ружье заряжал.

Повела тропа на далекий бугор, через каменные пожни, через ручьевины, где под ногой хлупает вода, а самого ручья нет — так он зарос осокой и таволгой. На опушке леса геодезическая вышка. Так, понятно... узнаю. Виталий писал:

«У вышки передо мной, с болотца, шагах в полторастах вылетели два косача, полетели к вышке, повернули назад — против ветра. Как раз светило предзакатное солнце, ближний ко мне косач был так волшебным освещен, летел так тихо, что я замечался и забыл

по нему выстрелить».

Черный ельник и начало просеки. В прохладной тени приятно снять шапку, освежить влажный лоб. Вдоль просеки тропа, устланная палой хвоей. Под откосом омежка — зеленый мох и папоротник. Тут удобно и нужно посидеть на толстой ветровальной ели, посвистеть, подманить рябчика. У Виталия на шейном шнурке висели два пищика: костяной, с тонким и верным голосом, и жестяной, у этого свист сильнее и резче, нужный, когда ветер в лесу и шумно. А сейчас тихо в глухом бору. Ни одного птичьего голоса. Не та пора — отпелись. Только в макушке еле шепаршит и скупко попискивает пищуха.

Вышла просека на лесной покос. Тут недавно бывали люди. Односкатный навес из березовых веток, темное пятно кострища, рогульки, яичная скорлупа, обрывок газеты и ломаное грабловиде. Не так давно были люди, но пожелела трава на крыше шалаша, и прямо перед ним выросли подосиновики. Искать их не надо, красноголовыми столбиками высятся они на выкошенной, как выбритой, поляне. Каждый год здесь косят, и если Виталий заставлял косарей, конечно, его окликали: «Посиди, покури, вспыхни, Виталий Валентинович». Он не отказывал. Присаживался, слушал, улыбался. Улыбался по-

тому, что любил слушать деревенскую речь. Про себя раздумывал:

«Почему костер по-новгородски «груда»? И как получилось, что обычный шалаш здесь называют «беседкой»? И вот граблище лежит — отломанная рукоятка от грабель. Почему же увил рукоятка «ратовище»? Не потому ли, что иной раз приходилось русско-человеку на вилы и врагов принимать?»

Писал мне Виталий:

«И до чего же милы сердцу словеса новгородские!»

Ведет и ведет тропа, по которой он ходил... От тропы отверток — чуть заметная в высокой траве стежка. Идет под угор в овраг. Там жердяная ограда с калиткой. В ограде родничок чистый — прозрачное стекло. Кадка без доньшка, под водой кипят, подпрыгивают светлые песчинки, и рядом недвижно и плоско лежат медные монеты. Вокруг ключа деревянные кресты. Старые покосились и в землю вросли. Крест поновее окрашен и прикрыт домотканым расшитым полотенцем.

Бывал здесь Виталий. Рассказывают, что потайное это место называют «Вороний ключ». Прохожие, кто знает, заходят и по обычаю бросают в кадочку мелкую монету. А кресты? Кресты ставили те, кто заветился при начале важного дела или, чаще бывали, при большой беде. Раз в год, в летнюю пору, никому не сказавши, неизвестно откуда приходят на ключ две пожилые монашенки. По-девичьи стыдливо озираясь, снимают черные кофты, чтобы не замочить рукава. Выбирают из кадочки все монеты дочиста и пропадают на год.

За оврагом — прозрачный белоногий березняк. Тропа заплеталась в сыром кочкарнике, пахнущем мятой и земляной сыростью, выбралась в поле и круто пошла в гору.

На вершине холма несколько вековых крученых сосен, замшелые камни и солнцем припеченный красный земляничник. Что это? «Земляничная горка»? А может быть, костяничная, где пестовала выводок куропатка Оранжевое Горлышко? Похоже, похоже...

И какая же даль открылась с этого холма? Далеко внизу, среди прибрежных куш ярко-голубая полоска озера Карабожи. На лево, и тоже далеко внизу, открытая разбежистая долина. Направо — лесистые возвышенности: ближние — темно-зеленые, дальние — в синеватой дымке. Среди лесов деревеньки, — иная вся на виду, как серый муравейник, от другого только полската крыши видно или луковичный бескрестный купол церкви. Как угадать, что за деревня? Яковище? Кочерово? Щитово? А он-то знал, своими ногами не раз через те деревни хаживал.

Подумал только, сколько раз Виталий стоял на этом бугре и любовал приветность и неяркую красоту Новгородчины. Любовал глазом неравнодушным и знающим. Различал на холмистых убранных нивах золотые полосы аржанец, красные из-под гречихи, зеленую

клеверную отаву, бурю паренину, неожиданную яркость озимых.

Солнце к лесу. Тропа завернула один раз чуть заметно, в другой — круто и привела к небольшому озеру. Узнал сразу. Оно безымянное, но для себя Виталий назвал его Полуденным, от деревни оно на юг. По вечерам он ходил сюда на утиную стойку. Где караулил? Есть ли скрадок-шалашик? Должен быть. Должен быть. Не видно. У самого уреза гладкой к вечеру воды стоит куст ивняка. Надо посмотреть. Перебрался через изгородь-поскотину, прошагал по выжкому лужку до самого куста. Так и есть! В середине куста жесткое сплетение корней, можно сидеть спокойно и потаенно. Значит, здесь и... вот они, сучки, срезанные острым ножом в сторону воды так, чтобы не мешали смотреть.

Озеро спит, не шелохнут прибрежные кусты. Деревня близко. Слышны лай собак и голоса женщин, встречающих стадо. Наверно, и Виталий слышал по вечерам из этого скрадка голоса и старался различить среди них знакомые — жены, дочери, сына.

Я снимаю с плеча ружье и стреляю в пасмурное закатное небо. Хлесткий удар разом возвращается от противоположного берега и уходит, повторяясь и затихая вдаль. Резко плеснув на подьеме, из зарослей кувшинок взлетает испуганная кряковая утка. Виталий не любил зряшной стрельбы, мне простительно — это салют, печальный одинокий салют.

От озера к деревне тропка идет через выгон — потный огороженный луг. Чтобы легче было перебраться через изгородь, когда-то давным-давно прикатали сюда большой розоватый камень. Поставивши на него одну ногу, другая сразу на той стороне — только прыгнуть. И мне странно и душевно больно наступать на серединку камня, точно на то место, где столько раз ступал Виталий.

Его нет, а я вот хожу еще...

На дорожке встреча — женщина с корзинкой. И сразу:

— Здравствуйте! Ой! У Виталия Валентиновича точь такая собака была, только ножки покороче. Вы не от бобров идете?

— Нет. Где они?

— Тут рядом, на ручье. Недавно пришли. И что у них надделано! Плотина высокая, долгая. Овраг залился. Большой плес — и хатка деревянная. Там и живут. Целое семейство.

К дому близко. Видно уже крыльцо, на котором любил сидеть Виталий в вечернюю пору. Смотрел, как уходит в лес солнце и на лугу поднимается легкий туман — «зайцы блины пекут».

Как был радовался Виталий приходу бобров — добрых, сказочно умных, чудесных зверей. Вы опоздали, бобры, в Михеево. И я тоже.

Рисунок Б. Игнатьева

Александр Васильевич Ермаков — человек и художник сложной судьбы. Он родился в Москве в 1949 г.; окончил школу рабочей молодежи; служил в армии; в 1975 г. окончил биолого-географический факультет МГПИ им. В. И. Ленина, затем факультет общественных профессий на кафедре рисунка, живописи и истории изобразительного искусства. Посещал мастерские по живописи на худграфе МГПИ им. В. И. Ленина. В 1987 г. окончил курсы повышения квалификации при Союзе художников-графиков г. Москвы. Затем в течение трех лет преподавал на этих курсах учебный и технический рисунок. Работал оформителем в разных учреждениях; рисовал для издательства «Просвещение»; с конца 1991 г. иллюстрирует книги в разных издательствах в диапазоне от сказок до учебно-педагогической литературы. При этом основное внимание художника сосредоточено на изображении животных.

Любовь к природе у Александра Васильевича проявилась в юности со времен участия в кружках юных натуралистов, сначала в КЮБЗе, а затем у П. П. Смолина в ВООПе. Замечательные преподаватели-художники М. М. Кукунов и А. В. Трисилов помогли ему перенести эту любовь в творчество.

У каждого настоящего художника есть свой неповторимый подход к изображаемому. Особенность произведений Александра Ермакова в том, что почти любое тщательно нарисованное им животное, за исключением разве что насекомого, обладает собственным характером; в мимике, в выражении глаз угадывается настроение, и это просто невозможно не заметить даже в том случае, когда животное изображено в цвете и органично вписано в пейзаж. Поэтому мы с большим удовольствием знакомим читателей с творчеством столь замечательного художника.

Р. ДОРМИДОНТОВ

Рисует А.В.Ермаков

Памяти Людмилы Владимировны
Ушаковой

Зимовье новое, с просторными сенцами для собак и продуктовых запасов. Срубленная в прошлом году отцом и сыном избушка невелика, но удобна, с небольшим окошком, печуркой, обложенной камнями для пушего тепла, множеством гвоздей возле нее, чтобы сушить одежку. Полочки по стенам — все путем.

Хозяин зимовья, опытный охотник, доставил меня на своей «Ниве». На иной легковушке можно доехать из ближайшего города только до лесного кордона (это от избушки двенадцать километров, а до города еще за сотню). На «Ниве» же по старой лесовозке легко было бы добраться даже и до зимовья, но года три назад с крутого склона сошла небольшая лавина, завалив дорогу камнями. Теперь до избы приходится таскаться километра полтора «тянигусом» — пологим подъемом вдоль таежного ручья.

Сгрузив из машины рюкзаки, баулы и мешки с продуктами, мы стали перетаскивать их через каменные и древесные завалы. Тропы здесь еще не пробили, идти приходилось наугад по обледенелым каменюкам и перебираясь через разномасштабные колодины. Слева — скалы, справа — почти рядом — ревет горная река. Не желая поддаваться уже изрядным морозам, она подернулась в уловах свежим льдом, каменистое дно тоже начинало леденеть. На второй таске, отвыкнув от саянских просторов, одурев от всей таежной вольницы, куда так славно вырваться после предыдущих встреч и бурных общений, я поскользнулся на заледенелом камне, булькнул в речку. Почти плыву! Подошедший напарник спокойно помог вылезти, сказал: «То-то, смотрю, собачка ваша мне навстречу кинулась». Отказавшись от костра и сушки, я кое-как добрался до зимовья, грелся там всеми возможными способами, а остатки барахла таскал в одиночку бедняга-хозяин. Он хотел пробыть здесь всего-то два дня — срочные дела звали его обратно, и потеря времени была для него весьма ощутима. Однако ни слова упрека я не услышал. Бывает! На то она и тайга саянская... Весь вечер мы пили и пели, не забывая плеснуть на пол и «хозяину тайги».

Шла осень одна тысяча девятьсот девяносто пятого. По транзистору выдали что-то новое: «Душа болит, а сердце плачет, а путь земной еще пылит...». Под это, согреваясь в спальнике после купания, приятно было вспоминать давнее и недавнее прошлое. Ровно сорок лет назад, такой же холодной октябрьской осенью, я проходил первый курс таежного университета. Соболевке с лайками учили меня верхоленские звенки в самых верховьях

Киленги и на речке Келоре; вышел я из тайги лишь под Новый год. Позднее хорошие уроки по этой же части получил и в Саянах, охотясь с покойным Альбертом Хлебниковым (Царствие ему Небесное) и Анатолием Зыряновым (продли Бог его годы). Первый одиночный сезон провел осенью 1963 года на правобережье Енисея за селом Верхнеимбатским. Были там у меня две звенки из Байкита, их оставил начальник экспедиции Е. Е. Сыроечковский с условием привезти после завершения учетно-охотничьего сезона в Москву, что и было исполнено. Добыл я тогда девять зерушек (помимо белого и дичи), честно сдал шкурки в заготпункт, помнится, по средней цене в 19 рублей. Признаюсь, что со своими собственными собаками этот более чем скромный «рекорд» я не превосходил. Лаек держал всю охотничью

Айка, Найда и Күтүз

жизнь, но они были, по сути, бельчатницы. Правда, и в Приамурье, и в Забайкалье, и в Тофаларии, где мне приходилось осеивать, сочетая работу с охотой, неизменно добывали мы двух-трех соболей, столько же норок и колонков, но разве это добыча — одни слезы... А в Южной Якутии, за Олекминском, в самом соболином краю, вовсе ничего не добыли (никто не верил, думали, что я сотню соболей увез в Москву). Та же история повторилась осенью 1982-го и на Елогее (левый приток Енисея, Туруханский район), правда, собака была тогда чужая, непутевая и даже пакостная, одно расстройство*.

После тяжелого инфаркта я года три в тайгу не выбирался. Все же рискнул в 1991-м, и случился со мной последний «большой блуд»: свалился не в тот распадок, упорол так, что на свою базу вернулся, пройдя более двух сотен километров, лишь на пятый день. Напарник уже хотел заявлять в милицию. Моя

белая красавица-лайка поморозила лапы в незастывших речках, а могли бы и вместе замерзнуть, когда ночью вышли из тайги в бурятскую степь, прельстившись огоньками дальнего жилья. Мороз ударил ночью под сорок, и вырвала заброшенная чабанская стоянка с печкой. Потом сложно стало ездить и дорого. Чем же манит к себе тайга?..

Теперь моей белой Айке шел уже двенадцатый год. Первое боевое крещение по соболям она получила еще совсем молодой, на невысоком хребте между Хилком и Чикоем (это у границы Бурятии с Читинской областью). Каменистые россыпи там начинаются на небольшой высоте, причем камни мелкие, а не крупными глыбами, как обычно. Услышав отчаянный собачий визг, я решил, что она попала в капкан — их тут выставляли рано. Побежал (тогда еще бегал!), смотрю — роется на каменистой россыпи. Стал помогать, раскидали плоские каменюки — вот и соболю! Собака его за хвост — он ее за морду, ну, это не беда, злее будет. Вырвался котятра, рванул на ближайшую кедрушку, а нам только того и нужно...

Чем еще хороша тайга — не берет в ней ни простуда, ни крепкая выпивка с вечера — утром все равно поднимешься и пойдешь, на ходу все напасти сами собой рассосутся. Напарник со своим серым кобелем убежал чуть не затемно, я же, для первого дня приподнявшись, вышел по свету и сразу взял направление в другую сторону. Вместе таежники не ходят, у каждого свои повадки: один приваливается отдохнуть чуть ли не каждый час, другой бежит, как лось, без передышки, да и собаки незнакомые только отвлекаются, мешают друг другу. Но как ни ходи, сколько ни отдыхай, все равно километров 20—30 за день накрутишь (собаки — в 3—4 раза больше). Конечно, после города первые дни очень тяжелы, но вскоре городские грехи выйдут из тебя вместе с потом и дерьмом, забегаешь, как молодой олень! Правда, это — при здоровом сердце, теперь же, увы мне, ноги ходят, а мотор не фурчит, приходится частенько останавливаться даже на ровном, не говоря уже про подъемы. А склоны-то крутоваты, подернуты рододендронами, будь ему неладно, завалов тоже хватает.

Вскоре, как пишут наши авторы-охотники, «строгую тишину тайги нарушили лай собак и раскаты выстрелов». Правда, это я с дробострелом, хозяин же зимовья ходил, конечно, с тозовкой, ее хлопки почти бесшумны.

После прошлогоднего урожая орехов белок было довольно много. И снова вспомнил я завет покойного Алика Хлебникова. Сколько раз говаривал он мне: «Феликс, не порти собаку, не начинай сезон с белки, ставь на соболя». Прав он, конечно, но ведь это надо ждать свежего снега, вести собаку на поводке, разбираться в путанице собольих набродов, белок и боровую дичь

* Позднее я опубликовал про эту чернавку рассказ «Ара — гроза бурундуков» в альманахе «Охотничьи просторы» (под псевдонимом).

не стрелять, а добудешь ли зверушку с городской лайкой, которая уже отвыкла от охоты в тайге? То ли дело соби́рать бельчонку, а там, глядишь, и собо́ль попадетсЯ, мимо не пройдем. В белке еще та польза, что, кроме шкурки, достается охотнику и мяско диетическое (передки варишь собаке, задки — себе). Облегчается проблема питания, ведь в магазин здесь не сходишь.

...Упала первая белка с первого выстрела — знак добрый, хотя совесть кольнула — так и будем, значит, мы здесь белочить, а не соболевать. Со второй пришлось уже помучаться — найти ее на густой кедрине, погонять. Высматривать на кедрах белку, даже с биноклем, — дело нелегкое. От лая собаки зверек таится, прижимается к ветвям. Хорошо с мелкашкой: щелкнешь пулей по стволу — белка себя сразу покажет, вторым уже по ней хлещешь. Тратить же дробовой заряд сейчас призадуматься...

Вечером напарник принес двенадцать белок, а я — пять. Убедились мы,

что чуть рановато начали, не все еще перелиняли. На другой день хозяин уехал, и стал я помаленьку осваиваться, привыкать к месту. Надо заметить, что человек в одиночку относится к самому себе более строго. Первая опасность в тайге — огонь (не сожги жилище, не пригори у костра), вторая — вода, если надо переправляться вброд через речки, третья — блуд, который всегда в тебе сидит, словно зверь в клетке, и только ждет, чтобы наружу вырваться. Да, силен наш язык, и некая двусмысленность понятий здесь более чем уместна, хотя заблудиться в тайге — совсем не то, что запутаться в луговых узах...

Избушка стояла в долине ручья. Ходить руслом сквозь заросли было трудно, и я предпочитал подниматься сразу от зимовья в «лоб» по крутому склону, чтобы «высечь» на местный водораздел, а он уже выводил на относительно пологое плато, поросшее ровным кедровым лесом. Белки держались в кедровниках и по гребням, искали орехи, запрятанные во мху, нынешний урожай был слабават. Следы соболей попадались тоже нередко, но собака упорно сбивалась на белок (Алик, разумеется, был прав!). За обычной здесь кабаргой Айка не гонялась, пренебрегла даже свежими следами марала. Рябчиков не было вовсе, глухарей видел пару раз издали. Добывали мы одних только белок, так что вечерами скучать не приходилось. Одиночка сам определяет свой режим, никому не мешает (мне хуже всего с курильщиками и любителями тепла, которые топят печку, как в бане). Я ходил медленно, но целыми днями до темноты; после ужина снимал шкурки с белок и ложился спать рано, зато вставал в два-три часа ночи, снаряжал патроны, слушал транзистор, готовил еду на завтра. Иногда под самое утро снова дремал часок-полтора. Такой экспедиционно-охотничий режим у меня сохраняется и в городе, создавая осложнения близким. Не умею как следует спать, особенно по утрам, зато дремлю на любых вечерних спектаклях, а пуще того — на заседаниях.

Однажды подалась Айка по свежему собо́льему нарыску, но пошла по таким скалистым крутякам, что насилиу я ее отозвал. («Да мне хоть мешок соболей туда повесь, не полезу», — вспомнились слова Эрика Леонтьева, хранителя Тофаларского заказника.) Но время в тайге бежит быстро, срок мой истекал, а собо́ль так и не попадался на глаза.

Частенько возвращаясь в зимовье ближайшим к нему коротким крутым распадком, примечал я, что регулярно вижу здесь свежий след одной и той же собо́люшки. Сначала я надеялся наткнуться на нее под вечерок, когда собо́ль выходит на ночную кормежку. Но по длительному опыту знаю точно: чтобы так пофартило, надо НЕ ДУМАТЬ О СОБО́ЛЕ, начисто отвлечься, я же держал мысль о добыче в голове постоян-

но. Пришлось все-таки вести собаку по следу самому, и усилия мои были вознаграждены: спущенная с поводка лайка бросилась куда-то вверх, а вскоре раздалась уже забытые мной характерные визгливые рыданья, совсем не похожие на обычный «беличий» лай. Хорошо, что близко, а то бы и не услышал...

Среди десятка нагроможденных стволов Айка с визгом бегала взад и вперед по огромному упавшему кедру, не обращая внимания на собо́люшку, спокойно сидевшую на ближней пихте. От волнения Айка не сразу ее раглядела, зато после выстрела я дал ей от души потрепать добычу (одна она ничего не сделает, а две лайки могут и разорвать).

К седьмому ноября пришла за мной машина. В городе знакомые мужики, узнав о моих «достижениях» (больше сотни белок, но лишь один собо́ль), отнеслись к ним серьезно. Один из них, известный промысловик, к тому же опытный медвежатник, посоветовал мне приезжать на будущий год, но не брать свою «городскую старуху» (это про элитную-то лайку!), а взять у него напрокат зверового кобеля, проверенного соболятника.

На будущий (1996-й) год прилетел я в город самолетом, явился к промысловнику-медвежатнику. Тот слово свое сдержал — вывел из вольеры рослого рыжего кобеля пяти лет отроду. Всем собой хорош, только глаз один, отсюда и кличка ему Кутуз. «Прошлый год, — говорит хозяин, — я с ним на Кызырские шесть соболей добыл, пес надежный, не сомневайся. Но, вообще-то, сезон будет неважный, ореха совсем нету, белки мало. Ну а собо́лю деваться некуда, все равно добудем, была бы собака».

На той же «Ниве» завезли меня в знакомое зимовье — на сей раз хозяин уехал сразу. В отличие от прошлой осени, стояло тепло, снега не было даже на гольцах. Безоблачное ясное небо, солнечные дни, зеленая тайга дурманила осенними ароматами — чистый курорт! Но меня это, конечно, вовсе не радовало. Какой может быть промысел без снега? По-доброму, надо сажать кобеля на цепь (кстати, мой кожаный поводок он сразу же перегрыз еще в машине) и ждать «у моря погоды». Пустить его сейчас на все четыре стороны, потом ищи-свищи... Следа не оставив, упорет невесть куда, займется неизвестно где неизвестно чем. А ведь главное в охоте с лайкой — впрочем, как и с любой другой собакой, — установить с нею тесный личный контакт.

Однако время не позволяет его растрачивать. Я решил сразу же выйти с Кутузом в тайгу, при этом всячески подлизывался к псу, часто подзывал, давая ему сухарики (хотя и не следует отвлекать собаку от поиска). Он был вроде бы доверчив и послушен, но вскоре исчез с моих глаз долой и не появлялся очень долго. «Тщетно напрягал я слух» (знакомый писатель-про-

фессионал однажды поставил против таких слов в одной моей рукописи три вопросительных знака, но я по сей день не понял вопроса), сидя на колодине и покорно ожидая развития событий. Если твоя собака ушла, то она либо даст знать о себе лаем, либо вернется к хозяину. Но кобель-то не мой, и что у него на уме, неизвестно. Пришлось развести костерок и ждать. Не прошло и часа, как Кутуз все же явился — и на том спасибо... Пошли дальше вверх по склону, и тогда все же капнула слеза, подал он голос, басистый, отрывистый. Гавкнул, как рублем подарил, и умолк. Иду к нему — бежит пес навстречу. «Ищи, — говорю, — покажи, где она». Понял я, что лаял он белку, но она ему неинтересна. Не приучал, видимо, хозяин зверового пса на бельчонку брехать. Ведь для подлинных таежных лаек только три зверя достойны внимания — медведь, лось (или олень) и соболь, тогда как белка и глухарь — дело сугубо десятое (за рубячка настоящие промысловики пускают собак на подстилку или рукавицы-мохнатки).

На другой день решил я пойти с ним по старой лесовозной дороге на лесосеку. Это место носило звучное название — «Седьмое небо». Замысловатыми серпантинами лесовозка звинчивалась в горные склоны, постепенно поднимаясь к почти ровному плато, где местный леспромхоз когда-то беспощадно выхлестал на обширных пространствах великолепные кедровники у верхнего предела среднегорного пояса — там уж и до голцов оставалось немного. Возле трассы Кутуз убежал не столь далеко, чаще появлялся у меня на глазах, однажды гавкнул на белку, спокойно проводил взглядом пролетевшую недалеко от нас копалуху-глухарку. Но любимым его занятием было «землекопство». Он рылся то в корнях, то в колодинах, то на замшелых каменистых склонах так яростно, что не только земля — вверх взметались даже камни и перегрызенные корни. Сначала у меня возникло подозрение, что он роет затаившегося соболя, но без снега это невозможно было проверить, а все мои поиски ни к чему не привели. Однажды он откопал бурундука, в другой раз — пищуху. Это мне уже не понравилось, но попытки отогнать пса были тщетны.

Долгой была наша ходьба этими солнечными днями. Без звонкого лая, почти без выстрелов — ходи себе и ходи, поглядывай вокруг, думай, вспоминай... Казалось бы, ставь перед собой и разрешай мысленно любые мировые философские проблемы, создавай в уме бессмертные творения, способные возникать среди таежной благодати при таком неспешном хождении... Но вместо этого лезут в голову мелочи жизни, впечатления окружающего бытия, толкуются, словно мошкар в летний день, обрывки каких-то стихов или песен, зачастую совершенно неуместных. То вдруг всплывут из глубин сознания такие воспоминания, что только головой крути... Знакомый священник однажды назвал нас, охотников и

любителей природы, истыми язычниками, пусть даже крещеными. Да, Господи, каюсь перед Твоими небесами и ясным солнышком, пусть тайга будет и храмом моим, и духовником, прости прегрешения мои, осознаю их...

*У тебя, милосердного Бога,
Много славы, и света, и сил.
Дай мне жизни еще, хоть немного,
Чтоб я новые песни сложил!*

Но не складываются песни, отдаляются, развеиваются туманами горестные воспоминания, и опять на уме рыжий пес Кутуз — куда его снова унесли черти, как знать, может, соболя где-то роет, ждать надо...

«Что же, — думалось мне, — найдет соболя, так уж небось залает по-другому». Но проверить эту гипотезу мне так и не удалось. За весь этот удивительный бесснежный осенний сезон (снег так и не выпал аж до середины ноября) Кутуз азартно и долго лаял один-единственный раз. Это произошло на вырубке, только пониже, вблизи речки. Будучи уверенным, что он лает на соболя, я почти бежал к нему, глотнув двойную дозу нитроглицерина. Разочарование было жестоким: Кутуз облаивал маленького бельчонка — чуть больше бурундука! — качавшегося на небольшой березке. Даже совестно было стрелять и пришлось увести кобеля на поводке. На другое утро Кутуз поднял на крутяке кабаргу и прогнал ее мимо меня в пределах выстрела, но я не успел перезарядить ружье. Хороших скал для отстоя в той местности нет, и пес гонял оленя чуть ли не полдня.

Как-то в конце октября еще с вечера я ощутил особое смутное беспокойство, хотя страха в тайге не испытывал ни разу в жизни. Ночью проснулся от яростного стука и шума. Казалось, будто по крыше не то гремят молотками, не то там пляшет стадо взбесившихся обезьян. Потом неоднократно слышался грохот падающих деревьев. Я понял, что нахожусь в полосе сильного урагана; ветер неистово рвал с крыши толь, крепко прибитый частыми планками. Все вокруг ходило ходуном. Наконец раздался сильный удар по крыше избушки. Утром я увидел, что довольно крупную ель ветер развернул вокруг своей оси, поэтому она не упала со всего размаха, но плавно легла на крышу зимовья. Толстая верхняя слега, на мое счастье, выдержала этот удар, не сломавшись. Вокруг валялись поваленные ураганом стволы, а вход в избушку преградил огромный кедровый выворотень. К множеству прежних завалов прибавились теперь целые полосы свежего ветровала. Рядом же, на кордоне, было тихо.

Ради того, чтобы добыть соболя, я несколько раз ночевал с Кутузом в тайге у костров, выбирая наилучшие собольиные угодья в самых истоках ручьев. Больше всего шансов у собаки наткнуться на соболя именно поздним вечером или ранним утром. Но результаты походов с таежными ночевками тоже оказались нулевыми. Как-то днем я встретился в тайге с лесником из

ближнего кордона и сразу стал сетовать на отсутствие снега, из-за которого не могу выследить в тайге кобеля. «А чего за ним следишь? — отвечал тот, показывая на свою невзрачную молоденькую собачонку. — Мы с этим первоосенком уже семь штук взяли. Залает — беги к ней, и все дела. Такой красавец-кобель должен искать, зверька-то ведь много».

Постепенно надежды мои угасали, ходить по тайге стало как-то скучно. Белок почти не осталось, видимо, они откочевали из кедрчей в лиственничники или ельники. К тому же Кутуз имел обычай не только хватать убитых белок, он тут же заглатывал их, как будто совсем оголодал, хотя кормил я его в зимовье «от пуза». При ночевке у костра Кутуз охотно пожирал неошипанных и неопаленных кедровок. В довершение ко всему кобель наладилась убежать на кордон к заглулявшей сучке. Отправившись туда, я заказал по рации машину (несколько ранее намеченного срока) и попросил лесника помочь мне перетащить вещи от избушки до кордона. Когда мы вдвоем совершали этот переход, Кутуз, бежавший справа от нас по довольно крутому склону, вдруг поднял зайца. Несчастный косой бросился вниз на дорогу прямо к нам, но пес ухитрился схватить его почти у наших ног и только поэтому не успел сожрать. Вытянув кобеля посохом, лесник вырвал зверька из собачьей пасти. Кутуза я самозлобно отдал жене медвежатника, сказавшей с грустной улыбкой: «Я знала, что он с вами работать не будет». Впрочем, хозяину кобеля тоже не пофартило: он упал с бревна, переходя ручей, и повредил ребра (кости очень болючие при ушибах). В письме он бодро подтвердил сказанное женой: «Верю, Феликс! У Кутуза и отец, и дед такими были — с чужим нипочем не лаёт!»

Следующую осень я провел в лесах вокруг Ярославской деревушки, где лет десять назад приобрел участок с ветхим домом. Но не отпустила мысль, что ТАК прощаться с тайгой нельзя. Поэтому спустя год (осенью 1998-го) подался в знакомые места снова. Моя Айка уже едва ходила, пришлось опять ехать без собаки, предварительно обратившись письменно к давно знакомому охотоведу с просьбой о помощи. Он откликнулся — езжай, мол, выручу!

Ладно, в свой срок прихожу к охотоведу на подворье. Выволол он из конуры собачку — два уха, четыре лапы, хвост саблей, желтого цвета, приземистая, плотным туловом скорее бультерьер, чем лайка, но больше овчарочки уши торчком. Звать Найдой, словно гончую. Возраст — шесть месяцев. «Вот и проверишь, — говорит хозяин, — в тайге бывала, вроде как интерес проявляет, но учить надо. Ореха второй год нету, белки вообще не увидишь, одни только голодные соболя бегают, и медведи шастают, так что ходи, да оглядывайся».

С тем наставлением взял я псину на поводок и повел к машине (на сей раз

к «Уралу» казенному, который шел до кордона). Шли долго — упирается у каждого забора и столба, нюхтит, «интересуется».

От кордона до завала подвезли мотоциклом, помогли затащить, выпили по маленькой, и остался я прощаться с тайгой в одиночку. Зимовье оставалось таким же уютным, только беда с освещением. Керосиновые лампы в Сибири стали великой редкостью, даже за одно стекло промысловики готовы дать соболя, а за новую лампу со стеклом так и двух, только где их, эти лампы, возьмешь? Пришлось жечь свечи, делать копилку.

На этот раз зима была очень ранней, снег лежал сплошь изрядным слоем. Утром повел Найду на поводке, твердо решившись испытывать собаку только по соболям. Вести ее, конечно, сущее мучение. Тянет изо всех своих сил, все-то ей вокруг интересно, все надо знать, с одинаковым азартом нюхает любые следы — и мышиные, и кабарожьи, и медвежьи (кстати, медведица приходила днями прямо на кордон).

Поднялся вырубленным распадком вдоль трассы на «Седьмое небо», вышел на дорогу. Ходьба по снегу тяжелая, тем более с непривычки, да еще и сердце прихватывает, идем с остановками. Прошли какие-то пять верст, а времени уже почти час. Решил я для первого дня наверх не тащиться, а возвращаться лесовозкой вниз, ближе к зимовью.

Ну, — Господи благослови! — отпустил Найду с поводка. Прыгнула она под горку, только ее и видели. Вскоре выскочила ко мне и — опять в сторону. Ходит хорошо, под ногами не крутится, шарится то в колодинах, то в корнях кедровых, то в придорожных завалах — их тут хватает. Иду себе помаленьку вниз, никаких соболей в голове не держу.

Шшух! Слышу: карябнулся кто-то по пихтушке у самого края трассы. Белка, та стрекотнуть должна, а этот молчком. Бурундук, что ли? Найда — ноль внимания, побежала себе дальше. Все же на всякий случай надо пихточку оглядеть. Только глянул — сидит соболя на самой макушке, смотрит на собаку, а ей до него и дела нету. Пришлось ее звать, показывать, но лая так и не дождался, подавать голос не хочет, хоть и увидела, немного заинтересовалась. Ладно. Выстрелил по головке, дал Найде вволю потрепать зверьку, уложил в котомку, пошли дальше совсем с другим настроением. Вот это и называется чистый фарт! Есть все-таки Бог на свете, долго терпит, да больно бьет, как писал Солженицын... Но ведь не всегда же он карает, может когда и наградить.

Сerpантинный штопор кончился, до рога вышла к долине реки, той самой, где я три года назад искупался. В этом месте, у поворота стоял при лесорубках небольшой барак, который давно развалился. Мне издали было видно, как Найда заскочила в этот старый сруб и тут же вылетела из него пулей, кинулась к ближайшей березке, куда толь-

ко что прынула мышковавшая в срубе соболяшка. Глазам не верю — стоит вся освещенная заходящим солнцем березка, осенняя листва на ней играет золотом, среди них чернеет зверушка, а несмышленыш мой заливается таким отчаянным лаем, какого я давно уже не слыхивал, пожалуй, со времен соболевки в Туве со Снегуркой, которая в таком же возрасте проявила большой талант (умкнул я ее тогда, словно невесту, увез в Москву, взял еще один грех на душу. Потом она долго болела, отлично отработала два сезона в Забайкалье и погибла на Ярославском шоссе под колесами — не знал злодейшофер, что тайлос в той невзрачной белой собаке). Эти мелкие шустрые лаечки, порой даже не очень породистые, зачастую становятся отличными соболятинами. Но чтобы ТАКОЕ за один и тот же день, мне ни в каких сладких снах не грезилось. Это ж надо! А все потому, что не думал в те самые минуты про добычу, сердце и душа были бескорыстны...

Вот тебе и «Седьмое небо»! Все же вознес меня таежный Хозяин на вершину блаженства! Верно говорил один старый промысловик-чалдон в глубинных красночиюйских кедрчлах: «Не радуйся, паря, ни раннему своему вставанию, ни усердию на промысле, а радуйся только одному СЧАСТЛИВОМУ ЧАСУ, ежели он наступит». Обдирая в зимовье соболей, я все не мог поверить в реальность случившегося. Чтобы в первый же день, с неопытным щенком, без малейших усилий, взять сразу двух соболей — какая-то фантастика ненатурная! И только опытный таежник, знающий, что бывает на этом свете ВСЯКОЕ, поверит, ничуть не усомнившись.

По случаю «счастливого часа» допил я все остатки спиртного (нечего им в зимовье отсвечивать!), спел вслух «Надежда, мой компас земной, а удача — награда за смелость...» и тогда же решил, что больше в тайгу не поеду, не стану снова утруждать сибиряков хлопотами о себе и собаках, а первый из двух соболей пойдет на памятное чучело. Пусть он остается при мне «на всю оставшуюся жизнь» и держит в зубах зазевавшегося бурундука, придуренного Найдой возле зимовья. Зверо-

вой день получился сгодня, однако! Прямо-таки звездный!

Может быть, в другой раз удастся рассказать подробно, как были добыты еще три соболя — все «трудовые», достались уже без всякого фарта, с большим напрягом. Найда стала работать вояко, и только моя сердечная — в буквальном смысле! — слабость не позволила добыть больше. Она уходила так далеко, что я либо не слышал лая, либо шел к ней слишком долго — молодая собака не всегда держит зверьку до подхода медлительного охотника. Несколько раз я был вынужден оставлять Найду в тайге, уходя без нее в избушку, переживая в долгом ожидании. Было совестно перед такой труженицей, которая возвращалась уже в темноте. Мысленно я перед ней горько каялся, а она как бы великодушно простила меня — ладно, дескать, что с тебя, убогого, спрашивать... Славная Найда!

Между тем уже к двадцатому октябрю снег оглубел, и собаке стало трудно работать. Вскоре повалило так, что пришлось срочно пробивать тропу на кордон. Двое лесников, оценив ситуацию, пошли мне навстречу с лыжами, помогли кое-как выбраться. На месте оставленной у кордона автомашины громоздился огромный сугроб. Как его разгребали, как пробивались потом сквозь заснеженную тайгу до расширенного шоссе — особый рассказ о мужестве и мастерстве охотников-сибиряков.

Найду я вернул хозяину, пожелав ему всяческих благ и подкрепив, конечно, эти пожелания самыми благодарными напитками, которые только нашлись в том городе. Охотовед хорошо знал многих моих друзей, особенно Алика Хлебникова, по которому мы даже всплакнули. Слегка перифразируя известного поэта, можно сказать, что «пред тайгою и собою, как слезы пьяных зверобоев, была душа моя чиста...»

Итак, мораль: место одно и то же, но три разные собаки, три осени, непохожие погодой и результатами охоты.

Рисунки Б. Игнатьева

Любовь прекрасна для двоих

Сергей КУЧЕРЕНКО

Мы привыкли считать любовь своей привилегией, однако это не совсем верно. Многим животным присущи почти человеческие чувства сильного влечения к избраннику, нередко единственному. Им ведомо ощущение тоски в разлуке, переживания отверженного, ревность, радость близости и обладания.

«Моя» история дружбы волка с крупной восточносибирской лайкой случилась в коренной уссурийской тайге на юго-восточных склонах Сихотэ-Алиня в те уже удалившиеся годы, когда я носился по затаженным сопкам с легкостью и нестомчивостью пятилетнего изюбра. Я знал ту породистую молодую суку, потому что во время экспедиционных охотустроительных работ ее хозяин — опытный промысловик Андрей Стоценко на два месяца любезно согласился побыть моим проводником, и нам вдвоем довелось вдосталь побродить под таежным пологом и наговориться.

Меня сопровождал совсем еще молодой кобель той же породы, с готовностью учившийся у опытной взрослой подруги «правилам таежного движения» и профессионализму универсального охотника. И потому я не из одного лишь любопытства подолгу за ними наблюдал.

Собаку звали Найдой. Характерными ее особенностями были неуравновешенность в поведении, благоразумная смелость, старательность в работе, разносторонность промысловых интересов... И, разумеется, преданность хозяину.

Она в равной мере охотно шла по следам соболя и медведя, рыси и кабана, притом не упускала возможности облаять белку или «прижать» колонка. Моему же «парню» только и оставалось во всем этом усердно копировать определенно обожаемую им красавицу-подругу, иной раз даже игнорировать мои хозяйские команды.

Впрочем, за Найдой и я наблюдал почти влюбленно. И не просто так мы с Андреем договорились: лучшего щенка из очередного, по счету предполагавшегося третьим, помета своей собаки он «записывал» на мою долю.

Но так сложились обстоятельства, что встретились мы лишь через два года. На мой вопрос о Найде он горестно махнул рукой, прикурил новую сигарету от до фильма досмоленной предыдущей, а потом рассказал удивительное, подобное которому до того дня и мне никогда даже слышать не приходилось. И вот та история.

...Заневестилась Найда в начале февраля в тайге, до деревни было далеко, промысел с каждым днем улучшался. И решил Андрей свою помощницу передержать. Для сук это не трагедия: пострадает неделю-другую, да и успокоится на несколько месяцев до очередной потребности в женихе.

А однажды вечером вернулся Андрей в избушку один, чего раньше никогда не наблюдалось. Звал собаку, кричал, стрелял и в сизые сумерки заката, и в черное полуночное небо — все безотчетно. Чуть свет пошел ее искать. Через пару часов увидел ее вчерашний след обочь тропы кабаньей семьи. А через километр рядом с отпечатками аккуратных песьих лап потянулись крупные волчьи. Волк сначала несколько раз останавливался, внимательно изучал свежие следы, потом понесся по ним на махах. «Ну все, — решил охотник, — хана моей собачке... Разве ей уйти от прирожденного бегуна на большие и малые дистанции?» Однако тропление следов показало другое. Собака догнала и «поставила» к выворотню подсвинка, но вот повалить его ей сил не доставало. А примчавшийся волк с ходу взял жертву в крутой оборот, сбил с ног и вцепился в горло...

У подсвинка, увиденного Андреем, была выедена мякоть задних ног. Но поразительное заключалось в том, что добычу волк и собака ели вместе, хотя и протягивали их лежки почти до земли с противоположных сторон.

«Ладно, — улыбнулся мой собеседник, — в первую очередь разберемся, что же и как произошло и где эти новобрачные теперь. Мне-то сразу стало ясно, что волк в Найде легко определил готовенькую невесту, и определил еще по следам. А потом силой ли, лаской ли «взял» ее. Может, не сразу, в собаке ведь извечный страх перед волком... Который песью породу за усердное служение человеку изводит при каждом удобном случае, и даже неудобном. Но ведь, с другой стороны, корни происхождения у них общие до той степени, что дают плодovitое потомство. И пошел я разбираться по следам, причем из любопытства и для выяснения полноты событий зашагал сначала по вчерашним. И вот что увидел.

Пока волк «успокаивал» подсвинка, моя Найда рванула прочь, причем с переполоху помчалась не ко мне, и даже не в сторону избушки, а по более-менее чистому лесу. Волк же на огромных махах — за нею. Настиг он ее примерно через километр. В такой крутобойкой ложбине, в которую она легко сорвалась, но из которой ее выбраться оказалось не так и просто. Там весь

снег был перемешан и утоптан собачьими и волчьими ногами, однако ни кровинушки не было видно, ни даже шерстинки. Как я себе представил, волк догнал мою собачку и с ходу сшиб ее с ног грудью, а потом не позволил бежать дальше. Наверно, сначала показывал клыки, потом долго успокаивал, уверял в своих благородных намерениях, ласкался... И та покорилась. Покорилась и уступила как бы по принуждению, а вскоре и «присохла». Да так «присохла», что и о хозяйине забыла, и об избе... А что? Волк для собаки — жених что надо. Все равно что Тарзан для деревенской простушки.

В той ложбине, — рассказывал Андрей, — они нежничали, однако, до по

луночи. Мои выстрелы Найда наверняка слышала, может, возникало в ней желание вернуться к избе, да всеильный любовник не позволил. Но и не исключено, что не собиралась этого делать. Кто их до конца изучил — собака-то. В чувствах ведь людям мало чем уступают, а во многом страстнее их и порядочнее. И любить умеют. Знал я одну суку, которая в свои сроки убегала к единственно признаваемому на всю жизнь «мужику» и мчалась к нему тридцать километров, пересекая четыре деревни, в каждой из которых кобелей водилось выбирай — не хочу. Упорные да очень уж охочие, бывало, бежали за ней стаей голов в двадцать, и бежали впустую.

... А потом, намилиовавшись и проголодавшись, волк повел Найду к добыче. Бежали спокойно и дружно, следы тянулись рядышком, и, судя по ним, собака не сделала ни одной попытки отвернуть к хозяйскому жилью. Пировали у чушки долго и всласть, тут же ласкались и отдыхали, а ушли, почуяв мое приближение. И знала ведь, что обеспокоенный хозяин идет за нею, а и попытки ринуться ему навстречу не сделала. Любовь зла не только потому, что из-за нее и козла полюбишь. Слыханное ли дело — сука променяла выращившего ее охотника и четыре года о ней пекшегося на первого попавшегося ей волка? Пусть и в пору сватовства?

... Прошел я сколько-то по свежим следам, покричал, пострелял... Призывал и грозно, и ласково... Потом еще прошагал с километр — напрасно. При выстрелах и крике моем даже не потопталась в угрызениях совести. И я укрепился в мысли: пока не нагуляется в меру, назначенную природным естеством, не вернется.

Но и трое суток прошло, и пять, и неделя томительно скончалась, а моей Найды не было. Снег стал под быстро набравшим высоту солнцем сильно таять, путики я закрыл, выходить из тайги собрался. На настовую корку ночью дважды выпадала пороша, и утром я как-то встретил парные следы собаки и волка...

Тут мой друг задумался, потом крутанул головой и заговорил с улыбкой: «И вот представь себе! Махнул я во зле на это собачье дело и собрался через два дня уходить домой в одиночестве. А утром... заскреблась в дверь моя собачка, заскулила обиденно и жалобно, вроде бы не она меня бросила, а я ее! Воскучилась, вертится, натурально плачет блудница, и я от радости едва не прослезился... Но вот она, представь себе, решительно вырвалась из моих рук и куда-то побежала. «Найда!» — крикнул я, но она и не оглянулась. А через несколько минут я увидел ее с волком. И она его определенно звала за собой к избе, возле которой стоял человек!

До них было метров сто, когда зверь твердо сел, а потом решительно лег, полностью выйдя из повиновения подруги. И как только она ни лаяла и ни

повизгивала, как ни вертелась возле него — тот ноль внимания. И не пошевеливался даже, когда та убегала ко мне и обижено смолкала.

А я оказался в раздвоении чувств. Первым побуждением было этого волка застрелить: и неожиданный приличный дополнительный заработок, и премия, и одним вредным хищником на участке меньше. Но... Все же какая необычность поведения в дружбе серого с собакой и вполне возможное волчье отцовство ее очередных щенков! И в этом раздвоении я зашел в избу и стал наблюдать за моими друзьями в окно, примостившись для маскировки от него подальше. Одну сигарету высмолил, другую... И вот волк встал... И несколько раз неуверенно шагнул к избе, натужно повинувшись увещаниям подруги. Но опять лег... И снова поднялся... И еще несколько раз шагнул...

А я тем затаившимся временем решил все ту же проблему: стрелять — не стрелять. Случись это в начале сезона или хотя бы в его разгаре, я попытался бы этого зверя до кое-каких пределов приучить к себе — интересно все же, удивительный эксперимент посреди тайги, похожий которому вряд ли когда случался... Но ведь послезавтра выходить, в деревню он со мной и за собакой не пойдет, это точно, а к осени все забудется и потеряется.

И взял я в руки ружье. Вогнал в стволы пулевой патрон и карточный. Далековато для тулки было — метров семьдесят. Но волк, нутром почуяв неладное, прилег обочь пня, напряженно уставившись в избу. А когда я приоткрыл дверь и стал высовывать дустволку, ринулся в бега. Пару решающих секунд я потерял из-за Найды, бросившейся на меня в полном понимании моего умысла. И мой дуллет вдогон волку оказался пустым. А собака умчалась за ним, не вернувшись ни через час, ни во весь этот день и другой. Прошел я по их следам изрядное расстояние, крови на них не увидел, собачьего ответа ни на свои отчаянные призывы, ни на ласковые не дождался. И ушел в деревню один.

Сама моя Найда в ту деревню прийти не могла, потому что добираться до нее надо было сначала двадцать километров по таежной тропе, потом тридцать — на лесовозах и далее на попутном транспорте. Но это я говорю лишь к слову, потому что она, как я выяснил через три месяца, уходит из тайги уже не собиралась: волк для нее стал радостью и смыслом жизни, я же, посмевший в него стрелять, перестал быть ей хозяином и другом.

... Спрашиваешь, как выяснил? А вот слушай. В конце мая пошел я на свой участок проводить природный солонец и попытаться добыть пантача. Добрался удачно: друг Петро доез до тайги на «Москвиче», а к вечеру того же дня я был в своей избушке. И в первые же минуты, похажив по дворику и вдоль путиков, убедился, что сюда временами навдываются лайка и волк. Косую они съели прямо под прикрытием

лабаза, оставив от нее лишь клочья шкуры и копыта. А в трех сотнях метров, под нависью кедровой кроны, лежали уже крепко запахшие остатки изюбра-прошлогодка, причем нетрудно было определить, что задрал его волк, собаки тут не было, а мякотные части ног отгрызены и унесены... Ясное дело, упер их зверь в логово для своей супруги, наверняка разродившейся потомством. Прикинул я и смекнул: разрешилась Найда в середине апреля или неделей позже, щенкам сейчас более месяца, и теперь она уже запросто отлучается от гнезда по своим родительским заботам, пока еще, скорее всего, попеременно с отцом семейства. М-да-а...

Всю ночь обсуждал я с собою эту историю. Ясное дело, одичала моя Найда, проснувшись в ней волк. А до чего не дошла она собственными инстинктами, или, как ты говоришь, подсознательной памятью предков, натаскала ее настоящий зверь. За время сожительства с волком сейчас она уже настолько пропиталась его запахами, что вся волчья рода признала ее своей.

Щенки, конечно, помесные, интересно было бы и на них взглянуть, и на все семейство в сборе, однако попробуй отыщи логово... К тому же я успел свыкнуться с потерей лайки, пантовка теперь меня интересовала больше, и чуть свет я ушел на солонец.

А там тоже оказались собачьи и волчьи следы, старые и свежие, но это меня уже не удивило, потому что Найда здесь со мною бывала, а волки солонцами и сами всегда интересуются по известным причинам, и даже сильнее человека интересуются.

На том солонце фарт пришел ко мне в первую же ночь. Разделал я пантача, часть мяса определил в холодные родники, остальное посолил в брезентовых мешках. Требуху закопал, приборал после себя солонец и рванул с пантами к зимовью для заварки их и сушки. Рассчитывал со всеми делами покончить к пятому дню, потому что в полдень шестого у выхода из тайги меня должен был поджидать Петро.

Через день, подвесив полуобработанные панты для провяливания на ветру, я заспешил на солонец за мясом. Подхожу ти-и-хо, с останковками... Ветерок тянул мне навстречу... И потому я заметил их первым. Кого? Да Найду со своим возлюбленным! С раздутыми боками, определенно наевшись до отвала, они озабоченно ухаживали с солонца. И так умиротворенно ухаживали, что подошли ко мне не далее чем на десятков метров.

Увидев человека, но еще не распознав, они вкопанно замерли и усталились в меня — на несколько секунд. Когда волк одним махом развернулся и ударился в бега, я крикнул: «Найда! Ко мне!» Та взвизгнула, бросилась ко мне определенно с радостью, однако в то мгновение подал властный голос волк, и она покорно обернулась в его сторону и тут же помчалась за ним. Но когда я еще раз во всю силу голоса по-

звал ее, она опять с визгом понеслась ко мне! И подбежала, стала прыгать, в лицо норовила лизнуть. Визжит и плачет, и я ее глажу, уговариваю успокоиться, уверяю, что все будет хорошо, что теперь никакие серые разбойники нас не разлучат... А сам ишу веревочку, чтоб накинуть ее на шею...

Так было бы счастье... Но тут наши восторги перекрыл тягуче-дикий басовитый волчий вой: «уу-ооо!» И мою Найду как ветром сухой лист подхватило, через миг она была уже в десяти метрах от меня, замерла, полуобернувшись ко мне, и тоже взвыла, подняв голову в небо, мешая собачий брех с волчьим воем... Не то просила извинения, не то прощалась...

Тут мой рассказчик замолчал, без объяснений ушел куда-то, но через пять минут вернулся и заговорил совсем о другом. Я было подумал, что на том и закончилась история о немислимой вроде бы для собаки, преданности которой человеку не имеет аналогов, измене хозяину, однако на всякий случай спросил: «Скажи, Андрей, и больше о Найде ты ничего не знаешь?» А он и отвечает: «Отчего же? Жди меня через четверть часа для продолжения рассказа».

И ровно через эту четверть он снова заговорил:

«В сентябре было. Я заехал в тайгу готовиться к охотсезону, а еще дал мне промхозовский охотовед задание по учету изюбров на реву. И вот как-то сижу я поздним вечером, слушаю кричащих со всех сторон быков, на планшетке их помечаю... И вдруг ночную темень, плотно окутавшую тайгу, разорвал вой волчьей стаи: «уу-ооо-уу». И все мое нутро затрепетало невесть отчего, да только не от страха — чего мне было бояться? Рядом с избой-то! С мощным карабином в руках! А вот вроде бы открылось предо мною что-то особенно дикое и таинственное...

Волк-вожак был на низких тонах этаким густым басом, с ударением на «ооо», а его подруга переливалась малоподобным на вой волчицы тенором. Всю силу она старалась вложить в «ууу», однако это ей удавалось плохо, и она срывалась на слитный собачий лай. То определенно была моя Найда... С повзрослевшими детьми, которые и не выли, и не лаiali, а просто скулили восторженными от избытка сил и впечатлений альтами и звонко полаивали.

До них сначала было не более километра, потом они завывали подалеже и в другом направлении, и я решил, что выводок волко-собак приступил к свободной охоте. Что теперь родители учат их жить по-волчьи, а те стремятся показать, что и сами не лыком шиты. И я подумал, что обученные настоящим волком совместно с прекрасной охотничьей собакой прибылые встанут на по-волчьи сильные ноги мастерами жить по-волчьи ничуть не хуже, чем их чистокровные собратья.

... По первым октябрьским порошам я убедился, что они продолжают жить

и охотиться дружной семьей, причем мне во вред. То и дело я находил остатки добытых стай и съеденных изюбров, кабанов и коз, мне же оставалось все меньше шансов выполнить план-задание по заготовке мяса для сдачи промхозу. Как назло, таежный участок этой стаи совпадал с моими угодьями. И не потому ли, задумывался я, что их в совершенстве знала Найда? Не желавшая осваивать неизвестную тайгу?

Да, она не только оставила и забыла меня ради волка — она теперь стала для меня вроде бы и недругом. Знала ведь, встречая мои свежие следы, что я начал очередной сезон, но ни разу не пришла к избе, и даже не подходила к ней ближе полукилометра. По моим путикам не ходила и своей родне запретила это делать. И самолетами никто не интересовался.

Зло на нее во мне крепло, я все чаще подумывал ликвидировать всю эту волчью нечисть вместе со своей бывшей подругой и все же не решался: жалко было. Но не стало этой жалости после того, как ее семья принялась есть добытого мною, освежеванного и уложенного на временный лабаз большого жирного кабана... В тот же день я сбежал в зимовье и вернулся с ядом и волчьими капканами. А для пушек надежности соорудил из бревен две огромные кулемы.

И тут же пошел снег, и выпало его за ночь ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы прикрыть и приглушить мои следы и запахи, замаскировать самолеты и не вывести их из строя.

А через два дня они меня «ждали». Все. Найда угодила лапой в капкан, ее возлюбленного придавило бревном кулемы, один прибитый тоже сидел в капкане, а еще трех я выследил и подобрал отравившимися.

Найда встретила меня почти как волчица и как незнакомаго ей человека. Она сильно возмужала, стала более мускулистой, чем я знал ее, от нее несло крепким волчьим запахом. Она меня, конечно же, узнала сразу, однако как хозяина, даже бывшего, не приняла. Больших трудов мне стоило стянуть ее шею ремнем и привязать на железную цепь капкана. А когда я на ее глазах добил волка и волчонка, потом

же в своих заботах проходил мимо нее, она впилась мне в бедро, и я оглушил ее топориком.

К избешке я приволок ее силой и посадил на цепь, надеясь, что ее дикий любовный роман и романтическое материнство со временем забудутся. Однако она упорно не притрагивалась ни к еде, ни к воде и медленно умирала. Она почти не шевелилась, а лежала на животе, бросив голову на вытянутые вперед ноги и закрыв глаза. Лежала ночь и день, сутки, другие, третьи... На мои попытки поговорить и приласкать реагировала непримиримо и агрессивно, катая в горле рык. А через неделю, вернувшись вечером в избу, я увидел ее мертвой...

Тут можно было бы поставить большую точку. Но наверняка среди читателей этой были найдутся скептики, пожелавшие меня «срезать»: такое в жизни, мол, быть не могло, такое можно лишь придумать... И потому я позволил себе сделать к рассказанному нечто вроде обстоятельного эпилога.

В дикой природе чего только не случается. Человеку, отдавшему ей большую часть жизни, нередко приходится свидетельствовать необыкновеннейшие события, даже оспененным кабинетным охотоведам и зоологам представляющиеся вымыслом, охотничьими или рыбацкими байками, в которых автор, может быть, и не сочиняет, однако сильно преувеличивает.

Рисунки Б. Игнатьева

«ОХОТНИЧЬИМ ПРОСТОРАМ» - ПОЛВЕКА

Есть нечто глубоко символическое в том, что юбилей альманаха «Охотничьи просторы» приходится именно на «круглые даты» — на вторую половину двадцатого века. Зародившийся в 1950 году, когда московское издательство «Физкультура и спорт» выпустило в свет небольшой «Сборник очерков об охоте», этот литературно-художественный альманах подходит к новому рубежу веков как популярное в охотничьей среде издание, регулярно выходящее четырежды в год. Начиная с 1999 года, альманах издается в плотных эффектно оформленных обложках и пользуется заслуженным признанием как охотников, так и книголюбов.

На могучем древе российской словесности XIX и XX веков хорошо заметна плодоносящая ветвь отечественной охотничьей литературы. В основе ее лежит высокая классика: творчество И. Тургенева, С. Аксакова, Л. Толстого, М. Пришвина и других выдающихся наших писателей, но очень велика в ней роль периодической печати, таких изданий как журналы «Наша охота», «Охотник», «Природа и охота». Ни одно из них, включая наиболее известный нынешний журнал «Охота и охотничье хозяйство», не просуществовало столь долгий срок, как альманах «Охотничьи просторы», отмечаящий в 2000 году свое пятидесятилетие. На его полувековом пути встречались немалые препятствия и осложнения: в 1992 году государственное издательство «Физкультура и спорт» прекратило его

выпуск на 49-й книге (юбилейная 50-я была уже собрана), но спустя лишь один год, благодаря усилиям ряда энтузиастов, прежде всего таких охотников-библиофилов, как М. В. Булгаков и В. В. Королев, издание было возобновлено и не прерывалось более ни разу. За период 1994—2000 гг. вышло в свет 25 книг этого альманаха, таким образом, общее их число достигло семидесяти трех! Это уже подлинная библиотека, причем не только русской и зарубежной охотничьей беллетристики, но и охотоведения в самом широком смысле. И в прошлом, и в настоящем первостепенное внимание альманах уделял и уделяет наиболее выдающимся отечественным писателям и ученым, непосредственно связанным с охотой и охотничьим хозяйством. Со страниц альманаха не сходят имена С. Т. Аксакова, И. С. Соколова-Микитова, М. М. Пришвина, а такие известные деятели, как Н. П. Смирнов, Е. Н. Пермитин, В. Е. Герман, были непосредственными организаторами и составителями издания в 1950—60-х годах. В редколлегии альманаха состояли писатели М. А. Шолохов, О. В. Волков, а также наши видные ученые (профессора С. И. Огнев, А. Н. Формозов, С. С. Туров и др.). Альманах нередко заново открывал для своих читателей неизвестные или забытые произведения И. А. Бунина и Л. Н. Толстого, С. Т. Аксакова и Е. Э. Дрианского, Э. Хемингуэя и У. Фолкнера. В нем печатались многие

молодые и начинающие авторы, ставшие потом известными литераторами, регулярно давали обзоры охотничьей литературы. В 1970—80-х годах альманах стал уделять очень большое внимание проблемам охраны природы, в частности озера Байкал и других природных достопримечательностей. Разделы «Вопросы, способы и нужды охоты», «В помощь начинающему охотнику», «Молодому охотнику» содержат целый арсенал полезных сведений и рекомендаций.

Все эти славные литературные и охотничьи традиции, заложенные в альманах такими его основателями, как Н. П. Смирнов и В. Е. Герман, стремятся сохранить и развивать ныне действующий Редакционный Совет альманаха, куда входят и ветераны нашего охотоведения, и официальные его деятели, и энтузиасты охотничьего книгоиздания.

Ф. ШТИЛЬМАРК

Охотники, заготовители, предприниматели!

Покупаем за наличный и безналичный расчёт шкурки и хвосты беличьи, колонковые. Оплату поставленного Вами сырья, расходов по пересылке гарантируем в кратчайшие сроки.

610004 г. Киров, ул. Р. Люксембург, 23
тел. (8332) 62-94-27, факс 69-03-22.
E-mail: chief@brush.kirov.ru

* ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ *

Когда Сережа оказался шестым в нашей связке друзей-охотников, пожалуй, никто и не помнит. Детина ростом метр девяносто, атлетического телосложения, рыжий, с редкими маленькими конопушками на лице, подчеркивающими доброту в его мужественном облике. Силищей обладал неимоверной, а уж фамилия — Комарик — ну никак не подходила к нему. Спокойный, медлительный, ни у костра, ни за столом не займет лучшего места. Одноствольное ружье с чековым сужением, которым он очень дорожил и бережно хранил, в его ручищах казалось детской игрушкой. Стрелял он из него без промахов, и, как мне казалось, даже стыдился, что стреляет слишком хорошо, поскольку мазил среди нас было предостаточно.

Одним из таких был наш Смычков — страстный любитель автоматического охотничьего оружия. Каких только систем у него не перебивало, имелась небольшая коллекция охотничьего оружия. Маленького росточка, худенький, в очках, с редкой бородачкой, визгливым голоском, он постоянно вступал в разговор любого. И все-то он знает, везде-то он бывал...

Мы по-дружески все это терпели, но Сережа, хотя и малоразговорчив, всегда пресекал трескотню Смычка. Естественно, Смычок не упускал случая ответить что-нибудь нелестное в адрес Комарика. Мы чувствовали, что когда-нибудь назреет конфликт и выдержанный Комарик поднимет Смычка за воротник, хорошенько встряхнет и повесит на сучок как Буратино. Но вышло по-другому...

В один из наших охотничьих дней мы решили сделать небольшой загончик в окол-

ках, по краю Порзоловского болота. В загонщиках Смычок, Комарик и я. Смычок должен был идти краем небольшого озера с редким камышом. Расставлены стрелки, начался загон. Вдруг душераздирающий вопль: «Спасите! Помогите!» Смычок орал так, что даже стоящие на номерах услышали и поспешили на помощь. Ближе всех находился Комарик, он первым увидел барахтающегося в полынье Смычкова. На ходу сбрасывая с себя все, с охотничьим ножом в зубах, не раздумывая, бросился он в полынью к Смычкову, как пушинку выбросил его далеко на лед. Сам он как будто не из полыньи, а из бассейна с поручнями при помощи ножа вылез на лед, подобрав ружье Смычкова.

Ошалевшего от испуга Смычкова все окружили, помогали снять сапоги. Кто снимал с себя рубашку, кто свитер... Разозгли костер. Подошел одевшийся Комарик, потирая тряпичей свое ружье, и говорит:

— Смычок, ты чего не встал на ноги, а орал как оглашенный, ведь там по грудь?

— Да ишь ты, — ответил Слава. — тебе, может, и по грудь, а мне с головой!

— Вот видишь, я из-за тебя ружье неаккуратно бросил, придется разбирать и чистить.

— Я те-тебе ду-ду-двустволку подарю, — выпалил Смычок.

Зная Смычкова, никто из нас этому обещанию не придавал значения. И как же было всем приятно и радостно в очередное субботнее утро увидеть Комарика, разглядывающего Зимсон двенадцатого калибра, подаренный ему Славой из своей коллекции! Мы от всей души поздравили смущенного Сережу и гордо взирающего Славу Смычкова.

А утренний рассвет уже начинал дарить нашей связке друзей-охотников очередной охотничий денек.

Р. ЗАКРЕВСКИЙ
Санкт-Петербург

Здравствуйте, редакция журнала! Давно хотелось написать в ваше уважаемое из-

дание, но повседневные заботы не позволяли этого сделать. Хочу сказать, что я, как и тысячи собратьев-охотников, ваш ярый почитатель. А волнует меня проблема русского спаниеля. Вы даете очень много информации о лайках, терьерах, гончих, но мало внимания уделяете русскому спаниелю, особенно что касается натаски, работы с этой собакой.

Одно время я не мог быть подписчиком вашего журнала, это связано с переездом в другой город. Но теперь такая возможность появилась. Я и моя жена, и сестра — все любим «Охоту и охотничье хозяйство», всегда ждем журнал с радостью и нетерпением. Нас интересуют все проблемы, касающиеся природы и животных. В нашем доме есть радость — это русский спаниель, его зовут Бим. Он — настоящий друг и преданный сторож.

Высылаю вам его фотографию и буду счастлив увидеть своего любимца на страницах вашего (нашего семейного) журнала. Охотой занимаюсь 10 лет, более увлекательно занятия для меня не существует.

Алексей
(фамилия неразборчиво)
Ульяновская обл.

Дорогая редакция! Я подписчик вашего (нашего) журнала со времени его основания. Охотничий стаж — пятьдесят лет. Хочу поделиться с коллегами по увлечению интересным наблюдением. Если сочтете возможным

опубликовать его, буду рад.

Потеплел климат на Ставрополье? Третий год заканчиваем сезон охоты практически без снега. А в 70-е годы суровыми были зимы: глубокий снег, морозы, метели. Гибли отары овец, сайгаки стадами откочевывали из северных районов края на юг, в зону курортов Кавминвод.

В одну из таких зим охотились мы по зайцу. Погода не радовала: холод, ветер, поземка. Добыли одного зайца на пятерых. Холодно, но ходим, как-никак закрытые охоты. Разбрелись по полю. Вижу в лесополосе, метрах в двухстах, круглое черное пятно. Соображаю: в такую метель любой неживой предмет будет занесен снегом. Значит... внимание! Прошел еще метров сто, пятно как будто шевелится. Что это? Может быть, кабан? Подранок? На всякий случай заманил в стволах «единичку» на нули. Иду тихонько, благо ветер встречный. Подошел метров на сорок и замер от удивления. Не менее пятидесяти куропаток сбились в один плотный шар, около метра в диаметре. Снег протаял, а под ним густая, мягкая трава. Птицы верхнего ряда, озябнув, соскальзывали вниз и забиваются под нижних погретись. И так без конца. Ну что за умницы!

Подивился я мудрости «братьев наших меньших». Еще раз полюбовался ими и потихоньку пошел обратно. Зайца я в тот день так и не добыл, но это меня не очень огорчило, ведь такое увидел. Охочусь много лет, расспрашивал старых охотников — сведений о подобном явлении мне никто не сообщал. Много еще есть непознанного и поучительного в дикой природе.

В. Е. СМЕРНОВ
Ставрополь

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

истину: нет пророков в своем отечестве. Наш-то морж покуче любого бегемота будет. Толщина его кожи вдвое толще, чем у нильского гиппопотама.

Аборигены Чукотки при изготовлении своих зверобойных лодок, на которые используют моржовые шкуры, «раскалывают» эти кожи по толщине на две части. «Раскалывают» — это термин жителей Чукотки. Потом эти половинки еще мездрят, обстругивают, делают тоньше, чтобы кожа стала менее толстой и эластичной. Словом, из одной шкуры делают две. Самая толстая кожа — 5 см у моржа на груди, а так — 3—4 см.

Пускай носороги своей толстокожестью пудрят мозги простодушным масаям, а мудрого чукчу слоновьей замшей и бегемотчим сафьяном не купишь.

А. ЧИКИН
г. Казань

Тридцать шесть лет тому назад мне довелось участвовать в выпуске шестидесяти белорусских бобров с целью акклиматизации на реке Немпту, недалеко от Хабаровска. Так впервые появились бобры в Приамурье.

У охотоведов не было сомнений, что бобры приживутся в нашем крае, но существенного экономического значения в охотничьем хозяйстве они-де иметь не будут из-за своей малочисленности. Я придерживался иного мнения. Подыскивая места, пригодные для жизни этого ценного животного, дающего человеку великолепную шкуру, мускус и съедобное мясо, я убеждался, что кормовая база для бобров в Приамурье богатая. Густая речная сеть, немало озер — все это вселяло надежду на успех акклиматизации бобров.

Время покажет, что был прав. А пока бобры на амурской земле здравствуют и расширяют свой ареал: от места выпуска их теперь встречают за сотню километров.

Недавно у меня в гостях побывал директор Мухенской средней школы Александр Прокофьевич Стенаков. Он

руководит школьной поисково-исследовательской экспедицией, которая несколько лет наблюдает за бобрами. Вот что он рассказал: «Живых бобров я неоднократно видел на реках Немпту и Си. В качестве доказательства их жизнедеятельности на этих реках привез вам кусок ивового ствола, погрызенного бобром. Местные жители встречают следы деятельности бобров на реках Обор и Дурмин. Они утверждают, что бобры перекочевали в Хорский бассейн. Живут они, как правило, в норах, не строят и хатки. А вот плотин нигде не находили. Грызут даже березу. Людей бобры не боятся, порой селятся рядом с человеческим жильем. Мясо бобров пахнет осиной, поэтому его не едят, шкурой не интересуются, предпочитают охотиться за норкой и соболем. Так что бобрам браконьеры пока не грозят своим усиленным преследованием.

Небезынтересно было, спустя почти 40 лет, узнать, что бобр живет в крае, видеть своими глазами следы его жизнедеятельности. Думаю, охотоведы должны систематически наблюдать и охранять бобров, а Управлению охотничьего хозяйства края пора подвести итоги процесса акклиматизации бобра, да и помочь быстрее заселить необозримые просторы Дальнего Востока.

Всеволод СЫСОВЕВ,
писатель-охотовед
г. Хабаровск

В апреле 2000 года в Латвии состоялся 8-й Чемпионат Прибалтийских стран по подсадному кабану, в котором впервые приняли участие две команды из России. Дебют оказался успешным.

Успеха добилась первая команда с западносибирскими лайками — Белад и Волга (владелец Богославский), а также Волгарь (владелец Волков), которые заняли III место в командном зачете, оставив за собой старожилов чемпионата — Финскую-1 и Эстонскую-1 команды, а также Латвию-II, Финскую-II. Не повезло второй команде России — последнее восьмое место.

Чемпионат был проведен в суровом латышском стиле, чтобы было видно, кто есть кто. В вольере находились два 9-летнего возраста кабана. Правда, оба — особи женского пола, не представляющие большой опасности, но умеющие за себя постоять и дать настоящий отпор атакующим собакам. По этой причине и дипломы были не особо высоких степеней.

Чемпионом стала русско-европейская лайка Бэта (владелец Буринскас из Литвы). Диплом II степени получила западносибирская лайка Айнис — 82,5 балла (владелец Чвирпа, Литва). Диплом III достался западносибирской лайке Белад (владелец Богославский, Россия).

Надо отметить успех русско-европейской лайки Плуты, который был самым молодым участником чемпионата (родился 10 февраля 1999 года), он занял шестое место и получил диплом III степени, команда Латвия-II.

Всего в чемпионате участвовало 24 лайки, из них 11 — западносибирские (5 дипломов III ст.); 10 — русско-европейские (1 диплом II ст. и 7 дипломов III ст.); восточносибирские лайки (1 диплом III ст.).

Поздравляем лаечников России с успехом и ожидаем на 9-м Чемпионате Прибалтийских стран. Добро пожаловать!

М. КАЛНЫНЬШ,
гл. кинолог Кинологического
объединения Латвии, г. Рига

Кряква, как известно, относится к наземногнездящимся птицам. Однако не бывает правил без исключения. Так 20 мая 2000 г. мною была обнаружена утка, загнездившаяся на суховершинной сосне в старом вороньем гнезде на высоте около 12 метров. Было это на окраине г. Всеволожска Ленинградской области на одном из участков зеленой зоны. Вблизи протекал заболоченный ручей, на котором ежегодно держались кряквы. С момента обнаружения в течение нескольких дней за гнездом велись наблюдения, в результате которых удалось установить, что птица несколько раз за день покидает гнездо, видимо, отлучаясь на кормежку, а все остальное время занята насиживанием кладки.

Подлетала утка к гнезду всегда по одному и тому же маршруту, что было обусловлено удобством посадки, так как эта птица все же не приспособлена для сидения на ветвях деревьев. Плоская поверхность гнезда создавала для нее своеобразный «аэродром».

Наблюдения пришлось прервать на неделю, а когда я снова посетил известное место, то кряквы там не оказалось, а гнездо пустовало. Скорее всего, птенцы уже вылупились и покинули столь необычное для них пристанище.

В. МАСАЙТИС,
инженер лесного хозяйства
Санкт-Петербург

На этой сосне в старом вороньем гнезде кряква отложила яйца и насиживала кладку

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

На привале

Но какой их род иль племя,
Но какой их древний Тотем —
Бобр, Олень, Медведь — не
знаем;
Знаем только: это предки...

Много сделал тайных знаков,
Дивных и фигур и знаков,
Все они изображали
Наши мысли, наши речи...
Лонгфелло. Песнь о Гайавате

БОБРОВЫЙ ТОТЕМ РОДА АЙПИНЫХ

Незабвенный Конан Дойль устами Шерлока Холмса сказал однажды примерно следующее: «Ватсон, дурак тащит на свой чердак все подряд, что ему попадется, нужное и ненужное, и в итоге забывает все так, что нужной вещи не достать. Умный, в отличие от дурака, складывает только нужное строго по порядку и, когда надо, у него все под рукой».

Подобно гоголевскому Плюшкину, я подбирал любую «ветошку» о древних письменах, тотемных знаках и загадочных алфавитах. Радовался всякой «мелочи» о рисунком письме-пиктографии, которым еще пользовались в первых десятилетиях XX века северные (бореальные)

народности. Теперь подошла пора опровергнуть точку зрения Конан Дойля, благо и сам Холмс при расследовании запутанных ситуаций обращал внимание именно на те мелочи, которые не складывались обыкновенно знаменитым сыщиком на умственном чердаке.

Знаки лося, медведя, оленя попали в мою коллекцию задолго до интервью Еремея Айпина в журнале «Охота и охотничье хозяйство» (№ 1, 1990), когда Еремей Данилович с великой болью сердца сказал: «Моей земли, моей Югры не стало... Кончился наш род — род Бобра...» и продолжил невеселый разговор о вымирании народа хантов, гибели родных и близких.

То интервью «Отдайте мне мою землю» отозвалось в моей душе лесным эхом, дало импульс для дальнейшей работы мысли, ниточка поиска потянулась очень далеко к совершенно незнакомым дотоле людям, заставила перетряхнуть все свои «чердаки», взяться за топор, фотоаппарат, перо и бумагу. Только не в один день, не в единый год, а на протяжении целого десятилетия. Не спеша, мешая дело с бездельем, чтение книг с лесными похода-

Фото 1. Рассказ-сообщение об охоте на медведя

Фото 2. «Роспись»: «Охотник, стреляющий глухарей из рода Бобра, добыл с двумя собаками лося»

Фото 3. «Охотник из рода Бобра повстречал с двумя собаками лесного старца (медведя) и снял с него священную малицу» (освежевал)

Фото А. Бикмуллина

1

2

3

ми, я занимался тем, чего просила душа. Так и появились современные реконструкции древних знаков таежных аборигенов.

Каков был тотем Бобра, обозначавший род «Махи», к которому относится Айпин, я не знал и послал Еремею Даниловичу письмо со знаками лося и медведя (фото 1), надеясь, что получу ответ на свой вопрос, но, увы, Великий Хант ничего про это не сказал в ответном письме. Прислал январский номер журнала «Слово народов Севера» (№ 1, 1998), подарил свою книгу «Клятвопреступник», и на этом все замерло. То ли был утерян тотем, забыт последними родовичами Айпина, то ли не захотел человек открыться далекому чужаку.

Но свет не без добрых людей. Выручила одна очень отзывчивая душа из редакции «Охотничьих просторов». При всей своей занятости Надежда Константиновна срисовала на клочок кальки старинный «остяцкий рисунок на бересте изображение бобра» из книги В. Н. Скалона «Речные бобры Северной Азии» и прислала с очередным письмом (в наших уездных библиотеках такой книги отродясь не числилось даже в каталогах).

«Бобр» был просто великолепен, глаз не оторвешь, и «просился» в работу, что я, соблазнившись, и проделал на первых попавшихся под руку еловых горбылях. Теперь я даже смог приблизительно «расписаться», как дед Еремей Данилович Роман-ики («В тени старого кедра», «Ох. просторы», № 3, 1997): «Охотник, стреляющий глухарей из рода Бобра, добыл с двумя собаками лося» (фото 2), или несколько проще: «Охотник из рода Бобра повстречал с двумя собаками лесного старца (медведя) и снял с него священную малицу» (попросту освежевал) (фото 3).

Расшифровка кратка и проста для посвященных: копые в верхней части древесной граффити означает охотника (знаки «читаются» в строгой последовательности сверху

вниз), лук с натуженной тетивой и нацеленной в глухариную лапу стрелой обозначает конкретного человека — «стреляющий глухарей». Так, кроме официального имени, данного при рождении, прозывался знаменитый охотник с таежной реки Аган, дед Еремея Айпина, Роман-ики. Прозвище, очевидно, пошло от давнего случая, когда, будучи мальчишкой, Роман Айпин добыл выстрелом из ружья глухаря (ханты брали боровую птицу слопцами, не трата драгоценный ружейный припас, а понятие «стреляющий» проще показать «на письме» видом лука и стрелы, нежели ружья). В средней части — обозначение Бобра (Махи), символ тотемного животного прародителя рода. Лосиная голень с копытом или распятая медвежья шкура в «знаменателе» обозначают конкретного добытого зверя, т. е. в первом случае лося, во втором — медведя.

В самом низу «информация» о количестве собак: две поперечные черточки-зарубки — две лайки.

Первый рассказ-сообщение (фото 1) носит трагический оттенок: «Два охотника повстречали лесного старика, который сильно покалечил младшего из охотников и убил одну собаку». Второе сверху копые в «числителе» знака-рисунка переломлено — покалечен младший охотник. Над самой нижней зарубкой, обозначающей собаку, что-то вроде насыпи — ясно, убита лайка.

Вот, вкратце, и все в дополнение к тому давнему интервью, которое я считаю удачной находкой на журналистском пути Карины Павловны Савельевой. Жаль только, «не дозрел» сам в ту пору и с большим опозданием предьявляю древесные знаки читателям «Охоты и охотничьего хозяйства», но лучше поздно, чем никогда. Быть может, еще кто-нибудь отзовется на эту публикацию, что-то добавит или поправит. Милости просим.

А. БИКУЛЛИН
Фото автора

Сборник трудов ВНИИОЗ № 1 (51). Охотоведение. Экономика, организация, право. Киров, 2000. — 201 с.

Сборник содержит концепцию развития и научного обеспечения охотничьего хозяйства России, теоретические работы по организации, экономике, праву, технике и технологии охоты, региональным эколого-экономическим проблемам, анализу опыта работы в новых условиях.

Цена одного экземпляра при предоплате 70 руб., включая стоимость почтовых расходов посылке книги; при заказе наложенным платежом — 90 руб.

Заказы направлять:

610000, г. Киров, Энгельса, 79, ВНИИОЗ, библиотека;
тел. 62-72-26, 38-55-94, факс (8332) 38-11-30,
E-mail: vladimir.savonov@vniioz.kirov.ru

ООО «Мускон-Лена»

ПОКУПАЕМ:

панты марала (парковые)

хвосты марала, изюбря

(свежемороженные)

медвежьи лапы

(свежемороженные, с шерстью)

шкурки белок

644074, Иркутск, а/я 5371

тел. (3952) 43-22-33

П Р И Г Л А Ш А Е М

на V1

международную

выставку

ОХОТА

И РЫБОЛОВСТВО

НА РУСИ

с 15 по 19 февраля 2001 г.

Москва, ВВЦ, павильон 69,
компания «Эксподизайн»

Оргкомитет:

т. (095) 181-17-01; 181-44-74

факс (095) 181-46-06

НА ПРИВАЛЕ

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА

ЗА 2000 ГОД

ПЕРЕДОВАЯ

Братухин Е., Гайдар А. Кировскому областному — 55 лет	7
Гусев О. Последний год XX века: что делать?	1
Гусев О. За диктатуру закона	6
Дёжжин В. Как пробиться к экологическому сознанию	4
Дёжжин В. На кого, как и за сколько	8
Дёжжин В. В расчете на грядущие перемены	10
Каледин А. Вопросы охотничьей этики	2
Оглоблин К. Далеко, да мило	12
Паутов В. «Сейте разумное, доброе, вечное...»	9
Сворцов А., Глазов М. В Астраханской области (интервью)	3
Слободенюк В. Никогда не сдаваться	11
Флинт В., Габузов О. Печенежское чудо	5

ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЕЛ

Андреев Е. Охота на барсука	10
Бобров Р. Охотник — друг леса	6
Бобров Р. Императорская охота	12
Вехов Н. Старинные поморские промыслы	6
Волки... волки (письма читателей)	6
Зарубин Б., Машкин В. Добыча сурка отстрелом	6
Верещагин Н. Лосинка — школа Б. М. Житкова	1, 2
Верещагин Н. Накануне и в начале Великой Отечественной войны	11, 12
Виноградов В. Истоки браконьерства	3
Гусев О. В. Дёжжин — биолог и охотовед	3
Дормидонтов Р. Любимая охота	8
Дормидонтов Р. Охота в ноябре	11
Дубакин С. Как я стал охотником	5
Захарченко М. Грач и охотничье хозяйство	8
Зверьков В., Дормидонтов Р. В Рамешковском охотничьем хозяйстве (интервью)	1
Корытин С. Волк и его приваживание	5
Краев Н. Постановление правительства № 1 — незаконно!	5
Краев Н. Кто имеет право составлять протоколы на браконьеров?	8
Краев Н. Право охоты	10, 12
Кузякин В. Зимний маршрутный учет: в помощь учетчикам	5
Лаврова А. 147-й пушной аукцион	6
Мантейфель П. Соляной голод	1
Останин В. Разведение косули в Московской области	9
Павлов М. Как я стал охотником и охотоведом	11, 12
Рогачев Г. Охотники России	8
Савченко А., Савченко И. Загадка глухариного тока	1
Севастьянов А. Доброе участие	12
Севастьянов А. Есть след — есть зверь	5
Слободенюк В. Антиохотничий «Вихрь»	7
Слободенюк В. «Разработать могут, утвердить — нет»	7
Собанский Г. Закон или дышло?	5
Тарабановский А., Глазов М. У астраханских охотников	6, 7
Темеров В. Консультации юриста	4
Улитин А. Охотничье хозяйство России: что делать?	7, 8
Халеев М. Охота в моей жизни	5
Черкас Н. Беловежский охотничий дворец	4
Щербаков В., Дормидонтов Р. 30 лет спустя. В гостях у мастера (интервью)	5
Шмит Э. Как подготовить подсадную утку	4

НАУКА

Бакеев Н., Бакеев Ю., Синицын А. Тайственная лесная куница	6
Байков Н. Тигры на Дальнем Востоке	5
Бобров Р. Несбывшаяся мечта генерала	2
Бобров Р. Отец русской фенологии	9
Глазов М. К 100-летию С. В. Кирикова	3
Голованова Э. С фотоаппаратом в мире птиц	3
Граков Н. У истоков ондатроводства	11
Гусев О. В. С. Шишкину — 50	9
Данилкин А. Трофейная охота как фактор антиселекции	6
Киселев А. Волк и дикие копытные	7
Корытин С. Приманка на лисицу	1
Корытин С. Приманка на соболя	10
Михайловский Б. Голодные, наглые, злые	9
Мусатов В. Заказник «Ремдовский»	8

Оводов Н. Судьба снежного барана	10
Плешак Т. Медвежья болезнь	9
Приходько В. Дальневосточная кабарга в опасности!	12
Рябцев В. Орел-могильник в Прибайкалье	7
Савинский А. Норка в Вологодской области	3
Савченко А., Мальцев Н. Миграции и гибель косуль	1
Савченко А. Манулята, какие они?	5
Савченко А. Три юбилея	6
Савалле Ю. Медвежий берлог в Эстонии	6
Сафонов В. М. П. Павлову — 80 лет	11
Силантьев А. Охотничье хозяйство в России	11
Смирнов М. Повадки тувинских волков	9
Успенский А., Максимов А. Трихинеллез — это опасно	10
Флинт В., Сорокин А. Крылатый волк	2
Чашукин В., Скопин А. Охотничьи животные: предпочитаемые корма	9
Шишкин В. Гусеобразные	1–12

МОЛОДОМУ ОХОТНИКУ

Азаров А. И опыт — сын ошибок	9
Лихоненко В. Из дневника медвежатника	11
Соколов Н. Заячья храбрость	10
Чехленков В. Неудачная охота	10
Шперов И. С женщиной на медведя	3
Шперов И. Дедушкина приманка на куницу	4

ОРУЖИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ

Азаров А. Патроны собственной снарядки	4
Азаров А. Пуля для гладкостволки	5
Азаров А. Проверка ударно-спусковых механизмов	7
Блюм М. Патроны «Сибирь-7»: им не страшны морозы	2
Блюм М. Охотничий карабин ТОЗ-109	3
Блюм М. Комбинированное ружье ТОЗ-112	3
Блюм М. Парадоксы ТОЗ	6
Блюм М. Охотничье двухствольное ружье ТОЗ-120	6
Блюм М. Одноствольное охотничье ружье «ТОЗ-119»	8
Блюм М. Патроны для осени	8
Блюм М. Самозарядный охотничий карабин ГД-18	9
Блюм М. Отечественные трехствольные и четырехствольные ружья	10
Блюм М. Секреты пыжей	10
Блюм М. Самозарядный «Тигр-9»	11
Булгаков М. «Ружье» Гринера-Тарновского	1
Галкин О. Карабин под патроны 7,62x51	11
Грольман Л., Арутюнян А., Чистюхин В., Алексеев Ю., Поляков Г. Пороха при отрицательных температурах	7
Гусев Э. О патронах и порохе	12
Дегтярев В. Карабин «Барс-4» в эксплуатации	7
Дешпит М. Пулевой патрон для гладкостволки	6
Долодаренко А. Улучшение прикладности ложи	9
Дорофеев П. Пороха марки «Салют»	3
Зверев Н. Патроны калибра 5,6 мм на охоте	11
Зеленко В., Блюм М. Элитное оружие ЦКИБ	1
Иконников В. Обновленный патронша	2
Колесов Г. К Закону «Об оружии»	12
Окунь В. Не пользуйтесь старыми патронами	8
Пантюхин А., Скубов В. Катаная дробь	9
Савелий М. С ружьем по железной дороге ездить можно	4
Савелий М. Охотник с ружьем в самолете	12
Таширов И. «Братья Меркель» сегодня!	10

СОБАКОВОДСТВО

Андреев Е. Как уберечь гончую?	1
Аристов В. Универсальная работа лаек	7
Бикмуллин А. Пока идет гон	11
Гибет Л. 107-я Московская	10
Гусева Е. Состязания гончих по лисце	6
Дигилевич А. Праздник калужских охотников	2
Дудкин В. А правильны ли правила?	10
Малышев В. С лайкой в феврале	2
Малышев Л., Фомин С. Охотничьи таксы МООиР	3
Малышев В. Выбор щенка лайки	5
Малышев В. Воспитание лайки	6

Марков Б. Как говорят собаководы охотники	9
Марков Б. Вся жизнь с гончими	10
Мишанова Н. Кому и как судить собак?	4
Павлов М. Чутье	5
Рахманов А. Брошенные собаки	4
Соколов Н. Охота с гончими — мой опыт	1
Тиме И. Кому доверить экспертизу собак	9
Федорин Д. Гончие должны хорошо работать	2
Шарафутдинов А. Не загубить бы гончих	12
Шперов И. С лайкой за барсуком	5
Юрганов В. Охотник с легавой	8

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Алехин И. Трудовой русак	1
Алехин И. Широкий	9
Алехин И. Смолиевские гряды	11
Андрианов Ю. Стихи	7
Арсеньев В. Охота на тигра	4
Бикмуллин А. Нет — хочется, есть — не надо	2
Бикмуллин А. 48645	10
Булгаков М. Полтора века охотничьей периодики	2, 3, 11
Булгаков М. Тот самый Мензбир	5
Булгаков М. Вагон № 666	7
Булгаков М. Вадим Борисович Чернышев	9
Бунин И. Восемь лет. Жизнь Арсеньева (отрывок)	2
Вербицкий Н. Мемуары ирландского сеттера	11
Волков О. Доброе имя охотника	1
Голев Б. Во сне и наяву	2
Гусев О. Бунин: «Жизнь Арсеньева»	4
Житенев Д. Просто удачный день	7
Калинин М. Паладин охоты	12
Карантаев Л. Айтос	8
Котляров Ю. Наши жены — ружья заряжены	4
Котляров Ю. В чужой монастырь	9
Кузнецова М., Савельева К. «И другого счастья мне не надо...» (интервью)	3
Кузнецова М. Стихи	3
Кучеренко С. Любовь прекрасна для двоих	12
Ливеровский А. Охота, которой не было	12
Марков Б. «Браконьер»	6
Мартынов Е. Стихи	4
Озеров С. Рассказы старого холостяка	2
Опочинин Е. Холопья услуга	3
Панкратов В. Портрет анималиста	2
Панкратов В. Созвездие художников Маковских	7, 8
Петров Б. Весна на снегу	3
Петров Б. Снежный ожог	5
Петров Б. Про босого деда	10

Романов А. Стихи	1
Садчиков В. Стихи	6
Скворцов К. Стихи	2
Соловьев В. Стихи	8
Сысоев В. Заворотень	8
Тарханов А. Стихи	11
Чернов А. Первые опыты	6
Чернышев В. Олег Васильевич Волков (1900—1996)	1
Чернышев В. Панкратовы пожни	4
Чернышев В. «Визитная карточка Дальнего Востока»	8
Чернышев В. Похвальное слово охоте	9
Шевяков Ю. Тринадцать осенних вальдшнепов	10
Шумаков Н. Стихи	6
Шишкин В. Стихи	9
Штильмарк Ф. Айка, Найда и Кутуз	12
Янковский В. Староверы	6

ЗА РУБЕЖОМ

Абрамов Б. Охота на фазанов в Венгрии	11
Блюм М. Испанские ружья	6
Дэжкин В., Кузнецов Е. Новости из США	12
Копейко Е. Охотничье оружие «Когсвелл и Гаррисон»	4
Костромин В. В Австрийских Альпах	10
Мак-Грейл Д. Искусшение дикой индейкой	1
Мак-Грейл Д. Вдвоем за оленем	8
Руковский Н. Речная выдра в Западной Европе	3
Силантьев В. Бизоны в Америке	9
Чегодаев А. Дикая индейка	1

РАЗНОЕ

Гусев О. Забавные несуразности	1
Дигилевич А. Егерю Н. Н. Кутузову — 77 лет	4
Дигилевич А. Юнохи	7
Дормидонтов Р. Вся жизнь на виду	5
Дигилевич А. Лосеферма под Костромой	8
Животченко В. У кормушки	3
Животченко В. Анималистическая скульптура XIX — начала XX века	10
Ерохин В. Птицы нашей родины	7
Лысков С. Камчатка и Магадан: чудо-трофеи	8
Плакса С. Ветеран в строю	7
Савченко А. Звенят, звенят серебряные колокольчики	2
Севастьянов А. Выставка «Волки»	3
Севастьянов А. Потаенное место	9
Устинов С. Там чудеса	7
Шишкин В. Охота в рисунках Б. Игнатьева	1
Шишкин В. Анималисты «Бестиария»	11

УВАЖАЕМЫЕ ОХОТНИКИ, РЫБОЛОВЫ И ТУРИСТЫ!

Фирма «Оборонтех» (основана в 1992 году) проводит кампанию

по заключению договоров на 2001 год

Мы предлагаем:

Свыше 600 наименований охотничьих, рыболовных и туристических товаров отечественных производителей

Отгрузку товара по 50 % предоплате и взаимозачету

Отправку товара в любую точку России багажом, ж/д контейнером и авиатранспортом

Заявки по почте и факсу (круглосуточно).

Офис и склад в одном здании. Удобное место нахождения (район 3-х вокзалов)

Быстрое обслуживание клиентов на складе. Оплата: наличный, безналичный расчет

Принимаем на реализацию охотничьи, рыболовные и туристические товары

Будем рады сотрудничать с отечественными производителями

Наш адрес: 107140, Москва, ул. Верхняя Красносельская, д. 15, стр. 2, оф. 253

(5 минут ходьбы от станции метро «Красносельская»)

Тел. (095) 264-84-56, 264-80-76, факс: 264-55-01

ОГЛОБЛИН К. Далеко, да мило	1
КРАЕВ Н. Право охоты	2
СЕВАСТЬЯНОВ А. Есть след — есть зверь	6
ПРИХОДЬКО В. Дальневосточная кабарга в опасности !	8
ПАВЛОВ М. Как я стал охотником и охотоведом	12
ДЁЖКИН В., КУЗНЕЦОВ Е. Новости из США	15
БОБРОВ Р. Императорская охота	16
ФЛИНТ В. Памяти друга	19
ВЕРЕЩАГИН Н. Накануне и в начале Великой Отечественной войны	20
КОЛЕСОВ Г. К закону об оружии	22
САВЕЛИЙ М. Охотник с ружьем в самолете	23
ГУСЕВ Э. О патронах и порохе	24
ШАРАФУТДИНОВ А. Не загубить бы гончих	26
КАЛИНИН М. Паладин охоты	28
ЛИВЕРОВСКИЙ А. Охота, которой не было	31
ДОРМИДОНТОВ Р. Рисует А. В. Ермаков	32
ШТИЛЬМАРК Ф. Айка, Найда и Кутуз	34
КУЧЕРЕНКО С. Любовь прекрасна для двоих	38
ШТИЛЬМАРК Ф. «Охотничий просторам» — полвека	41
Содержание за 2000 г.	46
Реклама	40, 45, 47
ШИШКИН В. Гусеобразные	48

На первой странице обложки:

Карело-финские лайки — самые темпераментные из наших лаек. С ними охотятся на пушного зверя, пернатую дичь и даже на медведя

Фото А. Севастьянова

На второй странице обложки:

Мохноногий сыч. Эта короткохвостая и большеголовая лесная сова обитает в хвойных лесах таежной зоны

Фото Ю. Андреева

На четвертой странице обложки:

Обыкновенная белка — вездесущий пушной зверек, обитающий в лесах России. Встречается также в лесостепи и лесотундре.

Фото А. Севастьянова

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, Р. В. Дормидонтов, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев.

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 09.10.2000 г. Подписано к печати 03.11.2000 г. Формат 84х108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,04. Тираж 2550 экз. Заказ 2354. Цена 17 руб.

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спасская ул., 18. Тел.: 207-24-05, 207-20-91.

Ордена Трудового Красного Знамени
ГУП Чеховский полиграфический комбинат
Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
142300, г. Чехов Московской области
Тел. (272) 71-336, факс (272) 62-536.

Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452.

ГУСЕОБРАЗНЫЕ

Если чирок-свистунок и чирок-трескунок остаются обычными охотничьими видами (см. № 11 с. г.), их запасы еще значительны, то мраморный чирок включен в Красную книгу редких и исчезающих птиц мира, в Красную книгу России. Кандидатом для внесения в эти печальные списки стал и клоктун — российский эндемик, бывший недавно частым трофеем охотников Восточной Сибири. Во второй половине нашего столетия началось по не выясненным до конца причинам катастрофическое падение численности этой красивой речной утки. Относительно стабильна ситуация с другой прихотливо украшенной сибирской уткой — **касаткой**, распространенной от верховьев Енисея до Камчатки, Сахалина и Курилы. Длина крупного селезня касатки 50—55 см, вес до 800 г. Самки мельче. Брачное оперение самца контрастное: голова темная с зеленым отливом, верх головы темно-коричневый, на затылке свисающий хохол, подбородок и горло светлые, на белой шее темное кольцо. Зоб, бока, брюшко, спина серые с чешуйчато-струйчатый рисунок различной резкости. Зеркальце темное с зеленоватым отблеском. Характерны удлиненные внутренние второстепенные маховые, свисающие в виде косиц поверх сложенного крыла. Надхвостье и подхвостье черные, по бокам последнего по большому светло-охристу пятну. Клюв черный, лапы серые с темными перепонками. Как у большинства речных уток, самка буровато-пестрая, на груди черная чешуйчатая рябь. На гнездовании касатки встречаются по берегам различных пресноводных водоемов. В кладке 6—9 яиц. Насиживают 24—26 дней. Многие детали гнездового цикла не изучены. В питании преобладают растительные корма. Зимуют касатки в странах Дальнего Востока. Неоднократно отмечались залеты в Европу и Переднюю Азию. Динамика численности касаток неизвестна, в области гнездования обилие везде незначительно, местами остается объектом охоты, особенно на пролете.

Клоктун заметно меньше касатки, длина около 40 см. Вес крупных селезней — 500 г. Окраска самцов в сезон размножения позволяет безошибочно опознать этот вид: на голове за глазом полукруглое темное с зеленым блеском пятно, окаймленное сверху и снизу белой полоской, перед ним два желтых, разделенных черной вертикальной полосой. Грудь розовато-охристая с темными пятнышками. По бокам зоба поперечная белая полоска. Зеркальце черно-зеленое, окаймленное сверху рыжеватой, а снизу белой полосой. У сидящего селезня заметны удлиненные плечевые светло-охристо-черные перья, свисающие поверх крыла. Самка буровато-пестрая, с белым пятном у основания клюва. Ранее распространенный на гнездовании от Таймыра до Чукотки, местами многочисленный клоктун везде ныне снизил свою численность. Одна из возможных причин такого уменьшения обилия — перепромысел на местах зимовок. В Японии в конце 40-х годов один ловец добыл за сутки 10 тыс. клоктунов.

Вся мировая популяция мраморного чирка не превышает 20 тыс. особей. Распространенный от Северной Африки до Средней Азии и Индии, этот вид стал повсеместно редок. Последние достоверные сведения о встрече мраморных чирков на российской территории (дельта Волги) относятся к 50-м годам нашего века. Ближайшее из ныне существующих мест гнездования — Азербайджан. Мраморный чирок длиной около 45 см, весом 0,5 кг, не может похвастаться яркостью оперения. Занимая промежуточное положение между речными и нырковыми утками, этот вид отличается палевым, буровато-серым оперением с округлыми светлыми пятнами, особенно заметными на спине, темной зоной вокруг глаз. Зеркальце отсутствует. Самец и самка окрашены сходно (у самца более заметен хохолок на затылке). Сведений о гнездовании мало. Кладка из 7—14 яиц. Мраморные чирки малоосторожны, подпускают на близкое расстояние. Любые сведения о встречах этого вида представляют значительный научный интерес.

В. ШИШКИН

8